Р. С. Ф. С. Р.

ТРУДЫ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.

Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914-1918 гг.

Часть I.

Составил **Н. ВАЛЕНТИНОВ.**

Под редакцией ответственной редакционной коллегии в составе: А. А. Свечина, В. Н. Клембовского, Д. П. Парского, Я. К. Циховича и Д. К. Лебедева.

МОСКВА.
1920 г.

Военная Типография (Площадь Урицкого, 10).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий труд не представляет собой полной истории сношений России с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 г.

Сфера рассматриваемых отношений с'ужена прежде всего исключением целых областей, имевших большое военное и политическое значение, но носивших слишком специальный характер.

Таковы прежде всего *вопросы снабжения*, игравшие громадную роль в сношениях союзников и тесно связанные со всеми рассматриваемыми и в настоящем труде событиями. Значение вопросов снабжения возрастало с истощением запасов в некоторых государствах и с переходом союзников к системе взаимной помощи не только путем военных операций, но также путем снабжения нуждающихся государств излишками запасов более оборудованных союзников. Несмотря на значение этих вопросов и на влияние их на всю деятельность союзных штабов и прежде всего на самое ведение операций мы постоянно отделяем их от общих военно-политических сношений и затрагиваем лишь в некоторых случаях, где краткое о них упоминание было необходимо для развития хода событий.

Рядом с областью снабжения и тесно с нею переплетаясь стоит область *экономических отношений* союзников. Сюда входят громадные вопросы организации промышленности, продовольствия, рабочий вопрос, блокады неприятеля, тоннаж, фрахты и т. п. С интересами союзников и неприятелей связаны интересы нейтральных держав и поэтому нередко чисто экономические вопросы осложняются политическими конфликтами. Все это отражается самым существенным образом на ведении войны. В отношении этой области мы руководились теми же принципами, как и в отношении снабжения.

Рядом с этим нельзя не отметить постоянного вторжения в сношения по стратегическим вопросам *чисто политических элементов*. Здесь с одной стороны играют роль факторы внутренне-политические, в особенности приобретавшие значение в парламентских странах. Мы видим например во Франции постоянное давление политических кругов на п-во и на высшее командование. Нередко происходит вмешатель-

ство в ведение операций, в вопросы смены начальников и распределения войск совершенно посторонних партийных и внутренне-политических соображений. Еще более явственно проявляется политический элемент в сношениях союзников друг с другом и с нейтральными странами. Чрезвычайно трудная задача вообще во время войны—отделять область высшей стратегии от области политической. Всякая операция в числе своих причин имеет политические соображения и ведет к политическим последствиям. С другой стороны, всякое политическое событие, затрагивающее воюющих, отражается так или иначе на их стратегии. Если связь эта весьма определенна вообще во всякой войне, она делается во много раз сильнее в коалиционной войне такого мирового масштаба, как великая война 1914—1918 г.г. Самое столкновение двух громадных коалиций, включавших в своем составе большинство стран и народов мира, было событием, политическая важность которого вряд ли может быть даже вполне оценена нами, его современниками.

Все области жизни всех народов были затронуты войной и не видно пока никаких пределов той волне политических и социальных последствий, которую она всколыхнула и движение которой в первую голову захватило в своем потоке Россию. Если отказаться от таких грандиозных перспектив политического значения войны и искать лишь конкретных политических проявлений, связанных с ведением войны союзниками—то и здесь мы найдем в каждом вопросе неразрывную связь чисто военных событий с общей эволюцией за время войны внешне политических отношений воюющих. Мы увидим, как по мере нарастания германской мощи, в войну не только втягивались на стороне союзников новые государства, но рядом с этим возрастала степень участия тех, кто думал отделаться небольшими жертвами. Все державы готовились к короткой войне и расчитывали, главным образом, на первые удары. Оказалось, однако, обратное. Война из войны армий сделалась войной государств, из войны государств стала борьбой наций. И в связи с этим громадным напряжением всех сил столкнувшихся народов, интересы каждого в самой борьбе начали приобретать чрезвычайное значение. Не только победа и поражение, но самый способ ведения войны—с колоссальными жертвами и неслыханным напряжением—получил отражение на всех основных отправлениях государственной и народной жизни. Этим об'ясняется двоякий про-

цесс, обнаруживаемый за время войны в отношениях союзников. С одной стороны коалиционный характер самой войны и трудность согласовать усилия разнородных армий ставит все больше и больше перед союзными правительствами и штабами вопрос о необходимости об'единения усилий и средств против общего врага. С другой стороны, однако, углубление и рост требуемых от каждого усилий и жертв нередко противупоставляет этому центростремительному стремлению центробежные эгоистические стремления отдельных наций. Мы остановимся далее несколько подробнее на развитии этих двух процессов, по сколько они затрагивали Россию. Здесь следует лишь отметить, что невозможно отделить политическую сторону от чисто военной в таких событиях, как общее ведение войны союзниками. Можно лишь, и это выполнялось по мере возможности при составлении настоящего труда, откинуть чистую политику и входить в ее рассмотрение лишь тогда, когда она не отделима от стратегии.

Но и в самой области чисто военных вопросов, составляющей содержание наших исследований, пришлось провести некоторые грани и выпустить целые, весьма важные, отделы,—по которым также имели место оживленные сношения между союзниками. Такова, например, область морских операций, которая могла войти в настоящий труд, но была исключена почти полностью вследствие разработки всех материалов, касающихся войны на море, особой морской комиссией. Другие разряды сношений носят более технический характер и были исключены из нашего исследования по этому основанию. Таковы, например, сношения по вопросам разведочной службы, беспроволочного телеграфа, путей сообщения и т. п. Нужно надеяться, что все эти области сношений найдут своих историков, которые используют несомненно накопившийся по этим вопросам за время войны богатый материал.

Таким образом, само задание настоящего труда ограничено в том смысле, что оно захватывает лишь сношения России с союзниками по вопросам *высшего военно-политического характера*. Хронологически в этом труде охвачены период от начала войны до октябрьского переворота.

Историческим введением к настоящей работе служит напечатанный в 2-м выпуске Военно-Исторического Сборника очерк „Соглашения России с иностранными государствами по военным вопросам до войны“. В этом очерке указаны те рамки, которые ставились взаимодействию ар-

мий некоторых из союзников еще до войны и обследуется та исходная военно-политическая обстановка, из которой впоследствии развились сложные взаимоотношения, рассматриваемые в настоящем труде. В виде же дополнения к нему можно указать на имеющий появиться в 3-м выпуске Военно-Исторического Сборника очерк „Русские войска во Франции и в Салониках во время войны 1914—1918 г.г.“.

Но и взятая в таком об‘еме наша работа не может претендовать на то, чтобы служить историей даже тех сношений, исследование которых входит в ее задачу. Историческое исследование требует безусловной полноты относящихся к данному периоду или факту данных. Об‘ективное описание лишь тогда представляет разностороннее освещение предмета, когда каждое утверждение того или другого документа прошло сквозь огонь проверки других документов, исходящих от других свидетелей или участников. Такая полнота не могла быть достигнута в нашем труде в виду ограниченности имевшегося у нас в руках материала. Очень часто последнего не хватает даже для связного смысла расказа и приходится останавливаться на досадных пропусках и переходить к другой связи событий, оставляя не освещенными целые периоды или целые области фактов. Тем не менее при всей его неполноте и разрозненности материал, заключающийся в делах управления генерал-квартирмейстера Ставки: „Сношения с союзниками по оперативным вопросам,“ настолько богат, настолько изобилует интересными данными и яркими штрихами, обрисовывающими обстановку великой войны и лиц, игравших в ней выдающуюся роль, что даже при известной неполноте, исследование, на нем построенное, должно дать много неизданных и интересных сведений. Документы так много говорят, что мы решили, при анализе их, ограничиваться лишь наиболее необходимыми вводными и заключительными замечаниями. Такой об‘ективный характер изложения диктовался как недостаточностью материала для выработки окончательных суждений, так с другой стороны частой их ненужностью в виду того, что факты и язык свидетелей и участников событий необычайно сами и по себе красноречивы.

К концу I и II частей настоящей работы приложен список дел, заключающих рассмотренные документы[1]).

---

[1]) Все ссылки на документы в подстрочных примечаниях снабжены также ссылкой на дела, при чем последние указываются вслед за № документа, № дела по списку, заключенным в скобки.

ВВЕДЕНИЕ К I ЧАСТИ.

При составлении настоящей работы оказалось, что ее можно разделить на две части. Всякое деление исторического материала условно и зависит всецело от полагаемой в основу рассмотрения идеи. Сношения союзников по военным вопросам можно было рассматривать с самых различных точек зрения и соответственно разбивать историю этих отношений на периоды. Но лучше всего, когда точка зрения, главная идея не придается материалу извне, основываясь на вызванных из него отдельных намеках, но всецело вырастает из него, диктуется настоятельно всем направлением изучаемых событий. Такая идея имеется в документах, подлежавших нашему разбору. В них с самого первого дня сквозила одна мысль, жило одно стремление, более или менее ярко проявлявшееся в зависимости от происходивших обстоятельств и общей обстановки. Эта идея—цель, которую сама жизнь, само существо дела поставило перед союзниками и, которая была ими вполне осознана и положена в основу всех попыток общей работы. Эта цель—согласование действий союзников в борьбе с общим врагом.

Все ведение войны с самого ее начала до октября 1917 года представляется как постепенное развитие этой идеи и осуществление ее во все более и более совершенных формах. Неудачи союзных войск порождают критику общей организации, побуждают иметь более совершенную общесоюзную организацию. Последняя была намечена в союзных военных конференциях, первая из которых собралась в ноябре 1915 года. Конференции сами по себе не имели большого значения, но важность их заключалась в связующей силе принятых на них обязательств.

Они явились как бы возобновлением во время войны военных конвенций, игравших такую большую роль при распределении и устройстве союзных сил в мирное время. Можно считать поэтому, что эпоха конференций была поворотным пунктом в ведении войны.

Соответственно история последней может быть представлена как война в период до конференций и война после них.

Первый период—это время разрозненных операций или в лучшем случае операций согласованных в связи с случайными, частичными и временными планами. Второй период—попытки научной систематизации усилий, направленных на об'единение всех действий союзников. Самый момент перехода от одной системы к другой не вполне совпадает со временем созыва первой конференции. Нужно было время, чтобы разработать и подготовить общий план, и наступление новой эры можно считать лишь с момента начала серьезного проведения его в действие. Соответственно этому правильнее будет видеть начало осуществления новой системы в результате 2-й военной конференции в Шантильи в марте 1916 года и связанной с нею военной политической конференции. Первой же серьезной попыткой выполнить этот план было наступление русских войск весной 1916 г.

Мы нашли возможным положить это деление в основу распределения нашего материала на две части. Первая обнимает все время от начала войны до Верденской операции и так называемого Брусиловского наступления. Вторая начинается с этого наступления и кончается разложением русской армии перед Октябрьским переворотом.

Мы намерены в настоящем введении остановиться на общем характере первого периода и на тех основных выводах, которые можно сделать из обзора относящихся к нему сношений между союзниками. При этом мы будем иметь в виду, главным образом, данные, относящиеся к участию в этих сношениях России.

Основной факт, бросающийся в глаза при изучении истории этих сношений—особое положение России в коалиции союзных держав. Причина такой нашей обособленности лежит, прежде всего, конечно, в географических условиях. С самого начала, еще во время заключения франко-русской конвенции (1892), было ясно, что в войне союзников против Германии будет два отдельных фронта—русский и французский.

Все планы войны как германские, так и союзные, учитывали это обстоятельство и строили, исходя из него, свой расчет, союзники на том, чтобы согласовать свои разобщенные географией действия, немцы на том, чтобы, воспользовавшись этим разделением, действовать по внутренним операционным линиям.

Война внесла существенные изменения в общее положение, но оказалось, что все они не уменьшают, а наоборот углубляют разобщенность России и ее западных союзников. Прежде всего в этом смысле действовал самый состав коалиции: к Франции и России присоединились государства, связанные с Францией частью непосредственным соседством, частью удобными путями сообщения. Ближе к России стояла в начале одна Япония, но она была отделена от театра военных действий пространством самой России. Вместе с тем и состав вражеской коалиции отделял нас от союзников. Германия и Австрия, составлявшие сплошную массу, отделявшую нас от Европы, получили ценное с этой точки зрения добавление в лице Болгарии и Турции, окончательно отрезавших южные пути сообщения России с Западом, пути, которыми мы пользовались весьма интенсивно в первые месяцы войны.

Борьба за эти пути была главным содержанием политики и стратегии на Ближнем Востоке.

Германцы правильно и во-время учли обстановку и рядом комбинированных дипломатических шагов и крупных военных операций добились сплошного восточного фронта от Риги до Багдада. Союзники допустили и по отношению к Турции и по отношению к Болгарии одну и ту же ошибку: сперва расчитывали удержать их в нейтральном состоянии путем дипломатического воздействия; когда же последнее не увенчалось успехом, не предприняли на Ближнем Востоке сокрушающих операций, но расходовали свои силы мелкими частями, как то происходило в Дарданельской и в начале Салоникской операций.

Результатом этого явилось гораздо более полное отделение России с юга от союзников, чем то диктовалось сперва чисто географическими условиями. Лишь впоследствии были сделаны серьезные шаги с целью исправить эти ошибки в виде усиления Салоникского фронта и действий англичан в Турции. Однако было уже поздно и вражеская стена, с юга окаймлявшая Россию, просуществовала до самого конца войны.

На севере Швеция оставалась нейтральной, но сообщения союзников с Россией были подвержены влиянию постоянных перемен ее политического настроения, постепенно ухудшающегося по отношению к нам по мере роста германских успехов с одной стороны, с другой же неудобств, возникавших для самой Швеции в связи с уси-

лением союзной блокады. Только много месяцев после начала войны удалось путем постройки Мурманской жел. дороги и увеличения провозоспособности Архангельской ж. д. открыть новые пути для доставки в Россию нужных ей припасов и свободного с ней сообщения. Но пути эти оставались технически мало оборудованными и мало внесли изменения в создавшееся положение.

Отделенность России обусловила ведение войны и имела ряд крупных последствий. С одной стороны она укрепила возможность для Германии вести борьбу по внутренним операционным линиям. С другой она разбила союзников на два отдельных лагеря: в одном западные державы с примыкавшими к ним более мелкими и отдаленными союзниками; в другом сперва одна Россия, затем Россия и Румыния.

Можно заметить, что история сношений России с союзниками представляет собой, главным образом, ряд попыток с обеих сторон, направленных к тому, чтобы побороть отмеченное основное расхождение и установить необходимую для успешного ведения войны общность действий. Но если сношения эти указывают на постепенно возраставшее сознание пагубности такого разделения и необходимости его преодоления, те же сношения показывают нам нередко, наоборот, неспособность союзников создать нужную согласованность и вместо роста единения с Россией, наоборот, еще большее с нею расхождение. Последнее обстоятельство объясняется тем, что разобщенность географическая и стратегическая, неизбежно, и несмотря на все усилия, создавала разобщенность экономическую и политическую. Гораздо более сильные, чем мы, в производстве и в промышленности западные страны достигли вскоре возможности создать громадные запасы припасов и снаряжения и изменили у себя весь характер войны. Вместе с тем возможность пользоваться морями поставила их в более выгодное, чем мы, продовольственное положение. Наконец, и в политическом отношении в самой антанте создался как бы более тесный союз держав, воюющих на западном фронте и об'единенных в отличие от России и отчасти Италии особыми условиями своих совместных приготовлений и операций. Нужно сказать при этом, что правительства и штабы Франции и Англии, а также руководящие в этих странах общественные круги были часто склонны принимать интересы своего фронта или даже фронта каждой из этих стран в отдель-

ности за интересы всего союзного дела. Этим нередко наносился ущерб последнему и в частности интересам России, весьма добросовестно стремившейся не отделять своих нужд и потребностей от целей всех союзников.

Уже в первый период войны выяснилось некоторое несоответствие интересов союзников и России, и в связи с этим мы находим признаки некоторого взаимного недовольства, как со стороны французских правящих сфер и самого Жоффра, так и со стороны Ставки. Основание для этих недоразумений было глубже, чем то вероятно казалось участникам. Они заложены уже в основном плане ведения войны, закрепленном франко-русским договором 1892 г. и последующими совещаниями начальников штаба. План этот, принятый по почину и в значительной мере под давлением французов был во многих отношениях невыгоден для России, так как русские силы сосредоточивались против пустого почти пространства на германском фронте, тогда как Австро-Венгрия в это время направляла против нас главные свои силы [1]). Тяжесть выполнения взятых нами на себя обязательств обусловила медленное осуществление Россией основного плана, что вызывало во Франции нарекания. При этом на Западе очень скоро забыли исключительную роль, сыгранную во время битвы при Марне русским наступлением в Восточной Пруссии. Нервному настроению французов способствовала тяжелая обстановка на их фронте. Нужно при этом отметить, что особенности французского режима создавали во все время войны возможность вмешательства в военные вопросы различных политических деятелей и групп, не всегда отличавших свои партийные или личные цели от целей общего дела союзников. Русская же Ставка не проявляла со своей стороны склонности быть слишком сговорчивой. В значительном числе случаев такое отношение являлось как естественное отстаивание интересов России. Но нередко мы находим и в резолюциях начальника штаба и генерал-квартирмейстера проявления быть может преувеличенного раздражения.

Следует отметить в этом периоде, как и в последующих, некоторое различие отношения к нам англичан и французов. Лорд Китченер с самого начала стремится вы-

[1]) См. в Выпуске 2-м Военно-Исторического Сборника статью Валентинова „Соглашения России с иностранными государствами по военным вопросам до войны“.

казать нам возможное внимание. Он не ограничивается поздравительными телеграммами и сухим перечнем неприятельских и своих дивизий подобно Жоффру, но пытается оказать помощь, как сообщением сведений, так и участием в деле нашего снабжения. Здесь возмущение Ставки против „советов" Китченера вряд-ли правильно и, если англичане не принесли нам в такие тяжелые минуты, как Галицийская битва, существенной помощи, во всяком случае с их стороны видно было сочувствие и желание помочь.

Затем начинается тяжелый для нас период, когда в связи с изменением плана, немцы перенесли свой главный удар против русских армий. Мы видим со стороны русского командования частые обращения к союзникам, все время обещающим перейти в наступление. Последнее, однако, вследствие неподготовленности франко-английских армий, а также большой бережливости командования в отношении человеческого материала ограничивались частичными действиями. Немцы неуклонно осуществляли свой план, и это заставило ген. Данилова на одной из телеграмм Жоффра, сообщающего о незначительном результате одного из наступлений союзников сделать ироническую надпись: „Опять на полметра продвинулись". Надо отметить одну характерную черту Жоффра в его переписке со Ставкой по оперативным вопросам. Французский Главнокомандующий постоянно ссылается в ответ на все просьбы и намеки, исходящие с русской стороны, чтобы усилить активность французов, на сравнительный подсчет неприятельских сил на западном и на русском фронте. Цифры эти говорят в пользу союзников, так как, в самом деле, большая часть германской армии оставалась почти все время на их фронте. Но не говоря о том, что германцы в отдельных случаях (как напр. при Дунаецком прорыве) переводили на русский фронт свои лучшие части (напр. гвардию)—очевидно, что подсчет одного числа баталионов не исчерпывает условий военной обстановки. Между тем, характерно, что Жоффр чрезвычайно мало считается в своих телеграммах и письмах с совокупностью этих условий, значительно ухудшающих положение русских по сравнению с германцами. Тут и сосредоточение на русском фронте всей германской кавалерии и значительного количества запряженной артиллерии, и пространство при плохих средствах сообщения, и неблагоприятные климатические условия и трудности снабже-

ния, главным же образом, несоразмерность технической подготовки, возраставшей в Германии и у ее союзников благодаря развитой промышленности, и отстававшей в России, несмотря на все усилия.

Франция и Англия во всех этих отношениях не только не уступали Германии, но успешно с нею соперничали и вскоре превзошли ее количеством артиллерии, запасов и т. п.

Постоянные недоразумения и пререкания между союзными штабами в связи с возраставшими трудностями войны и рядом неудач, поставили наконец с большой настоятельностью на очередь вопрос об об'единении сил и согласовании действий. Стремление это достигло высшего своего проявления в различных планах установить общее командование. Русский штаб с самого начала отнесся с должным вниманием к этим идеям. Как весьма любопытный показатель некоторых настроений Ставки, мы находим приведенную в главе IV записку о передаче общего командования русскому императору. Проект этот не мог иметь результата, так как он совершенно не считался с политической и военной обстановкой на Западе, но он указывает на серьезное значение, придаваемое в России идее о согласовании операций.

Такое отношение к этой идее проявлено было русским командованием и тогда, когда вопрос этот был реально поставлен на обсуждение союзников в виде плана создать высший постоянный общесоюзный военный совет для об'единения командования всеми фронтами.

Мысль эта встретила, однако, полное несочувствие Жоффра, а также итальянцев, и документы вскоре перестают упоминать о союзном военном совете.

Единственной конкретной формой, в которой осуществилось об'единение действий, оказались, как мы уже упомянули, общесоюзные конференции. Не входя в рассмотрение того, насколько вообще эти собрания отвечали предположенной задаче, отметим только, что выработка военных планов в их составе была весьма невыгодным для России способом об'единения операций. В работах конференции чрезвычайно ярко сказались отмеченные нами выше черты обособленности России от других союзников. Россия оказалась на конференциях в исключительно неблагоприятных условиях. Тогда как другие большие государства были представлены на них своими Главнокомандующими или, в

случаях военно-политических конференций, членами правительств, Россия должна была вверить защиту своих интересов одному военному представителю, оторванному от своего штаба и получающему указания лишь по телеграфу. В каждом вопросе, поднимаемом на конференциях поэтому у других государств была возможность дать исчерпывающий ответ, исходящий непосредственно от правительства или высшего командования. Русский же представитель должен был выступать на основании заранее выработанных и не всегда соответствующих данной постановке вопроса инструкциях или же полагаться всецело на свою собственную инициативу. В несколько сходных условиях находились и некоторые из второстепенных держав, участвовавших на конференции, напр. Сербия. Но то, что было нормально для малого государства, не принимающего в войне решающего участия, для великой державы, единственными своими силами державшей целый восточный фронт, имело несомненным последствием умаление ее авторитета. Получалась привычка не считаться с голосом России или мало считаться и этим в значительной мере усугублялось отмеченное нами выше отношение к русским интересам.

Это сказалось, кроме ряда мелких инцидентов в некоторых вопросах, имевших первостепенное военное значение. Таковы были вопросы об организации Салоникского фронта и вопрос о русском наступлении в 1916 году.

Вопрос о Салоникской операции был связан по существу с русскими действиями против Австрии.

Ген. Алексеев, ещё будучи начальником штаба южного фронта, разработал план, по которому главное наступление русских сил должно было быть направлено против Австрии. Операция эта имела в виду нанести удар в слабое место тройственного Союза и вывести из строя Австрию, после чего представлялось возможным сосредоточить все силы против Германии. С этой целью была начата Карпатская операция, в общем закончившаяся для нас неудачей. Здесь не место входить в разбор качеств и недостатков того или иного стратегического плана. Для нас важно только отметить, что балканский театр с самого начала был весьма важным фронтом для русского командования.

Но независимо от этого и после неблагоприятного исхода Карпатской операции Салоникский фронт имел большое значение, которое постепенно с ходом войны возрастало. Значение это было не только военное, но и поли-

тическое. С результатом военных действий на этом театре связывается возможное участие в войне Греции и Румынии. Вместе с тем это единственный фронт, на котором союзники могут оказать России непосредственную помощь против Австро-Венгрии. Эти основные соображения обусловили дальнейшее отношение к Салоникскому фронту ген. Алексеева.

Он занял соответствующую позицию в споре, возникшем между союзниками относительно действий на Балканах. Мы видим, что Русское командование не только энергично противится намерениям, исходившим, главным образом, от англичан, совершенно ликвидировать Салоникский фронт или во всяком случае значительно его ослабить; ген. Алексеев идет дальше и требует доведения сил на этом театре до внушительных размеров, что изменило бы коренным образом общую стратегическую обстановку и облегчило бы положение на русском фронте. Доводы ген. Алексеева, развиваемые им в ряде подробных телеграмм, где он отстаивает также необходимость активных действий англичан на Турецком театре, не имели успеха.

Западные наши союзники в этом деле стояли каждый на узкой эгоистической точки зрения, стремясь не столько к созданию благоприятной для всех фронтов общей обстановки, сколько к тому, чтобы обеспечить, главным образом, свои непосредственные интересы. Можно отметить также, что значительную роль в колебаниях Франции по вопросу о ближне-восточной армии играли как всегда политические интриги, связанные с нахождением во главе этой армии генерала Саррайль.

В вопросе об общем наступлении, решенном на 2-й конференции в Шантильи, также мы не находим готовности со стороны союзников считаться с особыми требованиями войны на русском фронте. Трудно судить, на основании не полных и иногда односторонних документов, о правильности той или другой точки зрения, но из протоколов конференций, а также из обмена телеграмм между Алексеевым и Жоффром по вопросу о сроках и условиях русского наступления видно, что русским интересам отнюдь не отводилось первого места. Вся тенденция союзного командования заключалась в том, чтобы всецело подчинить русские действия плану, в основе которого были положены прежде всего удобства операций на Западе. Вряд-ли частичные наступления французов и продвижения на несколько

метров, предпринимаемые в результате долгих и настойчивых просьб ген. Алексеева, могли удовлетворить русское командование.

Очень интересно отметить, что отношение союзных штабов и, главным образом, самого Жоффра к России претерпело за рассматриваемый период времени некоторое изменение. В начале войны, когда Россия имела большие неиспользованные силы и запасы и готова была широко расходовать их в помощь не окрепшим еще союзным армиям, с нашими требованиями были гораздо больше склонны считаться, чем позже, когда в итоге тяжелых боев мы понесли значительные потери, тогда как, наоборот, франко-английские армии усилились и численно и технически.

Оттенки здесь почти неуловимы, но изменение отношения явственно, если сравнить детали переговоров и то влияние, которое русское командование в начале войны и в позднейший период оказывало на общие решения.

Здесь ставится вопрос, правильно ли само русское командование поставило себя в отношениях с союзниками? Мы находим рядом в этих сношениях проявления недовольства Ставки с большой склонностью в конце концов идти на уступки. Как то естественно с ходом войны русское командование заняло в смысле влияния второстепенное положение, тогда как оно могло, по значению вверенных ему сил, играть руководящую роль в ведении войны или во всяком случае занимать положение равное с французским и английским штабами. Между тем, мы видим, что центр всех решений переносится постепенно в Париж. Связь русского командования с союзными правительствами и штабами, разрабатывающими эти решения, чрезвычайно слаба и русский представитель является на совещаниях союзников в качестве защитника далекого и оторванного от других воюющих государства [1]). При этом вину за пе-

[1]) Недостаточная связь высшего русского командования со своими представителями в военных совещаниях союзников была отмечена и последними. Особенное внимание обратили на нее англичане, считавшие такое явление вредным не только для интересов России, но и для всего союзного дела Мы находим взгляд на этот вопрос Английского короля, изложенный в телеграмме нашего посла в Лондоне от 7 февраля (25 января) 1916 г. № 52.

Граф Бенкендорф сообщает: „Король сказал мне, что Русский Представитель в Военном Совете в Париже, повидимому, не обладает достаточными полномочиями и ему приходится слишком часто прибегать к помощи телеграфа для получения сведений, необходимых при обсуждении для означенным Советом. Это обстоятельство может вызвать задержки, колебания и даже серьезные недоразумения. По мнению Короля, обсуждение должно быть воз-

достаточную авторитетность голоса русского представителя вряд-ли можно возлагать на отдельных, выполнявших эти обязанности, лиц. Генерал Жилинский проявлял во многих случаях выдержку и находчивость, несмотря на неблагоприятную обстановку. Причину малоавторитетности его заявлений надо приписать двум уже указанным обстоятельствам: особому положению России и недостаточному вниманию к ней союзников. Но несомненно некоторую долю ответственности за создавшееся положение несет и высшее русское командование. Оно не приняло в сношениях с союзниками твердой линии поведения с самого начала и не предвидело, что особые условия участия в войне России потребуют постоянной и упорной систематической борьбы за равноправие ее с другими союзниками. Быть может будет не слишком далеким от истины вывод, что описанные выше отношения стали естественными, потому что это было допущено русским командованием, постепенно упускавшим из своих рук инициативу при выработке и проведении общих планов.

можно полным и всесторонне исчерпывать возникающие вопросы. Настоятельно необходимо периодически командировывать лицо, пользующееся полным доверием Государя и являющееся как бы полным заместителем Генерала Алексеева . . . На заседании Военного Совета союзные страны представляются соответствующими Главнокомандующими и компетентными Министрами; представительство же России остается в сущности возложенным, если не на обыкновенных военных агентов, то все же на лицо, хотя и с расширенными полномочиями, но пребывающее постоянно на месте и не могущее вследствие сего быть должным образом в курсе всего происходящего. С своей стороны я полагаю, что такое положение не соответствует роли, которую русская армия играла и будет играть в течение войны“.

ГЛАВА I.

Первый период войны.

Начало войны 1914 года внесло существенные изменения в политическую группировку держав мирного времени. Выяснилась основная и прочная связанность с одной стороны Австрии и Германии, с другой—России и Франции. Вместе с тем определился нейтралитет двух государств, примыкавших к Тройственному союзу — Италии и Румынии, а также возможного союзника России — Болгарии. С другой стороны в войну против Тройственного Союза с самого начала были вовлечены Сербия и Черногория. Вскоре же на сторону России и Франции встали две могущественных державы Англия и Япония.

В нашу задачу не входит описание войны, а лишь история сношений России с союзниками по стратегическим вопросам, поскольку такие сношения устанавливаются документами русского генерального штаба. С этой точки зрения для первых месяцев войны чрезвычайно характерно прежде всего почти полное отсутствие таких документов. И русское и французское командование стали в начале войны перед вполне определенными заданиями и действовали по разработанным заранее совместно планам. Первоначальное осуществление этих планов протекает в молчании при обмене лишь фактическими данными о силах, расположении и движении противника. Но очень скоро обнаружился результат первых операций. Часть предположений, о которых шла речь при обсуждении франко-русской военной конвенции 1892 г. осуществилась, многие же расчеты оказались неверными. Создалось вскоре положение, при котором потребовалось новое согласование действий союзников, при том согласование уже не теоретическое, а практическое, под ударами противника.

Первые же военные действия выяснили, что немцы осуществляют план нападения главными силами на Францию. Результат операций на западном фронте к 11 августа был представлен Верховному Главнокомандующему в двух

телеграммах военного агента во Франции: „Немцы овладели окончательно Льежом“, телеграфировал гр. Игнатьев „что дало им возможность пользоваться Бельгийскими железными дорогами. Против Антверпена они выставили резервные части. На левом берегу Мааса немцы ведут наступление шестью или семью корпусами, причем овладели всею линией Самбры до Мобежа. Их кавалерия продолжает стремительно двигаться на запад в направлении на Лилль и уже перешла границу между Туркуен и Турне. Английская армия отступила от Монса на линию Валенсиен—Мобеж. Первая левофланговая армия генерала Ланрезака медленно отступает на линию Бомон-Филиппвиль-Айве. Немцы имеют всюду превосходные силы, что подтверждает предположение, что за каждым действующим корпусом следует соответствующего номера резервный. На правом, южном берегу Мааса с немецкой стороны действуют на фронте от Динана до Арион не меньше семи корпусов и резервные части, кои вчера отбросили к границе французскую армию в четыре корпуса, предпринявшую наступление по фронту Невшато-Виртон. Из Люксембурга на фронте Лонгви-Спинкур ведут бой три германских корпуса. На Нанси ведут атаку 4 корпуса и еще пехотные части. Французы удерживают в своих руках проходы в Вогезах. В Эльзасе, занятом французами до Кольмара, у немцев оставлены только ландверные части“.

Донесение с этими данными поступило 13 августа. За ним следовало его продолжение с заключением графа Игнатьева об общем положении на западном фронте: „Вся эта картина, писал он, в связи с характером боев дает мне основание предполагать, что французские армии перейти в наступление в ближайшем будущем уже едва ли могут. Я ожидаю в лучшем случае медленного отступления. На мой взгляд выясняется, что весь успех войны зависит всецело от наших действий в ближайшие недели и переброски на наш фронт германских корпусов. Эта переброска будет облегчена немцам находящимися в их распоряжении бельгийскими железными дорогами, порча коих, к сожалению не существенна. При этом немцы вероятно нарушат нейтралитет Голландии. Потери с обоих сторон громадны, вследствие ожесточенного характера сражения и открытого наступления пехоты днем. Во многих французских пехотных полках они достигли 50%. Дух англичан продолжает держаться надеждой на окончательный благоприятный исход и выручку с нашей стороны“.

В этом донесении важно отметить общий его вывод, что на активные действия французской армии уже расчитывать не приходится. Более того, Игнатьев считает, что весь успех войны будет зависить от способности русской армии оттянуть на себя германские силы с французского фронта.

Эта задача выполнялась в соответствии с общим планом войны нашим наступлением в Восточную Пруссию. Последнее привело в начале августа к общему отступлению германцев на этом фронте. Вместе с тем развивались наши наступительные действия против австрийцев. Имелось в виду также при успехе на Юго-Западном фронте начать наступление на Висле. Связь между операциями на наших двух фронтах с положением на западе лучше всего видна из сообщений, которые русское командование делало французскому уже после неудачи при Сольдау. Так 21-го августа ст. ст. генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего телеграфировал Игнатьеву, что: „25 австрийских дивизий, наступавших на фронте Ополе-Красностав-Бельз понесли громадный урон, вынуждены к обороне, часть подаются назад. 12 австрийских дивизий совершенно разбиты у Львова. Как только выяснится ожидаемое отступление австрийцев немедленно будут приняты меры к переброске больших сил на германский фронт, причем имеется в виду также развитие наступательных действий по левому берегу Вислы“ [1]).

Результаты наших операций не замедлили сказаться. Впечатление в Германии от нашего вторжения в Пруссию было так велико, что германцы были вынуждены в разгар наступления своих армий на Париж снять с своего правого крыла свыше двух корпусов для переброски на Восток. Трудно точно учесть какое влияние увод этих частей оказал на исход битвы при Марне, но во всяком случае можно предположить, что присутствие на французском фронте войск, отправленных против России, значительно ухудшило бы положение французских армий в эту критическую минуту. Повидимому русский штаб именно так оценивал в то время положение и взаимную связь операций на фронтах. 6 сентября (24 августа), т. е. как раз перед решительными событиями на Марне, ген. Данилов телеграфирует в Огенквар: „Передайте Игнатьеву от меня

[1]) Секретная телеграмма ген. Данилова и Огенквар для Игнатьева от 3 сентября (21 августа) 1914 г. № 3570.

для разговоров в Главной Квартире Жофра, что мы можем с удовольствием констатировать факт переброски части сил немцев против нас, чем облегчается положение французов и что вероятно позволит им перейти к проявлению соответствующей активности“ [1]).—Телеграмма эта служит красноречивым свидетельством той помощи, которую русские войска в эту трудную для Франции эпоху оказали ее войскам и тесной связи победы на Марне с операциями русских армий.

В результате этих событий положение во Франции улучшилось. На русском же фронте почти одновременно мы одержали крупную победу над Австрийцами—(взятие Львова) и понесли тяжелое поражение при Сольдау, стоившее нам потери Восточной Пруссии. Неудача эта должна была конечно оказать значительное влияние на наши операции и задержать выполнение общего наступательного плана против Германии.—В это время обнаружилось, что не смотря на отступление немцев на Марне общее положение союзников на западном фронте продолжало оставаться угрожающим. Это видно из того, что генерал Жоффр счел необходимым в начале сентября ст. ст. обратиться к русскому командованию с пожеланием скорейшего нашего наступления. Обращение это было сделано дипломатическим путем посредством сношений французского министра иностранных дел Делькассе с С. Д. Сазоновым. Из телеграммы нашего посла в Париже Извольского от 17 сентября (4 сентября) № 403 на имя министра иностранных дел видно, что французский Главнокомандующий расчитывал повлиять таким образом на решение Верховного Главнокомандующего. Сообщение Извольского чрезвычайно ценно, т. к. проливает свет на взаимоотношения штабов и на положение вопроса о взаимодействии русских и французских армий. Извольский рисует общую картину положения на западном фронте: „Не смотря на блестящую победу, одержанную французами на Марне, немцы отступили в полном порядке и сохранили повидимому полную способность к продолжению боя“. Посол переходит к вопросу о взаимодействии русских и французских войск. „Роли союзных французской и русской армий по отношению к Германии сейчас определяются следующим образом: Французы наступают, имея против себя $^5/_6$ германских сил, а мы, как явствует из последних оффи-

[1]) Секретная телеграмма ген. Данилова в Огенквар 6 сентября (24 августа) 1914 г. № 3672.

циальных телеграмм, остановились перед $^1/_6$ этих сил. Объясняется это конечно тем, что мы имеем дело с двумя противниками, из коих Австрия выставила все, что имела. Полное поражение, нанесенное нами Австрии, приветствуется во Франции самым восторженным образом и в нем видят залог дальнейших наших побед, не только над империей Габсбургов, но и над Германией. Но, как в публике, так и в военных кругах убеждены, что Россия достаточно могущественна, чтобы справиться с $^1/_6$-ой германских сил, независимо от операций против Австрии. Для этого требуется полное напряжение наших сил против Германии, именно в настоящий первый период войны. Между тем, как будто выясняется, что мы не выставили против Германии всех тех сил, которыми мы можем располагать при сложившихся благоприятных обстоятельствах — нейтралитете Румынии и Турции и союзе с Японией. В одном из последних оффициальных сообщений нашего генерального штаба прямо сказано, что необходимость уделить главное внимание Галицийскому театру *„временно помешала нам иметь достаточные силы в Восточной Пруссии“*. Сообщение А. И. Извольского заканчивалось указанием на опасность возникновения недоразумений между нами и французами. „Все это высказывается, разумеется, в деликатной форме, но я не считаю себя в праве умолчать об этой критике и не предупредить Вас о назревающем, быть может, недоразумении, чтобы не сказать противоречии между нами и французами, которые убеждены, что в настоящую минуту Франция почти одна выдерживает натиск германского колосса. Недоразумение это следует непременно рассеять и дать французам уверенность, что мы увеличиваем наши силы на Германской границе с надлежащей интенсивностью. Мне кажется, что этого всего легче достигнуть предлагаемым Вами способом, а именно непосредственным обменом мнений между обоими Главнокомандующими, каковой обмен мнений сейчас, насколько мне известно, вовсе не существует [1]. Из этой телеграммы видно, что в период после Марнской битвы Франция, продолжая находиться в весьма трудном военном положении, ожидала главной помощи от русского наступления и пыталась воздействовать на наше командование в этом смысле. Русское командование с полным вниманием относилось к французским просьбам и делало все

[1]) Секретная телеграмма посла в Париже министру иностранных дел 17 сентября (4 сентября) № 403.

от него зависящее, чтобы облегчить положение союзников. 18 сентября (5 сентбяря) Янушкевич телеграфировал для передачи Жоффру, что мы рассчитываем, что в скором времени явится возможность большую часть сил, собранных против Австрии, направить против Германии в наиболее опасном для нее направлении. Но для этого нам необходимо обеспечить наш левый фланг и тыл окончательным поражением австрийцев. Янушкевич добавлял, что мы с полным напряжением уже теперь усиливаем наши войска против Германии, для чего не останавливаемся перед привлечением на театр военных действий войск с наших азиатских окраин. На фронте уже находятся 2 Кавказских, один Туркестанский и два Сибирских корпуса. Назначены и постепенно будут прибывать еще три Сибирских корпуса, но к сожалению перевозка их не может быть выполнена с желаемою быстротою вследствие малой пропускной способности сибирских железнодорожных линий. В заключение Янушкевич сообщал, что „Граф Игнатьев должен заверить Ген. Жоффра, что мы делаем решительно все для полного напряжения сил и средств с целью обеспечить конечный успех против общего врага“ [1]). Заверения русского начальника штаба произвели на Францию самое благоприятное впечатление. Французский посол Палеолог передал 21 сентября (8 сентября) в Ставку телеграмму французского министра Иностранных дел Делькассе, из которой видно какое значение в то время французское правительство придавало военному сотрудничеству с Россией: „Правительство Французской Республики узнало с самым живым удовлетворением о проекте Его Императорского Высочества Великого Князя Николая, предполагающего, не останавливаясь перед второстепенными соображениями и препятствиями, как только Австро-Венгрия будет выведена из строя, идти на Берлин со всей совокупностью своих свободных сил. Со своей стороны Французская армия не ограничит своих усилий французской границей, ни даже Эльзас Лотарингией, но будет продолжать свое движение на встречу Императорской армии до того дня, когда Союзные Правительства смогут получить для своих народов законное удовлетворение и создать в Европе новый строй, который гарантирует на долгие лета всеобщий мир“ [2]).

---

[1]) Тел. Янушкевича в генеральный штаб в Петроград 18 сентября (5 сентября) 1914 г. № 4084.

[2]) Телеграмма Палеолога 21 сентября (8 сентября) 1919 г.

Тем не менее дальнейшие события развивались угрожающе для французского фронта в связи с осадой Антверпена и эвакуацией Бельгии. В России в это время происходило наше отступление из Восточной Пруссии, закончившееся августовским поражением Германцев. В телеграмме от 2 октября (19 сентября) великий князь Николай Николаевич спешит осведомить ген. Жоффра об этом событии, значение которого было велико и для французского фронта, т. к. связывало на Востоке германские силы. К этому времени, несмотря на неудачу в Восточной Пруссии, общее наше положение на фронте было таково, что позволяло расчитывать на возможность наступления в широком масштабе с целью глубокого вторжения в Германию.

Мы видим, что русский штаб, относясь с видимым неудовольствием к требованиям французского командования, ускорял наше наступление, вместе с тем разрабатывая подробный план активных действий в большом масштабе. Невозможность осуществления таких действий ранее ставится русским командованием в зависимость от переброски германских сил с запада на восток, начавшейся 28 августа (15 августа). Эта переброска заставила изменить первоначальный русский план и задержала следовательно наступление. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего телеграфирует генералам Жоффру и Китченеру: „После поражения в августе нашими армиями Австро-венгерских войск в Галичине и с началом перехода частью наших сил к их преследованию наша цель заключалась в том, чтобы приступить к перегруппировке наших сил на левом берегу Вислы для нанесение удара Германцам и дальнейшего вторжения в их пределы между Бреславлем и Познанью. Между тем к нам стали поступать сведения о сборе значительных германских сил на фронте Калиш — Ченстохов — Олькуш. Сведения эти совпали с периодом интенсивных перевозок, обнаруженных с 15 августа нашего стиля в пределах Германии и имевших направление с запада на восток. Наша разведка вполне подтвердила сбор значительных германских сил и наступление их из Силезии, почему тогда же мы приступили к необходимой перегруппировке наших армий с целью сбора во вновь избранных районах необходимых сил для нанесения удара германцам и преследования их в глубь страны к Берлину“. Условия новых операций рисуются генералом Янушкевичем в следующем виде: „Обнаруженное к тому времени энергичное наступление немцев

на левом берегу Вислы и тяжелые дороги, по которым предстояло нашим войскам передвигаться и при том для некоторых корпусов на расстояниях более 200 верст, привели к необходимости для безопасности операции избрать районом нового нашего развертывания местность по правому берегу по среднему течению Вислы. В настоящее время под завесой значительной конницы и частей пехоты на левом берегу намечанная перегруппировка войск почти закончена. На средней Висле находится весьма значительное число наших войск готовых к бою, причем необходимая по обстановке часть наших корпусов уже переведена на левый берег Вислы. Для достижения на средней Висле превосходства сил над противником приняты самые решительные меры". Генерал Янушкевич заканчивает свое сообщение следующим выводом, который должен был рассеять опасения французов: „В общем, положение на всем нашем фронте таково, что позволяет с достаточным спокойствием смотреть в будущее, задача которого глубокое вторжение наших армий в пределы Германии. Но задача эта по своей обширности и сложности конечно требует времени и спокойной выдержки" [1]).

Осуществление этого плана повлекло за собой битвы на Висле и под Варшавой, отступление германцев и вторичный их удар, приведший к Лодзинской операции. В то время, когда в октябре и ноябре на театре военных действий развертывались эти события, между союзными и русским штабами происходили оживленные сношения по вопросу о распределении германских сил на разных фронтах.

В то самое время, когда посылалась из ставки вышеуказанная телеграмма, Военный агент в Лондоне сообщал, что Китченер лично передал ему нижеследующее: 150 воинских поездов с германскими войсками прошли в течение 29 и 30 сентября и 1 октября ст. ст. через Кельн к Франко-Бельгийской границе. Кроме того 200 поездов прошло через Аахен 30 сентября и 1 октября ст. ст. к французской границе. Кроме того много войск прошло Везель 1 октября ст. ст. в направлении на запад. „Китченер полагает—телеграфировал генерал Ермолов,—что это были два германские корпуса, взятые с тыла восточного германского фронта, т. е.

[1]) Секретная телеграмма ген. Янушкевича послам во Франции и Великобритании для передачи ген. Жоффру и Китченеру 16 октября (3 октября) 1914 г. № 107.

из Бреславля, Позена и Восточной Пруссии и, что немцы решили их опять временно перебросить на запад, пользуясь перерывом нашего наступления, дабы с помощью означенных двух корпусов попытаться прорвать центр генерала Жоффра, силы которого едва уравновешивают силы немцев во Франции. Вследствие сего Китченер считает, что если наше наступление не возобновится в течение примерно одной до двух недель, то положение англо-французской армии во Франции сделается опасным и что, прорвав центр генерала Жоффра, немцы опять перебросят те же два корпуса и более против нас, причем во время операции прорыва англо-французов немцы будут действовать против нас только оборонительно на укрепленных позициях. Совершенно воздерживаясь от каких бы то ни было советов, Китченер желал бы все вышеизложенное довести до сведения нашего Верховного Главнокомандующего“ [1]).

Телеграмма заканчивалась просьбой телеграфировать о получении настоящего сообщения.

Сообщение Китченера повидимому произвело на русский штаб весьма неприятное впечатление. На полях телеграммы против места „воздерживаясь от каких бы то ни было советов“ рукою генерала Данилова написано: „Еще бы“. Далее против просьбы об ответе его же рукою написано: „Пр. не отвечать“. На самой же телеграмме генерал Данилов поставил резолюцию: „Полагал бы телеграмму оставить без ответа. 7-го октября“.

Октябрь и ноябрь ст. ст. 1914 года ознаменовались на русском фронте рядом крупных боев. Выполняя свой план активных действий, русское командование заставило германский штаб обратить серьезное внимание на Восточный фронт и перебросить туда крупные силы. Это создавало все более трудное положение русских армий. В связи с этим находится переписка Ставки с французским командованием во время Лодзинских боев по вопросу о взаимодействии союзников. 21 ноября (4 декабря) ген. Янушкевич сообщает военному агенту в Париже, что через нашего посла в Париже обращено внимание французского правительства

---

[1]) Секретная телеграмма в генеральный штаб военного агента в Лондоне № 9293 передана в Ставку из Петрограда 20 октября (7 октября). По существу, сведения Китченера относятся к 4 вновь сформированным резервным корпусам, при помощи которых германцы возобновили наступление на французском фронте (битва на р. Изер). Войска эти не только не были взяты с русского фронта, как думал Китченер, но на русский фронт одновременно было двинуто германцами три вновь сформированных корпуса, т. е. 43% новых формирований.

на то обстоятельство, что за последнее время немцы, пользуясь затишьем на их западном фронте, перебросили часть сил на наш фронт. „Это обстоятельство — телеграфировал ген. Янушкевич — не может не отразиться крайне неблагоприятно на развитии нашего наступления на левом берегу реки Вислы и может придать войне и на восточном фронте немцев затяжной характер. В виду этого было бы крайне желательно тем или иным способом воспрепятствовать дальнейшему ослаблению германцев на их западном фронте. Благоволите с возможною осторожностью и спокойствием осведомить о положении дел на нашем фронте генерала Жоффра—об исполнении сего поручения и результатах Вашего доклада благоволите уведомить“ [1]).

Серьезность этого шага русского командования и значение, которое ему придавалось, доказывается тем, что кроме обращений Извольского и Игнатьева непосредственно в Париже были посланы по тому же вопросу телеграммы французским послом в Петрограде и представителем французской армии в Ставке генералом Лагиш. Посол в телеграмме от 1 декабря (19 ноября) сообщил о приостановке русского наступления и спрашивал, не является ли возможным наступление французов. Со своей стороны генерал Лагиш телеграфировал: „В течение прошлой недели русская армия вела чрезвычайно сильные бои в Лодзинском районе и понесла тяжелые потери. В виду известия о прибытии германских подкреплений с запада было бы трудно в настоящее время требовать от войск нового усилия в открытом поле, принимая во внимание трудности снабжения всех видов и перевозки пополнений в местности, где неприятель уничтожил все пути сообщения. Великий Князь, желая не оставлять укрепленных позиций и продолжать движение вперед, соответствующее Вашим собственным интересам, был бы счастлив, если бы французская армия могла бы поддержать его в его настоящем положении, перейдя в наступление в возможно кратчайший срок“ [2]).

Французское командование не замедлило ответить на обращение своих русских союзников. 7 декабря (24 ноября) была получена в Ставке телеграмма Игнатьева с результатами его разговора с французским Главнокомандую-

---

[1]) Телеграмма ген. Янушкевича гр. Игнатьеву от 4 декабря (21 ноября) 1914 г. № 223.

[2]) Письмо ген. Лагиш ген. Янушкевичу от 4 декабря (21 ноября) 1914 г. с препровождением копии телеграммы Жоффру.

щим. „Генерал Жоффр сказал,—писал Игнатьев,—что сверх кавалерийских дивизий и одной сводной пехотной дивизии второго полевого корпуса, исчезнувших с фронта и обнаруженных нашей войсковой разведкой,—он полагает, что немцы могли перебросить на наш фронт только: а) ландверные части, составляющие гарнизоны в Бельгии и замененные в настоящее время ландштурмом; б) три следующие пехотные дивизии: 48 резервную дивизию двадцать четвертого резервного корпуса, 31 резервную дивизию тринадцатого полевого корпуса. Основанием для подобного мнения Главнокомандующий считает: 1) войсковую разведку и мнение командующих армиями и корпусами как французской, так и союзных армий; 2) сводку сведений, поступавших о перевозках по Бельгийским жел. дорогам. Когда я вторично выразил предположение, что дальнейшая переброска германских сил на наш фронт может остановить наше наступление, главнокомандующий сказал, что будет сделано все для того, чтобы этому воспрепятствовать и удержать на фронте главные силы противника, которые достигают в данную минуту в круглых цифрах 50 корпусов“ [1]). В этом же смысле генерал Жоффр ответил на обращение к нему дипломатическим путем. „В ответ на телеграмму г. Палеолога от 3 декабря я не могу поверить в перевозку многочисленных германских войск из Франции в Россию. Русские указывают на три корпуса, совершивших это движение: тринадцатый, восемнадцатый резервный и двадцать второй резервный. Между тем за последние восемь дней мы констатировали путем боев, убитых и пленных присутствие всех этих корпусов, за исключением 26 дивизии 13 корпуса и 21 дивизии 18 резервного корпуса. Эти две дивизии следовательно могут в самом деле быть в России. То же относительно 48 резервной дивизии; ни одна крупная часть не была снята с нашего фронта. Это в максимуме составляет силу двух армейских корпусов, образованных из активных и резервных эшелонов, которые могли быть перевезены сверх кавалерии. Мы следовательно имеем все еще перед собой силу в 50 армейских корпусов. Мы их сдерживаем интенсивной и постоянной деятельностью по всему фронту и мы готовимся их прорвать“ [2]). Вслед за этим 9 декабря (27 ноября) генерал Лагиш сообщил телеграмму

[1]) Телеграмма Игнатьева 6 декабря (24 ноября № 380.

[2]) Эд-мемуар французского посольства в Петрограде от 6 декабря (24 ноября) 1914 года. Телеграмма Игнатьева 6 декабря (24 ноября) № 380.

генерала Жоффра, извещающую о начале французского наступления. „Палеолог,—телеграфировал генерал Жоффр,—телеграммой от 29 ноября известил о приостановке русского наступления и спрашивал, не наступило ли благоприятное время для наступления во Франции. Моей телеграммой от 6 декабря я сообщил о предстоящем в ближайшее время наступлении. Наступление это уже три дня в полном ходу. Оно будет конечно иметь результатом противодействовать всякому снятию сил с нашего фронта. Нужно, чтобы генерал Лагиш сказал это Великому Князю и уверил Его Императорское Высочество в стойкости и энергии, проявляемых союзными силами на западе, чтобы навлечь на себя и удержать все усилия неприятеля".

Однако французское наступление не дало обещанных результатов, и Германия продолжала усиливать свой восточный фронт. Сношения союзников, касавшиеся нового плана Германии нанести удар на русском фронте будут нами рассмотрены в следующей главе.

Здесь следует отметить некоторые отдельные вопросы, начало которых связано с взаимодействием русских и союзных войск в первый период войны. Развитию их будут посвящены следующие главы, но необходимо сказать несколько слов об их возникновении.

В январе 1915 года в связи с положением на Балканах председатель английского совета министров Ллойд Джорж сделал предложение союзным державам послать об'единенный корпус союзных войск на Балканы для помощи Сербии против Австрии. Предложение это встретило сочувствие Франции и России и начались переговоры о конкретном выполнении этого плана. При этом вопрос этот с самого начала ставился в связь и с положением на нашем фронте. Мы увидим в дальнейшем изложении, что мысль о создании фронта против Австрии и Турции на Ближнем Востоке укрепляется по мере выяснения тех трудностей, которые необходимо было превозмочь, чтобы нанести удар Германии на главных театрах. Дальнейшим развитием этой мысли явился план Дарданельского прорыва, о котором мы находим упоминания в сношениях союзников в феврале 1915 года.

Рядом с вопросами чисто оперативного характера внимание союзных штабов начинает обращаться к делу помощи в снабжении союзных армий. Быстрое истощение русских запасов после ожесточенных первых боев поставило

на очередь вопрос о снабжении необходимыми боевыми припасами русской армии. Впоследствии этот вопрос разросся до колоссальных размеров и в истории войны составляет совершенно особую часть сношений между союзниками, которую в настоящем труде не предполагается рассматривать. Однако, в начале вопросы снабжения не отделялись от общих стратегических и организационных вопросов и поэтому следует остановиться на обмене мнений по этому предмету между союзными штабами в первый период войны. В Январе 1915 года русский министр финансов Барк, находясь в Париже, имел беседу с Президентом Республики, во время которой был поднят вопрос о недостатке ружей в русской армии. Президент сообщил Барку, что „от Великого Князя Николая Николаевича получена телеграмма, сообщающая о большом недостатке ружей, при чем Великий Князь указывает, что отсутствие в этом деле помощи Франции—фатально для России и приводит его лично в отчаяние“. Барк телеграфировал далее: „Повидимому 5 миллионов ружей, которые должны были быть в наличности, в действительности не оказались[1]). Для Франции такое положение союзницы оказалось совершенно неожиданным и Президент ожидает подробных данных о количестве действительной потребности в ружьях“[2]). Сообщение это вызвало следующий ответ нашего Верховного Главнокомандующего. 6 февраля (24 января) ген. Янушкевич в телеграмме на имя председателя совета министров пишет: „О недостатке у нас ружей и о своем якобы отчаянии по сему поводу Верховный Главнокомандующий лично решительно никому не писал и не говорил. О желательности помощи Франции в деле снабжения нас ружьями действительно делалось заявление генералу Жоффру, который одно время признавал возможным придти нам на помощь в этом деле. Несомненно, что эта помощь нам желательна и соответственные данные о размерах ее Ваше Высокопревосходительство всего лучше получите от Военного Министра, в руках которого сосредоточен вопрос снабжения армий предметами вооружения“[3]).

[1]) Совершенно произвольное предположение министра финансов, впутавшегося без полномочий и справок не в свое дело. Громадный расход ружей в армии в начале войны об'ясняется энергичными действиями, большими потерями на полях сражений и пленными, недостатком внимания к сбору оружия.

[2]) Телеграмма начальника канцелярии министра Иностранных дел директору дипломатической канцелярии Ставки 4 февраля (22 января) 1915 г. № 17.

[3]) Телеграмма ген. Янушкевича Горемыкину 6 февраля (24 января) 1915 г. № 10150.

Наконец, в этот же период войны было обращено внимание на усовершенствование связи между русским и союзными штабами. С этою целью было решено командировать особых офицеров в союзные армии, а также ускорить обмен сведениями о противнике посредством устройства в нашем генеральном штабе особого отделения для работы французских офицеров [1]). Последнее отделение, которое, очевидно, должно было уладить постоянно возникавшие недоразумения между штабом Жоффра, отрицавшим и умалявшим переброску германских войск с французского фронта на русский, и штабом русского Верховного Главнокомандующего, констатировавшего такую переброску, в то же время оказывало союзникам на западе большие услуги, передавая в их распоряжение все добытые в России агентурной и войсковой разведкой сведения о Германии. Агентурная разведка в России, несмотря на крупнейшие недочеты, была уже подготовлена отчасти в мирное время, и поэтому в начале войны функционировала, повидимому, успешнее, чем у союзников.

ГЛАВА II.

Активные действия германцев на русском фронте.

К началу 1915 года стал выясняться новый германский план. Бои на Висле и под Лодзью, вызванные активными действиями русской армии, заставили немцев обратить особенное внимание на свой восточный фронт и начать на нем ряд наступательных операций в крупном масштабе. Для этого были перевезены с запада крупные силы. Этим русская армия ставилась в чрезвычайно трудное положение, усугублявшееся обнаруженным в это время недостатком в снабжении ее вооружением и боевыми припасами. Общее положение наше обрисовано в записке, составленной в феврале ст. ст. 1915 года для французского генерала По, прибывшего в это время в Ставку в качестве представителя генерала Жоффа. В записке этой содержится краткий очерк военных операций на нашем фронте с 15 января ст. ст. по 15 февраля. Из распределения германско-австрийских сил к 15 января видно, что перегруппировка последних имела целью усилить оба крыла австро-герман-

[1]) Телеграмма ген. Данилова военному агенту во Франции 2 января (20 декабря) 1914 г. № 243 и письмо ген. Янушкевича ген. Беляеву 18 февраля (5 февраля) 1915 г. № 1506.

ских армий на 32 дивизии. Из этих дивизий 20 были переведены туда из центра, 12 же были заново направлены против России. Главная часть этих подкреплений в количестве 17 дивизий и притом лучшего качества были перевезены в Восточную Пруссию. Остальные 15 дивизий были направлены на Карпаты и в Буковину. Эта новая группировка должна была дать возможность германцам начать на обоих флангах фронта сильное наступление. План этот был принят, когда германский штаб убедился в итоге январьских боев, что в условиях прежней группировки нельзя было добиться успеха.

Операции начались с попытки прорвать русский фронт на Равке и Бзуре. Однако здесь мы оказали упорное сопротивление. Вскоре выяснилось, что Германцы снимают части с центра и придают наступлению на Варшаву лишь второстепенное значение. Уже в начале января начались активные операции австрийцев в Карпатах, причем с 19 января там появляются и германские войска. В итоге кровопролитных боев к 15 февраля ст. ст. нам удалось отбить с успехом наступление противника в Карпатах и в Галиции и даже сохранить на левом фланге наступательный почин. Правда, это было достигнуто частичным отступлением в западной Галиции, но в общем русские войска за месячный период одержали ряд успехов, взяли 59.000 пленных, 24 орудия и 129 пулеметов.

Однако главный германский удар при осуществлении нового плана давления на фланги должен был быть направлен со стороны Восточной Пруссии. План этот был выполнен посредством двух отдельных операций. Главная из них развивалась по направлении на Августов и в ней принимало участие 18 дивизий. Другая операция с 12 дивизиями совершена была в районе Млавы. Первая операция окончилась отступлением 10. армии и окружением части ее 21 февраля (8 февраля). Вторая операция имела меньше успеха. Немцы 21 февраля (8 февраля) заняли Прасныш и начали движение на Цеханов. Однако русским армиям, благодаря перегруппировке, удалось перейти в наступление и при Прасныше был одержан значительный успех.

Общее положение наше на фронте в результате германского наступления было крайне тяжелое. В телеграмме, отправленной генералом Даниловым 21 февраля (8 февраля) нашим военным Агентам в Париже и Лондоне для пере-

дачи Жоффру и Китченеру, сделана следующая характеристика создавшейся обстановки: „К концу января“ сообщает генерал-квартирмейстер Ставки, „Германия значительно увеличила свои силы на нашем фронте, частью использовав для этого новые формирования, частью сняв некоторые войска с западного фронта. Это увеличение общего количества войск на нашем фронте дало возможность Германии широко использовать свои железные дороги, сосредоточить значительные силы как в Восточной Пруссии, так и на восточно-галицийском фронте, куда вместе с тем была подвезена большая часть австрийских войск с сербского театра. Новое сосредоточение очевидно имело целью оказать серьезное давление на оба фронта нашего расположения, причем главное усилие было сделано со стороны Восточной Пруссии. На этом направлении мы к сожалению понесли серьезную неудачу и новая обстановка заставляет нас предпринять перегруппировку сил с целью усиления обоих флангов, что вместе с тем неизбежно должно повести к ослаблению наших сил на левом берегу Вислы.“ [1]. В этом же смысле высказался Верховный Главнокомандующий в разговоре с союзными представителями. В начале февраля ст. ст. прибыл в Ставку английский генерал Паджет с поручением завязать личные сношения с русским верховным командованием и осведомить Китченера о положении русской армии. 23 февраля (10 февраля) генерал Паджет послал из Ставки телеграмму Китченеру, в которой сообщает следующее: „После продолжительного разговора с Великим Князем общее положение дел отныне и до конца апреля представляется весьма критическим для русской армии“. Великий князь высказал генералу Паджету мнение, что, „наиболее существенным является, чтобы возможно скорее была предпринята против Австрии какая-нибудь важная операция или серьезная демонстрациця. Какое-либо действие на главном театре не приведет к желательному немедленному результату. Успешные действия в Дарданеллах против Турции привели бы через некоторое время к благоприятным результатам, однако слишком запоздалым для того, чтобы помочь в настоящем положении в смысле возможности переброски на главный театр войск, действующих на Кавказе. Сильная демонстрация со стороны Адриатики оказала бы немедленное влияние, а время сейчас не-

[1]) Телеграмма генерала Данилова военным агентам в Париже и Лондоне 21 февраля (8 февраля) 1915 года № 76.

сомненно главный фактор. С каждым днем вопрос о ружьях и снарядах становится все серьезнее. Миллион винтовок необходим, чтобы иметь возможность перейти в наступление, так как без этого никакие резервы не могут быть посланы для усиления боевой линии". Великий князь добавил „что теперь настало время для контр-маневра, так как противник сосредоточил большие силы к северу и к югу от Польши для нанесения решительного удара". Подробности разговоров великого князя и генерала Паджета по вопросу об операциях в Дарданеллах и на Балканах будут изложены нами в следующей главе, посвященной образованию Восточных театров войны. Здесь следует отметить лишь связь, которую союзные штабы устанавливают с этого времени между операциями на главных театрах и действиями на второстепенных фронтах. Озабоченность обстановкой, создавшейся на нашем фронте, сказывается и в дальнейших сношениях Ставки с союзниками. В 20-х числах февраля ст. ст. в Ставку прибыл представитель Жоффра генерал По. В разговорах с ним положение было обрисовано русским командованием приблизительно также как и в сообщениях Паджету, однако с некоторым уклоном в сторону оптимизма, навеянного нашим успехом в 10-х числах февраля под Рожанами и Праснымишем. „Германцы в настоящее время", говорится в записке составленной для генерала По, „отброшены почти до границы, где они снова создали фронт между Млавой и Хоржеле вдоль дуги, образованной течением Оржица. Бои в этом районе, а также по всему фронту между Неманом и Вислой продолжаются до сих пор. „В общем" заключает записка, „развитие операции представляется сейчас в довольно благоприятном виде для русских, но требует еще от них больших усилий и большой настойчивости"[1].

За этим следовало общее заключение, отмечающее увеличение неприятельских сил на нашем фронте: „Необходимо отметить, что с начала войны и до настоящего времени силы противника, направленные против России, постоянно увеличивались и ни одна часть (германская, австрийская или турецкая), введенная в действие на нашем фронте не была до сих пор перевезена на другой театр войны" [2]).

Отмеченный в приведенных нами документах германский план продолжал неуклонно осуществляться. Бои на

[1]) Записка, составленная в Ставке для генерала По 4 марта (19 февраля) 1915 г.

Галицийском и Карпатском фронтах продолжались с неослабевающей энергией. В начале марта ст. ст. сдача Перемышля оживила несколько надежды русского командования.

25 марта (12 марта) Николай Николаевич в телеграмме, адресованной генералу Лагиш, сообщает Жоффру, что благодаря взятию Перемышля наше положение в Карпатах стало более обеспеченным, что даст нам возможность осуществить „предположенную операцию“. Телеграмма не раз‘ясняет о какой операции идет речь, добавляя, что капитан Ланглуа (французский офицер состоявший в Ставке) сообщит генералу Лагиш детали[1]). Однако увеличение сил противника на нашем фронте все продолжалось. 10 апреля (28 марта) великий князь снова обращает внимание генерала Жоффра на продолжающуюся переброску войск, прося посредством действий на французском фронте удержать там силы противника“. „Во время истекшего периода войны“, говорится в телеграмме Николая Николаевича, германцы последовательно перевели, в разные сроки, с западного фронта на восточный, не считая второочередных войск, 14 дивизий пехоты и шесть кавалерии, каковые части все остаются в действии против русских армий. За последние дни многочисленные сведения агентов, отчасти подтвержденные войсковой разведкой, указывают на новую переброску германских сил на их восточный фронт в виде трех кавалерийских дивизий. Есть кроме того признаки возможности переброски пехотных частей, а именно 41-го резервного корпуса и 5-го первоочередного корпуса. В виду того, что было бы чрезвычайно важно с общей точки зрения в настоящую минуту дать нам возможность покончить с австрийскими армиями было бы весьма желательно, если бы Вы нашли возможным припять на западном фронте меры, насколько то позволяют настоящие условия, для воспрепятствования новой переброске германцами сил на восточный фронт. Это обеспечило бы им возможность выполнить мой план переданный Вам капитаном Ланглуа“ [2]).

12 апреля (30 марта) в Ставке был получен ответ генерала Жоффа: „*Во первых*, совершенно верно, телеграфировал французский Главнокомандующий“, что с начала войны

---

[1]) Телеграмма Верховного Главнокомандующего генералу Лагиш 25 марта (12 марта) 1915 г. № 73.

[2]) Телеграмма Верховного Главнокомандующего Жоффру 10 апреля (28 марта) 1915 г. № 170.

14 дивизий перевезены с нашего фронта на восточный фронт. Также верно, что гвардейская кавалерийская дивизия и 3 кавалерийская дивизия отбыли в конце марта. Вероятно, что баварская кавалерийская дивизия за ними недавно последовала. 41 корпус исчез с нашего фронта с 8 марта; некоторые указания позволяют думать, что он прошел через Мюльгаузен. Что касается 5-го корпуса, он несомненно в большей части находится к югу от Вердена; самое большое у него могла быть взята одна дивизия (три полка). *Во-вторых*—наши наступления предприняты были каждый раз со всеми нашими свободными силами и с целью содействовать русским силам, заставляя противника удерживать перед нами возможно большое число корпусов. В виду могущественной укрепленной линии, возведенной им, мы должны были накопить для нападения все наши средства (орудия, снаряды, пополнения). Наступление, начатое в Шампани с 4-мя корпусами, сковало на этом фронте в течение полутора месяца количество сил, соответствующее 5-ти корпусам противника, приведенным со всего фронта. Подобное же наступление развивается сейчас с тою же целью в Вевре. Все наши свободные силы в ней участвуют. *В третьих*—призыв 1915 года и обеспеченное производство нужных снарядов позволит нам, увеличив наши силы на пять дивизий, предпринять совместно с английской армией операцию в большом масштабе. Маршал Френч может, благодаря полученным им подкреплениям, удлинить свой фронт так, чтобы освободить два новых французских корпуса. По соглашению с ним, нами приняты меры для начала сильного наступления, самое большое через три недели. Наши средства будут пущены при этом в ход. *В четвертых*—это наступление по моему мнению было бы особенно действительным, если бы оно совпало не только с новым движением русских на юге, но также с переходом в наступление сербской армии. Мне представляется, что Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич может вызвать ее вступление в действие в нужное время. *В пятых*—с моей стороны, если Италия решится выступить, я не премину попытаться побудить ее к одновременному действию. *В шестых*—если нам удастся осуществить согласование всех усилий, что кажется мне впрочем вполне возможным, последствием этого будет на всех фронтах общее наступление, значение которого будет весьма большим. Я надеюсь, что оно дополнит великолепные резуль-

таты, уже добытые в Карпатах, благодаря героизму русских войск и их вождей"[1]).

Некоторый свет на то, как в это время русское верховное командование понимало общую обстановку на всех фронтах и вытекавшие из нее задачи взаимодействия союзников, проливает другой документ.

Вслед за обращением к генералу Жоффру и по получении от него ответа Николай Николаевич обратился к сербскому королевичу Александру с телеграммой, в которой просил об участии сербской армии в предстоящих общих действиях союзников. В телеграмме этой, отправленной из Ставки 4 апреля мы находим краткий очерк того плана, о котором говорилось в сообщениях Жоффру. „При создавшемся ныне общем стратегическом положении, усилия Высочайше вверенных мне армий направлены к тому, чтобы постепенно развивая наступление за Карпаты, окончательно сломить силу сопротивления австрийских войск. Для успешного выполнения этой весьма важной, не только для России, но и для всех союзников задачи, является крайне существенным, чтобы противники наши не могли в значительной мере подкрепить действующие на австрийском фронте силы путем переброски войск с других театров военных действий. Для воспрепятствования же такой переброске необходимо, чтобы одновременно с нашим наступлением и союзные нам армии развили энергичные операции. По сему поводу я обратился к Главнокомандующему англо-французскими войсками с соответственными пожеланиями, которые мне обещано в возможной мере выполнить. Не подлежит сомнению, что положение наших противников станет еще более затруднительным, если одновременно с наступлением наших и англо-французских армий и сербская армия перейдет в наступление и перенесет военные действия в пределы Австро-Венгрии. Хотя мне хорошо известно с какими трудностями сопряжен переход сербской армии в наступление, однако одновременное энергичное давление на противников на всех трех театрах военных действий представляется настолько важным в целях скорейшего достижения побед, что я тем не менее считаю долгом указать Вашему Высочеству на крайнюю желательность самого энергичного осуществления такого наступления. Некоторым облегче-

[1]) Телеграмма генерала Жоффра Николаю Николаевичу, полученная в Ставке 12 апреля (30 марта) 1915 года.

нием для этого повидимому может служить то обстоятельство, что по имеющимся сведениям австрийцы перебросили с Сербского фронта на Карпаты большую часть своих первоочередных войск"[1]).

Если свести в одно все те соображения, которые высказываются в приведенной переписке, станет ясным, что русское верховное командование в это время не вполне было удовлетворено тем содействием, которое оказывали нам союзники. В самом деле развитием наших активных операций одинаково на германском и австрийском фронтах мы заставили противника, ценою очень больших жертв не только в виде потерь, но и в виде утраты территории, изменить план войны и перенести на Восток центр тяжести наступательных действий. Этим мы выполняли не только наши собственные стратегическия задачи, но в гораздо большей мере задания общей стратегии союзников. Россия принимала на себя удар, который при меньшей ее активности вероятно был бы нанесен англо-французским и сербской армиям. При этом русский штаб расчитывал, что со стороны этих последних, по мере облегчения их положения оттяжкой сил на русский фронт, последуют также активные действия, не позволяющие противнику достигнуть решающих успехов на этом фронте. Из переписки видно, что Ставке приходилось во всех сношениях с союзниками отстаивать эту точку зрения и обращая их внимание на значение русской помощи побуждать их к взаимности в виде приостановления дальнейших германских перебросок. Общий взгляд русского штаба на эти вопросы подробно изложен в письме генерала Янушкевича министру иностранных дел от 2 апреля (20 марта) № 1860 по вопросу о проливах. В это время в некоторых французских кругах возникло течение добивавшееся разрешения вопроса о проливах в нежелательном для нас смысле. Кампания эта опиралась на тот довод, что русские военные силы не принимали активного участия в развивавшейся в то время Дарданельской операции. Ген. Янушкевич счел нужным сообщить С. Д. Сазонову ряд соображений военного характера, которые могли бы послужить материалом в переговорах для противодействия стремлению к умалению общей роли России в военных действиях. Высказав ряд доводов касательно нашего участия специально в Дарданельской

[1]) Телеграмма Николая Николаевича королевичу Александру 17 апреля (4 апреля) 1915 г.

операции, начальник штаба Верховного Главнокомандующего ставил во всей широте вопрос о значении в ведении военных действий России. „Казалось бы, писал генерал Янушкевич, что относительное количество сил союзников, совместно принимающих участие в той или другой частной операции, каковой по существу является операция на проливах, в той мировой войне, которая ведется ныне всеми союзниками, отнюдь не может служить основанием для пропорционального этим силам распределения тех территориальных приобретений, к которым может привести удачный оборот данной частной операции. Мерилом для большего или меньшего приобретения реальных выгод, достигнутых победоносным окончанием войны, может служить лишь совокупность усилий и жертв, проявленных и понесенных каждым из союзников на всех театрах военных действий ради достижения конечной общей цели. Независимо от того распределение этих выгод должно вместе с тем быть сообразовано с теми жизненными интересами, ради которых борются вступившие в союз державы. За истекший период войны Россией принесено очень много жертв ради общей пользы союзников и проявлено не менее самопожертвования ради облегчения положения Франции на ее восточном фронте. Ради облегчения этого положения Россия начала преждевременное наступление в Восточную Пруссию и заставила этим немцев, оставивших с началом войны на нашем фронте, не считая второочередных войск, всего 9 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию, уже в августе перебросить с западного фронта на наш 4 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию. Затем предпринятый нами, опять таки ради облегчения положения наших союзников на западе и по их просьбе перенос действий на левый берег Вислы, который пришлось связать с добровольным отказом от представлявшегося возможным и выгодным предварительного разгрома австрийских армий, заставил немцев перебросить в ноябре с их западного фронта на наш еще 8 пехотных и 5 кавалерийских дивизий. Наконец в январе вновь было переброшено с западного фронта на наш 2 полевых дивизий. В общем за истекший период войны всего было переброшено немцами с их западного фронта на восточный 14 пехотных и 6 кавалерийских дивизий. Кроме того из числа вновь сформированных немцами дивизий за время войны было направлено против России 8 дивизий. Весьма характерным является то обстоятельство,

что за истекший период войны число первоочередных, т. е. полевых и резервных германских дивизий, по сравнению с началом войны увеличилось на нашем фронте с 9 пехотных и 1 кавалерийской до 31 пехотной [1]) и 7 кавалерийских, тогда как на западном фронте число первоочередных пехотных дивизий, считая и принявший участие в сухопутных действиях корпус морской пехоты, совершенно не увеличилось и осталось равным 72-м, а число кавалерийских дивизий даже уменьшилось с 10 на 4. Таким образом, Россия решительно недопустила за минувший период войны усиления Германских войск против Франции и Англии, дав этим возможность своим союзникам приобрести численное превосходство в силах. Необходимо при этом отметить, что на ряду с постоянной переброской германских войск с западного фронта на наш, до сих пор не было ни одного случая, чтобы германская часть, появившаяся на нашем фронте, была переброшена на западный. Россия крепко держит перед собою все то, что направляется противником против нее. Одна приведенная справка о распределении германских сил в начале войны и теперь может служить ярким доказательством ценности услуг, оказанных союзникам Россией, которая поэтому имеет полное право рассчитывать при благополучном окончании войны на благоприятное ей разрешение вопроса о проливах, вызываемого жизненным интересом России.

Но значение России в общей борьбе союзников стоит еще более рельефным, если вспомнить, что Россия притянула на себя всю австро-венгерскую армию, силою, не считая ландштурма, до 46 пех. дивизий, облегчая этим ведение переговоров с Италией и Румынией и остановив новый удар против Сербии и что Россия же нанесла грозный удар Турции на Кавказе под Сарыкамышем, приведший к упадку духа последней и по настоящее время притягивает к себе на Кавказском фронте свыше 200 баталионов турецкой армии, облегчая тем самым борьбу союзников не только в районе Дарданелл, но и в Египте и в Месопотамии [2]).

Опасения об ухудшении положения на нашем фронте в связи с увеличением неприятельских сил быстро стало оправ-

---

[1]) „Общее же число дивизий на нашем фронте, считая и ландверные, доходит ныне до 50“.

[2]) Письмо генерала Янушкевича министру иностранных дел 2 апреля (20 марта) 1915 года № 1860.

дываться. Уже 5 мая (22 апреля) Николай Николаевич, извещая Жоффра о победе над турками при Дильмане, вместе с тем сообщает, что на западном фронте в районе между Вислой и Карпатами идут упорные бои с немцами, которые сосредоточили здесь большое количество войск. В числе этих войск находятся полевой гвардейский корпус и другие полевые части, вновь прибывшие на русский фронт [1]). Вскоре последовали дальнейшие сообщения Жоффру и Китченеру, но уже с описанием неудачного для нас исхода боев на Дунайце. Неуспех этот приписывается русским командованием переброске войск противника на наш фронт, а также превосходству его в артиллерии и количестве снарядов. „Новая переброска германских войск с западного фронта в количестве по крайней мере 4 дивизий и их сосредоточение в Галиции на фронте Дунаец—Горлица с большим количеством других войск, собранным нашим противником в этом районе, а также большое превосходство в артиллерии и в особенности в снарядах, позволили нашим противникам в последних боях одержать тактический успех, который заставляет нас оттянуть наши войска несколько к востоку на подготовленные позиции с тем, чтобы сократить фронт и присоединить их к прибывающим резервам. Временный успех наших врагов на одном из секторов нашего обширного фронта не может повлиять на общий ход операций, в особенности в виду решительного наступления, которое Вы обещали предпринять и если совершенно необходимая посылка снарядов, обещанных французским правительством, произойдет безотлагательно. Все меры для того, чтобы локализировать успех противника приняты, но выполнение их потребует известного времени“ [2]). Такая же телеграмма была отправлена лорду Китченеру. Обстановка, создавшаяся на русском фронте вследствие переброски германских войск, оценивалась весьма серьезно союзниками. В связи с нею ставится подготовляющееся наступление французских и английских армий. 5 мая (22 апреля) французский военный агент передал в Ставку телеграму Жоффра с обещанием начать наступление. Французский Главнокомандующий сообщал: „Имею честь подтвердить Вашему Высочеству мое намерение выполнить в конце настоящей недели важное

---

[1]) Телеграмма Верховного Главнокомандующего Жоффру 5 мая (22 апреля) № 77.

[2]) Телеграмма Николая Николаевича Жоффру 7 мая (24 апреля) 1915 г. № 225.

наступление, возвещенное моей телеграммой от минувшего 12 апреля. Пока эта операция подготовлялась я продолжал в Вевре методические и прогрессивные атаки неприятельских позиций и я должен был в Бельгии при помощи английской армии отразить внезапное нападение, подготовленное вопреки всяким правилам международного права при посредстве приборов образующих удушливые и ядовитые газы. Наши наступления будут продолжаться на этих двух частях фронта согласно нашей главной операции. Наша деятельность не могла помешать снятию Гвардейского корпуса и двух или трех вновь сформированных дивизий, только что перевезенных в Карпаты, но я считаю всякое новое снятие сейчас невозможным" [1]). Вскоре вслед за этим были получены сообщения о начавшемся французском наступлении. „Наступление французских войск", сообщает телеграмма генерала Жоффра 10 мая (27 апреля), „о котором я извещал Ваше Императорское Высочество началось вчера 9 мая в районе к северу от Арраса и будет вестись с самой большей энергией. До сих пор нам удалось захватить неприятельские окопы первой и второй линии на фронте в 7 километров. Мы взяли больше 2000 пленных, 6 орудий и много пулеметов".

Несмотря на наступление союзников нажим неприятеля на нашем фронте продолжался и наше отступление обрисовывалось все в большем масштабе. Сведения с русского фронта начинали вселять тревогу в союзных штабах. В особенности сильное беспокойство проявляет Китченер. Еще в марте он предупреждал русский штаб через посредство великобританского посольства в Петрограде о готовящемся сосредоточении германских войск под Тарновым [2]). В ответ на телеграмму о взятии Дильмана и о переброске немцев в Галицию Китченер телеграфирует поздравление по поводу победы на Кавказе и проявляет большое внимание к происходящим на нашем фронте событиям. „Я слежу с живейшим интересом за операциями в Карпатах и Западной Галиции, где немцы как будто делают последнее усилие скорее с политическою целью имеющее в виду Италию. Я спрашиваю, есть ли что-нибудь, что я мог бы сделать, чтобы быть полезными Вашему Высочеству и Император-

[1]) Телеграмма Жоффра Николаю Николаевичу сообщенная французским военным агентом 5 мая (22 апреля) 1915 год.

[2]) Телеграмма посла в Лондоне директору дипломатической канцелярии в Ставке 16 мая (3 мая) 1915 г. № 347.

ской армии" [1]). На полях в этом месте написано рукой ген. Данилова: „Крайне желательно, мне кажется, просить патроны и ружья". Далее следуют запросы Китченера уже по получении известий о неудаче 3. армии в Галиции. 13 мая (30 апреля) Китченер телеграфирует английскому представителю в Ставке; „Я очень хотел бы получить точные сведения относительно русского отступления в районе Карпат и Галиции. Говорят, что русские находятся сейчас на линии Дверник — Санок — Ропчице—Щучин и что они должны были отойти от линии Нижней Ниды. Благоволите сообщить мне имеют ли они намерение еще отступать или находятся сейчас в положении, позволяющем принять действительные меры, что бы остановить австрийское продвижение. Можете ли Вы мне сказать какие потери они потерпели и понесли". В то же время Ермолов сообщает о безпокойстве Китченера, возбуженном германскими сведениями о событиях в Западной Галиции. 14 мая (1 мая) новая телеграмма Китченера, извещала английского военного агента, что он принимает живейшее участие в создавшемся для нас положении. В ответ на эти запросы Николай Николаевич счел нужным раз'яснить положение и еще раз обратить внимание союзников на переброску на наш фронт неприятельских частей. В телеграмме на имя Китченера и Жоффра от 13 мая (30 апреля) русский Верховный Главнокомандующий пишет: „В течение месяцев мая и апреля германцы снова перевезли на наш фронт по крайней мере семь и вернее даже 11 дивизий пехоты и 3 или 4 дивизии кавалерии. Сосредоточив на Дунайце и в районе Горлицы многочисленные войска и массу артиллерии, обильно снабженную снарядами они перешли в наступление против нашей 3-армии и одержали успех. Потери в этой армии очень велики. Мы надеемся сохранить линию Сана. В виду того, что германские силы значительно уменьшились на западном фронте, содействие союзных армий могло бы выразиться в энергичном и непрерывном наступлении. С начала войны число полевых и резервных пехотных дивизий возросло на нашем фронте с 9 до 38 и быть может даже до 42, а число кавалерийских дивизий с 1 до 9 или 10. Это увеличение включает по крайней мере 80 или даже 90 полков пехоты, а также 48 или 54 полков кавалерии, снятых с западного фронта. Наоборот, ни одна германская

[1]) Телеграмма Ермолова ген. Янушкевичу из Лондона 10 мая (27 апреля) 1915 г. № 631.

часть, раз введенная в действие на нашем фронте, не могла вследствие наших усилий быть переведена на западный фронт. Было бы очень желательно, чтобы в будущем переброска германских войск на наш фронт не могла иметь место. Было бы также желательно, заставить Италию ускорить свое вступление в действие, облегченное сейчас начатым союзными армиями наступлением, а также тем обстоятельством, что все австро-венгерские силы, сосредоточенные на нашем фронте, на нем удерживаются. Для нас совершенно необходимо получить как можно скорее артиллерийские снаряды, а также ружья с патронами. Недостаток снарядов был конечно одной из главных причин неудачи, которую потерпела наша третья армия. Наше положение на всех других участках нашего фронта прочное“ [1]).

В ответ на эту телеграмму, Китченер телеграфировал просьбу передать выражение его глубокого сочувствия 3. армии, в доблестности действий которой он уверен. Китченер добавлял, что он предупреждал о сосредоточении германских сил с намерением взять Тарнов. По его сведениям, эти силы состояли из 119. германской дивизии и 11. баварской, вновь сформированной из 25. германской дивизии с восточного фронта со стороны реки Пилицы, 4. ландверной дивизии из района Пилица—Нида восточного фронта и 3-х австрийских дивизий юго-западного фронта. Гвардейская дивизия прибыла с западной границы. Французские и английские армии, сообщал Китченер, продолжают свое наступление и несколько продвинулись. Энергичные меры приняты, чтобы найти в скорейший срок снаряды, которые великий князь просил ему доставить. В виду многочисленных заказов, уже выполняемых в Америке, будет трудно получить эти снаряды раньше чем через несколько месяцев, но все будет сделано, дабы сократить этот срок. Далее следовали некоторые подробности, касающиеся снабжения нашей армии [2]). Генерал Жоффр со своей стороны ответил также выражением сочувствия русской армии, обещал сделать все возможное для ее поддержки. „Великолепное усилие южных русских армий в течение последних недель возбуждает наше восхищение. Благодаря их храбрости и стойкости, им удалось, избежав

---

[1]) Телеграмма Николая Николаевича Жоффру и Китченеру 13 мая (1 мая) 1915 г. № 238

[2]) Телеграмма посла в Лондоне директору дипломатической канцелярии Ставки 16 мая (3 мая) № 347.

прорыва и не потеряв боеспособность, нейтрализовать превосходные неприятельские силы, нанести им громадные потери и оказать тем громадную услугу общему делу. Это прекрасная страница для славы русских армий... В виду этого доказательства героизма и благодаря также вступлению в действие Италии мы вправе ожидать самых прекрасных результатов. Я со своей стороны стараюсь для этого изо всех сил при содействии наших английских и бельгийских союзников" [1]). На этой телеграмме против последней фразы мы находим пометку ген. Данилова, характеризующую настроение Ставки: „Старая песня". В то же время Жоффр обещал, также как и Китченер, ускорить доставку нам военного снаряжения [2]). Кроме того, французский Главнокомандующий обещал расследовать, по каким причинам завод Крезо не выполнил до этого времени свои заказы [3]).

Общий взгляд французского командования в это время на положение дел и на будущие стратегические задания изложен в письме Жоффра к Николаю Николаевичу, отправленном из французской главной квартиры 5 мая (22 апреля) 1915 года: „Согласованное действие англо-французских войск в северо-восточном районе должно сейчас начаться; подготовление ведется успешно и выполнение начнется со всей возможной энергией уже на этой неделе. Пока подготовлялась эта важная операция, я решил вести наступление в районе Вердена, чтобы удержать противника на нашем фронте и скрыть от него приготовления, делаемые мною в другом месте. Эта деятельность заставила неприятеля придвинуть гвардию, потом 8 корпус и ввести в дело полностью три дивизии нового образования 111, 113 и 121. Я должен был, с другой стороны, с помощью англичан и бельгийцев, отразить предательское нападение, заранее подготовленное с целью внезапного применения на широком фронте приборов, выделяющих удушливые и ядовитые газы. Это бесстыдное нарушение международного права в самом деле в первый день дало на фронте в несколько километров известные результаты, благодаря внезапности на которую расчитывали германцы. Но в настоящее время мы ведем с успехом контр-атаки к северу от Ипра и эта операция будет вестись параллельно с главными действиями, для которых я сохранил большую часть свободных сил.

[1]) Телеграмма Жоффра 24 мая (11 мая) 1915 г.
[2]) Телеграмма Жоффра 13 мая (30 апреля) 1915 г.
[3]) Телеграмма Жоффра 18 мая (5 мая) 1915 года.

Наша деятельность, к сожалению, не могла помещать противнику снять с нашего фронта гвардейский корпус и 2 или 3 его новых дивизии, которые только что опознаны в Буковине. Я считаю снятие войск в более обширных размерах с нашего фронта сейчас невозможным".

Однако в Ставке повидимому не были удовлетворены мерами, принятыми союзным командованием. 23 мая (10 мая) Николай Николаевич снова обращает внимание Жоффра и Китченера на увеличение на нашем фронте неприятельских сил. „Последние бои доказывают с несомненностью переброску на наш фронт по крайней мере 10 дивизий пехоты, а именно, гвардейского корпуса, 10 полевого корпуса, 41 резервного корпуса и нескольких сводных дивизий. Число перевезенных дивизий вероятно еще больше, т. к. каждый день опознаются новые полки. Эта переброска, хотя она и осложняет стратегическое положение русских армий, является тем не менее с общей точки зрения своевременной для того, чтобы облегчить развитие успехов, уже достигнутых наступлением союзных армий на западном фронте".

В том же смысле высказывается Николай Николаевич в ответном письме Жоффру на его сообщение от 5 мая.: „Я был очень рад узнать, что Вы имеете намерение вести энергичное наступление на западном фронте. Развитие этого наступления мне кажется в настоящее время облегченным не только вследствие переброски германских сил на наш фронт, достигшей числа по крайней мере в 10 дивизий пехоты, но также благодаря выступлению Италии, к счастью ставшему совершившимся фактом".

Как мы увидим из следующей главы выступление Италии не оправдало ожиданий Ставки. Положение на русском фронте продолжало оставаться критическим, и Германия продолжала неуклонно осуществлять свое стремление одержать решительный успех на русском театре.

„Настоящее положение на нашем фронте" телеграфирует Николай Николаевич Жоффру и Китченеру 17/4 июля заставляет думать, что германцы осуществляют широкую наступательную операцию, имеющую целью район между Наревом и Вислой и линию Ивангород—Холм, причем действия ведутся одновременно со стороны севера и юга по направлению к фронтам Остроленка—Пултуск и Люблин-Холм. Есть кроме того признаки, что наступление подготовляется также с запада по направлению к Варшаве.

В виду большой активности, проявляемой нашими противниками на всем нашем фронте, кажется весьма малоправдоподобным, что они могли уменьшить общее число войск, направленных против нас и можно было бы скорее думать, что вместо нескольких дивизий, возвращение которых на западный фронт доказано, другие свежие дивизии перевезены на наш фронт. Прибытие свежих войск делает гораздо более затруднительными операции наших армий. В виду этих обстоятельств каждое действие союзных армий, устраняющее возможность новых перебросок германских войск на восточный фронт, имеет большое значение. Было бы вместе с тем весьма желательно с Вашей стороны указать высшему командованию Итальянской армии значение ее деятельности в этот период компании в интересах всех союзников"[1]).

Однако Жоффр оспаривал сведения Ставки о перебросках войск с французского фронта: „Его Высочество Великий Князь Николай Николаевич," телеграфировал Жоффр 23 июля (10 июля) французскому военному агенту в России, указывает в телеграммах, полученных полковником графом Игнатьевым, на прибытие на русский фронт свежих германских войск. Эти войска не могли прибыть с западного фронта. Бои, которые мы ведем уже больше двух месяцев без всякаго перерыва в Эльзасе, в Лотарингии, в Аргонах, на Эне, Сомме и около Арраса при значительных потерях для неприятеля и для нас, не позволили нашим противникам оголить фронт перед нами. Со времен от'езда из Бельгии трех бригад 2 армейского резервного корпуса, замеченных в России с 17 июля, ни одна большая часть как будто не оставила наш фронт. 2 резервная гвардейская дивизия не показана с 25 июля, но нет сведений об ее отбытии. Зато 56 дивизия и 8 Баварская дивизия прибыли из России во Францию. У нас нет никаких данных об образовании в Германии новых больших частей. Перевозки, указанные за последнее время, должны главным образом включать пополнения обученных людей, а именно главную массу призыва 1915 года. Мы сохраняем энергичное наступательное положение на различных пунктах фронта и в то же время готовимся со всей возможной активностью к операции в большом масштабе и побуждаем союзные армии также действовать. Конференция 7 июля имела как раз задачей

[1]) Письмо Николая Николаевича Жоффру 29 мая (16 мая) 1915 года.

побудить Англию оказать нам содействие всеми своими свободными силами и Италию энергично вести свое наступление. Эти меры, имевшие главною целью освободить Россию, встретили всеобщее сочувствие"[1]).

В конце июля ст. ст. в дополнение к этим сведениям французский главнокомандующий сообщил, что по сведениям от 8 августа нового стиля с 5 июня нового стиля неприятель снял с англо-французскаго фронта 12 полков, перевезенных на русский фронт. С другой стороны на западном фронте опознаны 8 полков, перевезенных с русского фронта и сверх того 10 полков нового образования. В общем части на западном фронте увеличились на 5 полков[2]).

В то время как имели место эти сношения, отступление русских армий продолжалось в крайне тяжелых условиях. Оборона Варшавы вызвала со стороны союзников выражение сочувствия и уважения к русской армии за ее доблестную борьбу. „Благоволите выразить Его Высочеству Великому Князю", телеграфировал Китченер генералу Вильямсу (29/16 июля), чувство восхищения, с которым правительство и каждый солдат британской армии следят за великолепными усилиями русской армии при обороне Варшавы. Превосходство русского солдата над его германским противником давно нам было доказано. И мы уверены, что если бы не невероятное количество снарядов, которым пользовался неприятель, настоящие операции имели бы место не у Варшавы, но вокруг Берлина. В настоящей войне планы неприятеля настолько связаны сосроками, что я совершенно уверен, что если Варшава может сопротивляться еще 20 дней расчеты неприятеля будут совершенно разрушены. В скором времени во Франции произойдет совещание на котором я встречусь с генералом Жоффром и откуда я Вам пошлю еще телеграмму. Я полагаю, что все это мы можем сделать, чтобы показать ей как мы того хотели бы нашу благодарность за преданность армии, находящейся под командой Его Императорского Высочества союзной цели"[3]).

Выражение чувства Китченера повидимому не произвело в Ставке впечатления, на которое он расчитывал. По крайней мере на этой телеграмме мы находим отметку генерала Данилова: „Пока все только слова." 22/VII.

[1]) тел. Николая Николаевича 17 июля (4 июля) № 313.
[2]) телеграмма Жоффра 23 июля (10 июля) 1915 года.
[3]) Тел. Китченера 29 июля (16 июля) 1915 года.

Недовольство Ставки при важности каждого дня для нашей армии, переживавшей критические минуты, не могло не увеличиваться при известии о той медленности, с какою подготовлялись на западе операции 2 сентября (20 августа генерал Жоффр сообщает, что операции, предполагавшиеся на французском театре к началу сентября, отложены вследствие недостаточной подготовки и необеспеченности в снабжении провиантом и снарядами для тяжелой артиллерии. В виду этого ген. Жоффр извещает, что он вынужден был к большому своему сожалению отдалить на две недели предположенный срок начала операции [1]).

К этому времени становится ясно из всего опыта сношений между союзниками, что этим путем не может быть обеспечена согласованность их действий и что должен быть поставлен вопрос о принятии систематических мер к об'единению этих действий. Разработке этих мер и применению новых способов сношений между союзниками будет посвящена V глава. Теперь же мы должны обратиться к ходу войны за описанный уже период на восточных и итальянском театре и показать сношения между союзниками, вызванные развитием событий на этих фронтах.

ГЛАВА III.

Образование восточных и итальянского фронтов.

С августа по ноябрь 1914 года второстепенные театры военных действий ограничивались сербо-австрийским фронтом. С ноября—времени вступления в войну Турции,—начинается период образования новых фронтов—салоникского, дарданельского, итальянского, кавказского, месопатамского, сирийского и наконец румынского.

Совершенно обособленный характер носит Дарданельская операция союзников. Операции этой предшествовали дипломатические переговоры, которые не оставили следов в документах управления генерал-квартирмейстера Ставки, В последних имеются лишь упоминания о сношениях по вопросам военного значения.

В начале 1915 года под влиянием неуспехов на главных театрах все сильнее выдвигается план действий на второстепенных фронтах. Из последних особенное значение

---

[1]) Тел. Жоффра 2 сентября (20 августа) 1915 года.

приобретает Дарданельский, в виду возможности занятием проливов окончательно вывести из строя Турцию.

В первых числах февраля ст. ст. нашему послу в Лондоне графу Бенкендорфу было сообщено, что Франция и Англия имеют намерение послать несколько дивизий в Лемнос, чтобы эвентуально высадить их в Галиполи. Правительства обеих держав вели по этому поводу переговоры. Сэр Эдуард Грей сказал графу Бенкендорфу, что кабинет выжидает в этом вопросе результатов бомбардировки Дарданелл с судов [1]).

Операция эта началась с действий одних морских сил Англии и Франции. Неудача их заставила прибегнуть к поддержке фронта сухопутными частями. 27/14 февраля в Ставке было получено сообщение исходившее от французского посольства, определявшее следующим образом участие французского отряда: „действие англо-французских морских сил в Дарданеллах будет поддержано французским корпусом в следующем составе: две пехотные бригады, два отряда полевой артиллерии, один отряд 65, один горной, один кавалерийский полк, всего 400 офицеров 18000 человек, 5000 лошадей и 1000 повозок.

Общие цели и характер Дарданелльской операции формулированы в отчете о разговорах великого князя Николая Николаевича с английским генералом Паджет, посетившем Ставку в феврале 1915 года. Отчет этот составлен для ознакомления с результатами этих переговоров французского генерала По, прибывшего в Ставку вслед за английским представителем.

„Первая мысль об этой операции“ говорится в записке, восходит ко времени, когда оборот военных событий на Кавказе был такого характера, что позволял предвидеть возможность турецкого успеха.

Естественно обеспокоенный моральным впечатлением, которое такое событие произвело бы в мусульманском мире и в общественном мнении, великий князь указал великобританскому правительству насколько было бы важно для союзных держав создать противовес этому впечатлению общим действием, направленным против чувствительного пункта Оттоманской Империи.

Таково было происхождение операции, ныне осуществляемой против проливов соединенными силами Англии, Франции и России.

---

[1]) Тел. Бенкендорфа 21 февраля (8 февраля) 1915 года.

Что касается участия последней державы великий князь отмечал, что действие русского флота может осуществиться лишь в ограниченных условиях. Операционная база этого флота в Севастополе находится в расстоянии одного дня плавания от Босфора. С другой стороны в виду бурной погоды, которая обычно господствует в Черном море, снабжение топливом не может быть обеспечено угольщиками. Суда вынуждены вести в целости необходимый запас угля и они не могут нагрузиться больше чем на 5 дней. В этих условиях действительная операция флота при входе в Босфор не может продолжаться больше 3-х дней. Она может впоследствии быть возобновлена для такого же периода после возобновления запасов в операционной базе. Когда операция в Дарданеллах была решена было условлено, что вероятное вступление англо-французского флота в воды Мраморного моря будет сообщено России за такой срок, чтобы выход русских судов имел место в таких условиях, чтобы „соединение союзных флотов могло состояться в Босфоре“ [1]).

К этим замечаниям, высказанным генералу Паджету, великий князь добавил при свидании с генералом По новые соображения: операции в Балканах и в Дарданеллах должны рассматриваться совершенно независимо друг от друга в том смысле, что первая не отвечает той же цели, как и вторая, и не может произвести те же результаты. Практически Дарданельская операция, уже начатая, должна прежде всего быть доведена до успешного окончания. Но раз проливы будут открыты, англо-французский флот, поддержанный русским флотом, может посвятить себя операциям, которые желательно предпринять на побережии Далмации и Черногории при помощи дессантных войск трех союзных держав [2]).

Однако вскоре выяснилось, что Дарданеллы не так легко занять, как сперва казалось, и внезапный захват превратился в длительную операцию. 16 марта (3 марта) в Ставке стало известно, что операции англо-французского флота в Дарданеллах встречают серьезные трудности. Турки подвезли полевые орудия и гаубицы и действовали против траллеров, из которых один был потоплен. Английский броненосец „Лорд Вильсон“ получил подводную пробоину. Далее сообщалось, что вся операция, которую предполагалось за-

[1]) Записка для генерала По 10 марта (25 февраля) 1915 года
[2]) То-же.

кончить в три или четыре недели, вероятно затянется. Французский дессантный отряд под начальством генерала д'Амада формируется в Бизерте и будет там посажен на суда в зависимости от хода морских действий[1]).

В это самое время в связи с выяснившейся потребностью увеличения со стороны союзников затрачиваемой для Дарданельской операции сил и средств ставится вопрос о будущем проливов. Как мы видим выше, во французских кругах возникли течения в пользу разрешения этого вопроса в нежелательном для нас смысле. Мы видели, какими соображениями Ставка защищала нашу точку зрения.

Однако трудности, связанные с завладением проливами, все возрастали для союзников. Даже косвенная помощь русского флота, препятствовавшего снабжению турок, представлялась им весьма ценной. 18 июня (5 июня) Китченер телеграфирует английскому военному представителю в Ставке: „Силы сэра Иана Гамильтона в Дарданеллах вели упорные бои, но они слегка подвинулись, причинив очень значительные потери неприятелю. Английской подводной лодке, находящейся в Мраморном море, удалось помешать Туркам прислать подкрепления. Также важно насколько возможно помешать передвижению по железной дороге. Представляется достоверным, что у турок серьезный недостаток угля для железных дорог, судов и константинопольских заводов, благодаря русским морским операциям, препятствующим снабжению из Зунгулдака.

Благоволите сообщить великому князю о признании мною большого значения этой помощи со стороны России, а также мою надежду, что означенные морские операции не прекратятся.“

Однако упорная защита Дарданелл в связи с наступлением Макензена на Сербию заставила союзников отказаться от всей операции. Вопрос этот был решен на союзной военной конференции в Шантильи в ноябре 1915 года. По этому поводу русский представитель на конференции генерал Жилинский телеграфирует: „В последний день на конференции затронут был вопрос об очищении Галиполи. Вопрос этот был окончательно решен уже ранее, ибо обе армии на полуострове страдают от потерь и болезней, но никакого результата добиться не могут, а положение их с каждым днем становится все более критическим. Предложен был

[1]) Телеграмма товарища министра иностранных дел директору дипломатической канцелярии Ставки 16 марта (3 марта) 1915 г. № 1175. (1)

вопрос, очистить ли совершенно полуостров весь или оставить небольшую часть англичан на его южной оконечности. Я высказался за полное очищение, не желая создания постоянного английского поста, нового Гибралтара при выходе в Средиземное море. Все члены совещания высказались за полное очищение[1]).

16 декабря (3 декабря) генерал Жилинский сообщает, что: „французы начали очищение Дарданелл. На полуострове остается на короткое время колониальная бригада креолов и вся тяжелая артиллерия для помощи англичанам, у которых ее нет, они также приступают к очищению полуострова, но упорствуют в желании держать за собою, якобы для сохранения престижа, оконечность полуострова южнее Критии и Седиль Бахра, но можно думать, что они там не удержатся“[2]). 21 декабря (8 декабря) лорд Китченер сообщил в Ставку решение Англии по этому вопросу: „после тщательного рассмотрения общего военного положения правительство решило с крайним сожалением снять английские войска из Сувлы и Анзака, но не с Мыса Геллес. Это отступление стало необходимым вследствие усиления интенсивности огня Германской артиллерии, получившей подкрепления[3]).

Одновременно с ходом Дарданелльской операции шло образование нового Салоникского фронта.

Переговоры о посылке отдельных отрядов на помощь Сербии начались в самом начале войны.

В январе 1915 года, в связи с тяжелым положением Сербии, Ллойд Джорж сделал предложение союзникам посылки на помощь сербам русских, английских и французских войск.

Об отношении к этому предложению Франции телеграфировал русскому председателю Совета министров Горемыкину наш министр финансов Барк, находившийся в то время в Париже. Барк сообщал, что „по мнению англичан такая активная помощь побудит Грецию, Румынию и Болгарию примкнуть немедленно к нам. Считая с Сербией, такая армия, двинутая с юга против Австрии, составит не менее одного миллиона штыков и сразу изменит все положение,

[1]) Телеграмма Жилинского 10 декабря (27 ноября) 1915 года.
[2]) Телеграмма Жилинского 16 декабря (3 декабря) 1915 года. № 13. (1).
[3]) Сообщение английского военного представителя 21 декабря (8 декабря) 1915 года. (1).

облегчая наше движение на Силезию, оттягивая войска от французского фронта и разрешая вопрос о проливах. Это предложение было немедленно рассмотрено в частном совещании у Рибо при участии Вивиани, Мильерана и Делькассе. Мильеран противится посылке французских и английских войск в Сербию, желая иметь возможно большие подкрепления здесь. Вопрос подвергается дальнейшему обсуждению в совете министров".

Дальше министр финансов сообщал о своем разговоре с президентом республики, который признает предложение Ллойд Джоржа заслуживающим особого внимания[1]). В этом же смысле было получено сообщение от нашего посла в Париже, оттеняющее сочувственное отношение к проекту французского министра иностранных дел Делькассе и возражения, делаемые военным министром Мильераном[2]).

Французский совет министров, рассматривавший этот вопрос под председательством президента республики, высказался за английское предложение. Президент республики, выразив нашему послу свое сочувствие этому плану, но высказав при этом опасание, что после того как будет послан на Балканы союзнический контингент, будут предъявляться требования об его усилении[3]).

Об отношении русского правительства к этому проекту можно судить по имеющимся в документах данным. Наш посол в Париже на вопрос, обращенный к нему о взгляде на это дело России, ответил, что не имеет никаких указаний о взгляде императорского правительства на этот вопрос, но, что, по его личному мнению, высказанные Ллойд Джоржем соображения имеют несомненный вес и, что появление на Балканах французских, английских и особенно русских войск действительно может возыметь теперь решающее действие[4]).

Однако отношение Ставки к вопросу о посылке союзных войск на Балканы было не столь сочувственное.

Самое возникновение этого вопроса путем переговоров политических деятелей и с выдвижением политического момента было встречено отрицательно в Ставке, особенно ревниво оберегавшей свою компетенцию в военных вопросах от всякого вмешательства других ведомств. На теле-

---

[1]) Телеграмма Барка Горемыкину 4 февраля (22 января) №№ 29 и 30.
[2]) Телеграмма Извольского 3 февраля (21 января) № 32.
[3]) Телеграмма Извольского 4 февраля (22 января) № 34.
[4]) Телеграмма Извольского 3 февраля (21 января) № 32.

граммах Извольского о решениях, принятых в Англии и Франции, мы находим резкие надписи Янушкевича: „Просим в это дело без нас не пускаться. Это не дело синьора Извольского“ и „лучше бы г. Барк занимался своим делом.“ По существу верховный главнокомандующий и его начальник штаба не считали желательным посылать большие силы на Балканы и предполагали ограничиться посылкой туда казачьего полка, предназначенного раньше для Англии. „Появление об'единенных войск союзников на Балканском полуострове“, телеграфировал Янушкевич Горемыкину 6 Февраля (24 Января), „могло бы иметь несомненное политическое и военное значение только при условии, что с прибытием этих войск успех оружия перейдет на нашу сторону. Нельзя ставить войска союзников в такое положение, при котором они могли бы потерпеть на Балканах неудачу, так как такой поворот дела произвел бы впечатление как раз обратное тому, на которое расчитывают инициаторы предложения, а именно к падению нашего престижа. Так как никто не может помешать нашим врагам также перебрасывать свои силы на сербский фронт, то необходимо заранее предвидеть такую обстановку, при которой вслед за отправкой союзных войск на Балканский полуостров придется посылать им подкрепления, причем размер таковых трудно даже предвидеть. Не говоря уже о том, что при таких условиях будут до крайности затруднены вопросы управления и снабжения всем необходимым союзных войск, следует иметь в виду, что посылка сколько нибудь значительных сил на Балканы поведет к ослаблению войск наших и наших союзников на главных театрах, что совершенно противоречит самым элементарным условиям правильной стратегии, требующей сосредоточения всех войск и усилий на главном театре, хотя бы в ущерб положению дела на второстепенных театрах.“ Далее генерал Янушкевич сообщает, что Верховный Главнокомандующий, оценив общую обстановку на всех фронтах, решительно признает нецелесообразным отправку более или менее значительных сил союзников и наших на сербский театр.“ Верховный Главнокомандующий при этом высказал свое крайнее сожаление, что наш посол в Париже и министр финансов признали для себя возможным войти в обсуждение и даже высказывать свои соображения представителям иностранных правительств по вопросу, едвали относящемуся до их компетенции, так как вопрос этот касается прежде всего ведения военных

операций, вверенного волею государя верховному главнокомандующему. Вопрос о помощи Сербии уже был поднят главнокомандующим сербской армией королевичем Александром, при чем по докладе государю он указал на возможность исключительно в целях нравственного воздействия предложить Сербии отправку к ним одного казачьего полка. Дальше этого решительно итти не следует"[1]).

Повидимому и такая скромная помощь имела значение для Сербии. Сербский наследный принц Александр поспешил выразить великому князю свою благодарность, указывая на моральное впечатление от появления в Сербии русских войск[2]).

Вскоре предположение Ллойд Джорджа о посылке нескольких дивизий союзниками на помощь Сербии было оставлено. На запрос нашего посла в Лондоне графа Бенкендорфа об этой экспедиции, ставшей сомнительной вследствие положения, занятого Грецией, Сэр Эдуард Грей ответил, что проект этот оставлен. Графу Бенкендорфу было сообщено, что высадка в Салониках невозможна, т. к. нельзя увлечь Грецию и возможные выгоды экспедиции не уравновешивают очевидный риск и опасности[3]).

Однако тяжелое положение русского фронта в виду усилившегося напора германцев и австрийцев снова выдвигает проект действий на Балканах, могущих послужить оттяжкой для части неприятельских сил. В феврале состоялась по этому предмету беседа между Николаем Николаевичем и английским генералом Паджет, командированным в Ставку. Великий князь заявил, что по его мнению согласованные действия Великобритании, Франции и России необходимы, чтобы удержать на Дунае и на Саве значительные австро-германские силы и облегчить таким образом восточный фронт. Великий князь добавил, что можно надеяться, что общие действия трех держав на южной границе австро-венгерской монархии могут привести в скорый срок к заключению сепаратного мира с Австрией, оставляя таким образом Германию одну в борьбе со своими противниками. В этих видах русское командование примкнуло к проекту общей операции через Сербию, куда Россия должна была послать сперва полк казаков, затем пехотную бригаду, с назначением поддержать сербскую армию в союзе с французской и английской дивизиями.

---

[1]) Телеграмма Янушкевича Горемыкину.
[2]) Телеграмма Королевича Александра 3 февраля (19 января) 1915 г. (!)
[3]) Телеграмма графа Бенкендорфа 21 февраля (8 февраля) № 113. (!)

В виду того, что от этой общей операции пришлось отказаться вследствие отказа Греции в свободном пропуске союзных армий на салоникской территории, великий князь полагал, что следовало бы возбудить то же предположение в другой форме, считая, что надлежало бы изучить возможность действовать через Рагузу, опираясь на Черногорию. Он добавил, что, делая это предложение, он имел в виду лишь общий интерес союзных держав и что, не получив никакого полномочия от короля черногорского, он уверен, что найдет у последнего самое сочувственное отношение к этому проекту и самую деятельную поддержку [1]).

Соображения эти были сообщены несколько позже генералу По для ознакомления с ними генерала Жоффра.

Ухудшение положения русского фронта после Дунаецкого прорыва поставило на очередь вопрос о сербском наступлении, не дожидаясь образования на Балканах союзного фронта. 17 апреля (4 апреля) Николай Николаевич обратился к сербскому королевичу Александру по телеграфу с просьбой перейти немедленно в наступление [2]).

Со стороны сербского командования последовал ответ, что, при несомненном желании сербов наступать, немедленный переход в наступление невозможен по состоянию продовольственных запасов. Все усилия сербского правительства были направлены к устранению этого затруднения. С этою целью приняты были меры к усилению провозоспособности дороги Прахово-Парачин. Все грузы, кроме продовольственных, задержаны в Зайчаре. К 1-му мая Сербия расчитывала иметь 12 или 15 дневный запас для армии [3]). Вместе с тем королевич Александр обратился к Николаю Николаевичу с просьбой ускорить доставку обещанных нами для Сербии продовольственных грузов к Порту Прахово. Телеграмма королевича вскрывает в самом деле чрезвычайно тяжелое положение Сербии и ту помощь, которую ей оказывала Россия. „Указание Вашего Императорского Высочества о том“, писал Королевич, „чтобы и моя армия совместно с остальными союзниками предприняла наступление против нашего общего врага, с удовольствием прини-

---

[1]) Записка составлена в Ставке для генерала По, 10 марта (25 февраля) 1915 г. (!)

[2]) См. глава II.

[3]) Телеграмма военного агента в Сербии 25 апреля (12 апреля) 1915 г.

маю к сведению. И до сих пор я сам был уже исполнен желанием напасть на врага на его территории, но к сожалению мои намерения разбивались об неустранимые затруднения, вызванные дурной погодой и недостаточными и неусовершенствованными перевозочными и транспортными средствами, которые в особенности затрудняют доставку хлеба для людей и фуража для лошадей и скота не только для образования необходимого запаса, но даже и для текущей потребности. К этому еще и присоединились сильные заразные болезни, которые к нам занес наш враг при его вторжении в нашу страну.

В последнее время положение значительно улучшилось. Хлеб и фураж частью куплен на русских рынках, частью нам уступило русское правительство из своих складов и теперь приходится сосредоточить все свое старание на том, чтобы эти запасы были подвезены по Дунаю до нашего берега у Прахова, откуда будут нашими средствами немедленно перевезены в назначенные запасные магазины и таким способом будем в состоянии создать запас на 12—15 дней. Прошу Ваше Императорское Высочество своим могучим словом помочь, чтобы транспортные средства усилились и перевозка этих запасов из России до нашего берегового порта ускорилась. Как только будет обеспечен вышеупомянутый запас, я сейчас отдам своей армии приказ о переходе в наступление“ [1]). По получении этой телеграммы Ставкой были приняты все меры для усиления транспортных средств и ускорения перевозки грузов от наших портов по Дунаю в Прахово.

Однако сербское наступление задержалось, и в связи с ухудшившимся положением нашего фронта великий князь 30 мая (17 мая) снова обращается к королевичу Александру, указывая, что если состояние дорог позволяет, то он считает начало сербского наступления своевременным. На это был получен ответ престолонаследника Александра о невозможности немедленного наступления. Вследствие продолжительных дождей весь левый берег Савы оказался затопленным на пространстве 3 или 4 километров. „Вся северная Морава находится под водой. Вода в нижнем течении реки Дрины сильно поднялась. Дороги между реками Колубарой и Дриной находятся в весьма плохом состоянии, т. к. были очень сильно испорчены еще

[1]) Телеграмма королевича Александра 22 апреля (9 апреля) 1915 г. (!)

во время последних оперций, а в данное время продолжительными дождями еще более ухудшились. Вследствие всего изложенного, несмотря на мое горячее желание перейти в наступление, к сожалению, осуществить это в настоящую минуту не представляется возможным. Однако приняты всевозможные меры, чтобы как только вода войдет в свои берега и почва хоть немного высохнет было немедленно приступлено к наступлению в Сирию (Срем). Если и дожди совсем прекратятся, надеюсь, что будем в состоянии начать наступательные действия через две и самое большее через три недели" [1]).

В это время возник инцидент между русским и сербским командованием вследствие полученных в Ставке сведений о занятии сербскими силами части Албании под предлогом действий против скоплений Албанцев. Наш поверенный в делах в Белграде доносил, что по сведениям консула в действительности скопление Албанцев не имело место и движение сербов находится в связи с притязанием Италии на Албанию [2]). В виду этого великий князь счел нужным указать королевичу Александру, что отвлечение войск в Албанию не отвечает общим интересам союзников [3]). В ответ на это воевода Путник об'яснил по телеграфу, что в Албании не ведется никаких операций, но что там занята при посредстве новособранных войск стратегическая линия, обеспечивающая Сербию от постоянных беспокойств со стороны Албанцев. Воевода Путник добавлял, что все сербские оперативные силы собраны на северном фронте и спешно подготовляются для предстоящей операции. В то же время от нашего военного агента в Сербии было получено сообщение, что королевич Александр полагает для сербов возможным перейти Саву через две недели т. е. около 10 июня (29 мая).

Однако сербское наступление не состоялось в срок. Мы находим об'яснение этого в телеграмме воеводы Путника, полученной в Ставке 30 июня (17 июня): „Обстановка с момента когда состоялось соглашение о наших взаимных активных действиях, пишет сербский Главнокомандующий, и значительно изменилась, вследствие чего ныне возникает необходимость сообразить вновь предлагаемые действия с новыми условиями. Мы не имеем уверенности в том, что Болгария

¹) Телеграмма королевича Александра 2 июня (20 мая) 1915 г.
²) Телеграмма 6 июня (24 мая) 1915 г. № 2660.
³) Телеграмма 6 июня (24 мая) 1915 г. № 264.

не предпримет нападения на нас и что она не будет в будущем направлять на нашу территорию банд „комитаджиев". Также нет положительной уверенности, что Румыния начнет действия. Между тем и то и другое имеет влияние на план наших операций. Во всяком случае наши активные действия при нынешней обстановке не могут распространяться далеко от Савы и Дуная. Наша армия не велика и потому не может далеко входить в Венгерскую равнину и слишком выдвинуться, т. к. она подверглась бы риску потерпеть поражение, ибо не имеет фланговых заслонов, а также не в достаточности резервов для поддержки. Вместе с тем необходимо упомянуть, что хотя неприятель увез часть своих сил с нашего фронта, но все же не ослабил его, т. к. увезенные австрийские войска заменены немцами. Мы спешно подготовляемся и начнем действия возможно скорее" [1]). Через нашего военного агента в Сербии был сообщен сербскому Главнокомандующему ответ Николая Николаевича: „Готов согласиться с мнением, что в настоящее время наступление сербской армии является уже запоздалым, т. к. действия на нашем фронте временно затихли. Однако было бы крайне желательно, с общей точки зрения впредь поддерживать сербскую армию на такой степени готовности, чтобы она без промедления могла принять участие своим наступлением в общих действиях союзников, когда то будет вызываться обстановкой будущего, ибо сокрушить врага всего легче одновременным общим натиском, не допуская сосредоточения превосходных по численности сил против одного из союзников" [2]).

Главная трудность для сербской армии заключалась с самого начала войны в ее изолированности от союзников. Единственное союзное государство, которое находилось в непосредственной близости от Сербии и могло действовать с нею совместно,—была Черногория. Но не говоря о незначительности и слабости этой страны, следует отметить, что в отношениях его правителя к Сербии не было искренности, и между союзниками все время наростала определенная вражда. Можно привести ряд документов, характеризующих это ненормальное положение, значительно затруднявшее задачу сербской армии. В основе розни между обоими государствами сербского племени лежала давнишняя

[1]) Телеграмма Воеводы Путника № 16805. (!)
[2]) Телеграмма Янушкевича 13 июля (30 июня) 1915 г. № 1991. (!)

вражда короля Николая черногорского к сербской династии Карагеоргиевичей, вражда, коренившаяся как в личных чувствах, так и в политических соображениях. 26 апреля (13 апреля) 1915 г. наш военный агент в Черногории доносит об истинной роли черногорского представителя в Ставке, генерала Мартиновича: „Истинная задача генерала Мартиновича, прикрываемая для виду поручением военно-технического характера, заключается в том, чтобы служить до конца войны осведомителем нашего Верховного Главнокомандующего о всем, что король Николай признает необходимым довести до сведения Его Императорского Высочества в целях осуществления политического плана, выработанного членами Черногорской Королевской семьи при участии Итальянской Королевы Елены. План этот, от выполнения которого ожидается удовлетворение интересов как Черногорской династии, так и Италии, преследует задачу усилить и укрепить Черногорию, сделав ее возможно более независимой от Сербии и одновременно ослабить Сербию, которая иначе может явиться в будущем угрозою итальянских интересов на Адриатическом море. Для осуществления указанного плана установлена необходимость: 1) Раздобыть извне под видом кредитов на армию крупные денежные средства, которые позволили бы Черногории, по окончании войны—и по прекращении сербской военной субсидии, независимое существование в течение нескольких лет. 2) Имеющими быть занятыми Италиею в будущей войне с Австрией прибрежные пункты южной Далмации отнюдь не уступать сербам, а передать в черногорские руки. 3) Путем соответствующего осведомления нашего Верховного Главнокомандующего подготовить почву к возможно большему расширению за счет Сербии будущих границ черногорского королевства“ [1]).

Рознь черногорского и сербского командования сказывалась в ряде случаев, когда требовались их совместные действия. Обе стороны обращались с жалобами в Ставку, отстаивая свою точку зрения и сваливая вину в неладах друг на друга. Так возник в начале июля инцидент по поводу требования сербского верховного командования, чтобы черногорская Санджакская армия, составлявшая $^2/_3$ всей черногорской армии, была подчинена сербскому командующему ужицкой армии. Требование это мотивировалось тем,

[1]) Тел. Полк. Потапова 26 апреля (13 апреля) 1915 г. № 527 (1)

что обе группы имеют один об'ект—Сараево. „Если это об'единение не будет осуществлено в будущих взаимных операциях, писал Воевода Путник сербскому военному представителю в Ставке 21 июля, (8 июля) „то с Черногорцами может повториться тоже самое явление, как в прошлом году, когда из-за ненужного смешного отступления этих черногорских санджакских войск от Романии к Горожды была вполне открыта во фланг и тыл ведущая на Вышеград комуникационная линия Ужицкой армии". Воевода Путник просил об'яснить в Ставке, что сербское требование сделано только из военных соображений, с целью осуществить принцип единства в командовании и единства в действии. В ответ на это черногорское правительство сообщало, что передача $^2/_3$ черногорской армии под сербское командование грозило бы ей потерей „индивидуальности" и самостоятельности. Что же касается единства в действиях, таковое, по мнению черногорцев, могло быть достигнуто посылкой представителей в соответствующие штабы. Однако русское командование повидимому стало на точку зрения сербов.

Положение сербского фронта оставалось неопределенным до осени 1915 года, когда обозначилось наступление германцев на этом театре. Уже 14 августа (1 августа) русский министр иностранных дел предупреждает Верховного Главнокомандующего, что по полученным сведениям, „немцы вновь намереваются сосредоточить значительные силы против Сербии и прорваться в Болгарию, дабы установить прямое сообщение с Турцией. Такая военная операция возвещалась многократно, но до сих пор не была приведена в исполнение. Быть может, предсказания не подтвердятся и ныне, но если бы против ожидания они осуществились, общая политическая обстановка подверглась бы для нас чрезвычайной опасности". Великий Князь тотчас же сообщил эти сведения сербскому Королевичу Александру для принятия соответствующих мер.

Никакие предупредительные меры со стороны союзников не могли помешать балканской операции германцев, в которой приняла участие и Болгария. Сербия была разгромлена и вся ее территория занята неприятельскими войсками. Союзники правда пытались оказать запоздалую помощь высадкой отрядов в Салониках, но это не могло повлиять на исход кампании.

В наших документах мы находим некоторые отрывоч-

ные сведения о переговорах между союзниками в это время по вопросу о помощи Сербии и об образовании салоникского фронта. В начале октября был поставлен общий вопрос о балканской операции и об участии в ней России. Участию этому придавалось большое значение союзниками. Генерал Жоффр считал, что присоединение русских армий к помощи, оказываемой союзниками сербам, представляет существенный интерес. При этом французский Главнокомандующий придавал этой поддержке тем большее материальное и моральное значение, чем она скорее будет оказана. Генерал Жоффр находил, что выступление России может побудить Румынию „сдержать свои обязательства выступления в благоприятное для этого время" и запрашивал мнение генерала Алексеева по вопросу о проходе русских войск через Румынию, по Дунаю.

Мы имеем проэкт ответа на этот запрос русского командования. В нем сообщается, что русская армия горит желанием помочь братской сербской армии. Но предстоит преодолеть многие затруднения, главное из которых—недостаток вооружения. Далее сообщается, что в районе Одессы—Кишинев—Рени находится экспедиционная армия в 100.000 человек, которая может быть затем, по ходу событий, усилена еще на 100.000 чел., образовав 5 полевых и 2 ополченских корпуса, если будут винтовки и материальная часть. Избранный район сосредоточения представляет удобства для направления этой армии или для усиления удара в Галиции, или для подкрепления румынской армии через Яссы на Сучаву—Дорна Ватра, или для движения через Румынию в Болгарию, или для высадки около Варны для движения на Тырнов или Бургас для содействия союзникам у Дарданелл или же для этой цели высадка около Сангулдака или Эрегли. Очень желательно решить благоприятно вопрос о движении через Румынию, что представляется более легкою и скорою по исполнению задачею, чем остальные. Движение по Дунаю возможно лишь для вспомогательной небольшой колонны. Принимаются самые решительные меры для подготовки того или другого решения, но недостаток винтовок с надлежащим запасом патронов неизбежно затягивает время готовности. Брать вооруженных людей из других корпусов на пополнение назначенных в экспедиционную армию русская армия не может, так как эта мера из за недостатка винтовок может совершенно ослабить кадры и без того слабых

полков. Автор записки в заключение заявляет: „что русская армия, уже по свойствам русского народа проникнутая чувством взаимной выручки, тем более в данном случае, где идет вопрос о своем союзнике, да еще брате, делает все усилия, но крайний недостаток материальной части сковывает немедленное появление неистощимого запаса людей, образующих действительно непреоборимую силу России". Общая точка зрения союзников на вопрос о значении салоникского фронта в это время изложена в сообщении генерала Лагиша генералу Алексееву. Согласно этому сообщению, идея, приведшая французское и великобританское правительства к решению начать перевозки по сосредоточению войск для кампании на Балканах, не была подсказана намерением предпринять второстепенного характера операцию, имеющую лишь целью обеспечить Сербию от временной опасности. Вопрос имеет более глубокое и более крупное значение. Борьба, начинающаяся на Балканском театре, имеет не менее важное значение, чем происходящая вот уже 15 месяцев на русском и французском фронтах. Предстоящие в Македонии сражения должны иметь для исхода войны огромнейшие последствия. Из числа всех союзных государств Россия является тем, которая по своему географическому положению наиболее выгодно расположена, чтобы произвести на Балканах быстрое и энергичное воздействие. Несомненно, имеются веские причины не уменьшать количества войск, предназначенных для обороны территории собственной страны, но усилия, делаемые австро-германцами в целях завоевания первенства на Балканах, побуждают нас следовать за ними туда же, с тем, чтобы навязать нашу волю там, где они надеялись будет торжествовать их воля. Более, чем когда либо, союзные державы должны согласовать свои усилия. Балканский полуостров сделался общим театром военных операций. Русская армия должна занять на нем свое место в общей борьбе. Опасность, которая могла бы угрожать России вследствие ослабления ею своего фронта, казалась бы менее значительна, чем последствия неблагоприятного исхода операций в Болгарии, результатом чего могло бы явиться отложение Румынии [1]). В развитие этого общего плана 23 октября (8 октября) русскому командованию были сообщены следующие сведения о мерах к защите

[1]) Письмо генерала Лагиша 22 октября (9 октября) 1915 года (1).

салоникского фронта: 1) Генерал Жоффр отправился в Лондон, чтобы выработать там совместно с великобританскими властями условия выступления англо-французских войск в защиту Сербии. 2) Экспедиционный корпус будет значительно усилен в наивозможно непродолжительном времени в видах согласования операций с таковыми сербской армии, с целью востановить коммуникационную линию главных сил этой армии на Салоники. 3) Сосредоточение значительных русских сил в направлении Болгарии было бы чрезвычайно полезно. 4) Начаты переговоры в целях получения существенной поддержки со стороны итальянской армии [1]).

Однако все эти меры не могли предотвратить разгрома Сербии.

Сербское командование неоднократно указывало союзникам на необходимость более скорой и существенной помощи. Особенные надежды возлагали сербы на поддержку России. 26 октября ст. ст. сербский военный агент в Ставке получил телеграмму, рисующую положение Сербии в следующем виде: „Главнокомандующий французскими войсками в Сербии еще не получил от своего правительства приказания атаковать болгар, между тем болгары на глазах названного генерала отбрасывают наши войска к Битолю, Охриде и Эльбасану, где дороги крайне плохи. Положение нашей армии становится с каждой минутой все более критическим. Германцы захватили Ариле, Красево и почти весь левый берег западной Моравы и Варварин. Болгары заняли Сокобаню и Качаник. Цель Германии раздавить сербскую армию и этим привлечь на свою сторону Румынию и Грецию, что может случиться через несколько дней, если союзники не пришлют Сербии помощь.

Поэтому я прошу Вас ходатайствовать перед главным русским командованием о немедленном отправлении десанта и о начале военных действий против Болгарии. В противном случае сербская армия не будет в состоянии долго продержаться“.

Успех Германии и ее союзников на Балканах, обеспечив прочную связь центральных империй с Турцией через Болгарию, присоединившуюся к Тройственному Союзу, создал совершенно новую стратегическую обстановку на

---

[1]) Письмо генерала Лагиша 9 ноября (28 октября) 1915 года (1).

Востоке Европы и на Ближнем Востоке. Сношения союзников с осени 1915 года имеют своим предметом выработку плана, расчитанного на устранение невыгодных последствий нового положения. Помощь Сербии и образование салоникского фронта приобретают первостепенное значение. Нужно заметить, что дальнейшие события в конце войны оправдали мнение тех, кто считал этот фронт особенно важным. Толчок к разгрому Германии был дан именно здесь поражением Болгарии осенью 1918 года.

Мы видим, что рассмотрение положения на Балканах является одним из пунктов программы совещания союзников, которое предположено было созвать в ноябре 1915 года. Программа эта была сообщена в Ставку 17 октября (4 октября) начальником французской военной миссии генералом д'Амад. Взгляд русского командования в это время на вопрос об образовании салоникского фронта не сохранился в исследуемых документах. Однако имеется проект ответа Жоффру на его сообщение и доклада государю, из которого видно, в каком направлении русское командование склонно было разрешать общий стратегический вопрос в связи с положением на Балканах.

Мы рассмотрим в этой главе эти документы в той их части, которая касается образования салоникского фронта, оставив для следующей главы предположения, имеющие целью обеспечить согласованность действий союзников и единство командования. Общее стратегическое положение в ответе Жоффру оценено следующим образом: „В настоящее время на французской и итальянской границах создалась неподвижная позиционная война, которая видимо не может привести к скорому окончанию войны. Только на русской и балканской границах самое протяжение их и более доступная местность препятствует ведению одной строго позиционной войны и мы делаем попытки в широком маневрировании искать ускорения решения в направлениях, наиболее жизненных для противника. Намереваясь массою до 500.000 штыков перейти в наступление в направлении Ровно—Варшава, русская армия направляет часть сил от Черновиц через Буковину и Трансильванию к стороне Сербии, чтобы в районе Таиешвара угрожать тылу австро-германских сил, действующих в Сербии. Это единственная возможность для русской армии помочь Сербии, т. к. высадка на берега Болгарии при слабости русского транспортного флота и при господстве германских подвод-

ных лодок в связи с бурностью теперь Черного моря не обещает успеха. Если бы в то время как русская армия выдвинется на линию Брест — Львов — Сигат — Быстрица, образовалась бы в южной Сербии масса из англо-франков-итальяно-сербов и, разбив болгар, могла бы вторгнуться через Сербию в направлении Белград—Будапешт, то маневренная война получила бы большое развитие и на линии Варшава—Будапешт могло произойти соединение главной массы русской армии со всеми силами англичан, французов и итальянцев, излишними для позиционной войны на французской и итальянской границах. Тогда явилась бы возможность овладеть Австро-Венгрией, еще более изолировать Германию и искать решения в направлениях от Варшавы и Будапешта к Берлину. Этим откроется путь на Берлин доблестной итальянской армии, ныне ведущей горную войну. Одним словом надо брать Германию с наиболее слабой ее стороны, со стороны австрийской границы, а не со стороны Восточной Пруссии и Эльзаса и Бельгии. Затем для франко-английских сил откроется путь через Турин—Верону—Грац—Вену".

В дальнейшем балканская операция рисовалась в таком виде: „Приняв план в основе указывающий последовательное, но неуклонное стремление сосредоточения возможно больших сил на линии Варшава—Будапешт, мы сразу ставим на свое место всю балканскую операцию, как подготовительную к вышесказанной общей, главной. Тогда наше участие или неучастие в болгарской войне получает второстепенное значение, и главное значение получает выход наших масс на линию Брест—Сигот—Быстрица и англо-франко-итальянцев на линию Оршова—Белград. Греция и Румыния получают свое место, свой план, и главное, в сосредоточении наших масс на Карпатах и англо-франко-итальянских в Сербии получают гарантию в своей обеспеченности: они попадают на главный театр, а не на второстепенный, как теперь, где всегда их могут бросать на произвол судьбы". Положение на Балканах характеризуется также в черновом наброске доклада государю, приложенном к этим же документам: „Центральные Державы, имея руководителем германский генеральный штаб, давно задумывали нашествие на Сербию для открытия прямого пути к Дарданеллам. Ныне этот план можно считать уже выполненным. Четверной союз, не имеющий над собой единой воли, пропустил благоприятные моменты затишья для создания про-

тиводействия черногорскому плану. Теперь вопрос может идти о продлении обороны сербской армии, а не о преграждении прямого сообщения между Германией и Турцией. Спокойно смотря на политику Греции и Румынии, можно придти к заключению, что едва ли этим обоим государствам выгодно склониться на какую-либо сторону. Следовательно надо быть готовым на худшее—на полное использование Германиею средств Турции, что будет иметь своим следствием: а) полную безнадежность Дарданельской операции, б) усиление действий турок против Кавказа, как отвлечение нашей силы, в) использование турецкого людского материала для пополнения рядов германской и в особенности австро-венгерской армии; Буковина может сделаться совершенно турецким театром, как она и была уже в истории, г) усиление действий турок против Египта (Суецкий канал), что отвлечет англо-французские силы от Дарданелл и Солуни, д) передача наших пленных в Турцию, что облегчит хозяйство Германии".

Вопросы, вытекающие из создавшегося положения для общей стратегии и в частности для балканского фронта, были поставлены на обсуждение конференции в Шантильи в ноябре 1915 года.

К сожалению, в наших документах не имеется протоколов конференции. Часть телеграмм русского представителя ген. Жилинского также отсутствует. Приходится восстанавливать факты по отрывочным данным и тем матерьялам, которые сохранились.

Мы рассмотрим здесь работы конференции по скольку они касаются салоникского фронта.

Из двух телеграмм ген. Алексеева от 7 декабря (24 ноября) 1915 года на имя министра иностранных дел и генерала Жилинского видно, что первоначально союзники решили очистить Салоники и перебросить свои войска в Сирию, Египет и на французскую границу. Это решение принято было по инициативе англичан. Генерал Алексеев протестует самым энергичным образом против такого плана. Как известно, дальнейший ход войны, приведший к окончательной победе союзников, прежде всего на салоникском фронте, оправдал блестящим образом точку зрения, высказанную ген. Алексеевым. Генерал Алексеев телеграфирует министру иностранных дел о намерении союзников очистить Салоники: „Печальное решение, свидетельствующее об отсутствии в нашем союзе общей стратегической мысли,

оценки важности театров для каждого периода, готовности видеть, кроме своих интересов, общую цель борьбы. Опасаюсь, что ближайшими результатами решения союзников будет: вынужденная перемена поведения Румынии не в нашу пользу, опасное положение Черногории, полное истощение сохранившейся сербской армии, не имеющей собственной страны, укомплектований, обеспеченного подвоза всего необходимого, лишенной нравственной и матерьяльной поддержки. При полном желании, наше географическое положение, изолированность не дают возможности принять ближайшее участие в судьбах сербской армии. Более чем когда-либо от начала войны нам необходимо соглашение, выработка общего решения, которое должно об'единить по мысли и времени наши действия. Нужно во чтобы то ни стало сохранить сохранившиеся части сербской армии, дабы они могли в свое время выполнить задачу, но посильную, которая будет намечена общим планом. Пусть каждый из союзников внесет свою долю участия в этот план. Опасения англичан за Египет преувеличены. Поход этот очень сложен и не так легко осуществим"[1]).

Те же соображения развиваются в инструкции генералу Жилинскому от того же числа:

„Решение союзников совершенно не отвечает общим интересам, ухудшает стратегическое положение настоящего и будущего, усложняет политическое положение, ибо дает полную свободу решений грекам и ставит румын в необходимость исполнять волю наших противников. Наш союз лишается способа наносить удары в наиболее слабое место, главное же—отдает на произвол судьбы сербскую армию. Между тем, двести тысяч сербов, в связи с черногорцами могут еще принести великую пользу, почему сохранение этих армий должно ныне явиться первенствующею задачей союзников. Наше географическое положение препятствует придти непосредственно на помощь сербам. Очень скоро противник вынужден будет сильно ослабить себя на Балканах под влиянием нашей операции, начало которой между четвертым и шестым декабря; быть может там останутся ничтожные силы немцев, и даже восемь союзных дивизий, сохранивших о своей власти Салоники, будут достаточны для спасения сербов и положения на Балканах. Нам необходим общий план, общая стратегическая мысль, руково-

[1]) Телеграмма ген. Алексеева 7 декабря (24 ноября) 1915 г. № 6145.

дящая нашими стремлениями, распределением сил, временем исполнения. Средства наши велики, но не согласованы, разрознены. Благоволите высказать этот взгляд и убедить в необходимости обсудить откровенно стремления каждого союзника, сделать героическую попытку согласовать частные интересы, поставить общую цель. Поход на Египет столь сложен, что участие в нем германцев крайне сомнительно, и оставление ради этого начатого дела знаменует нерешительность и готовность опасной разброски сил. Уже теперь получаются сведения об уходе части немцев и австрийцев на тарнопольское и луцкое направления; наш удар сделает это безусловно необходимым, ибо решение судьбы операции опять будет перенесено на восточный фронт противника. Согласование наших действий, спокойствие, выдержка, вот то, что нам особенно необходимо[1]).

Из телеграмм и донесений генерала Жилинского мы видим, что генерал Алексеев имел основание упрекать союзников в разброде и в нерешительности по вопросу о салоникском фронте. Во время заседаний конференции во взглядах союзников на этот вопрос произошел перелом, чему не мало, повидимому, способствовала телеграмма Алексеева. Все члены совещания единодушно требовали продолжения занятия Салоник. Итальянский представитель Порро заявил, что Италия должна будет эвакуировать Валонну и Дураццо, если союзники уйдут из Салоник. В то же время русское посольство и французское правительство прилагали все усилия, чтобы приостановить решение английского правительства[2]). Телеграмма генерала Алексеева была получена к концу третьего заседания совещания, но тем не менее произвела свое действие, и взгляды, в ней высказанные, вошли в третий протокол конференции[3]). Общее решение конференции по салоникскому вопросу было вынесено в том смысле, что признается необходимым сохранить за собой Салоники и принять меры к возсозданию сербской армии. „Дело это шло в начале туго“, пишет генерал Жилинский, „но теперь налаживается. К сожалению, вопрос перешел на столбцы газет“[4]).

В связи с общими затруднениями, возникающими при организации салоникского фронта, можно отметить опасе-

---

[1]) Телеграмма ген. Алексеева 7 декабря (24 ноября) 1915 г. № 6152.
[2]) Телеграмма ген. Жилинского 9 декабря (26 ноября) 1915 г. № 8.
[3]) Донесение ген. Жилинского 19 декабря (7 декабря) 1915 г. № 7.
[4]) Тоже. 17 декабря (4 декабря) 1915 г. № 4.

ния, высказываемые генералом Жилинским по поводу командования на этом фронте. „К сожалению“, пишет он, „в Салониках командует генерал Сарайль, политический деятель и ставленник левых партий парламента, уже смещенный ранее с командования армией главнокомандующим генералом Жоффром. Можно ожидать повторения этого“ [1]).

Рядом с очерком сношений, касающихся салоникского фронта, следует сделать обзор материалов, освещающих участие в первом фазисе войны Италии.

Выступление Италии, которому предшествовали весьма длительные переговоры, ожидалось союзниками с нетерпением. Расчитывали, что он внесет значительные изменения в общее стратегическое положение, складывавшееся весной 1915 года не очень благоприятно для союзников. Особенно необходимой представлялась оттяжка австрийских сил с русского фронта, где продолжалось наступление германо-австрийских армий. 5 мая нов. ст. Жоффр пишет великому князю Николаю Николаевичу о своих ожиданиях, связанных с предстоящим вскоре выступлением Италии: „Приближение итальянского вмешательства ожидается. Два офицера, командированных генералом Кадорна, прибыли в мою главную квартиру и произвели на меня наилучшее впечатление искренностью и точностью своих заявлений. Я усиленно настаивал, чтобы срок итальянского наступления, назначенного дипломатическим протоколом самое позднее на 26 мая был несколько приближен. Они не могли принять точное обязательство в этом смысле, но они уверяли меня, что самое позднее 26 мая, а вероятно несколько ранее этого числа Италия начнет наступление всеми своими силами в общем направлении на Лайбах, оставляя против Трентино лишь завесу. Вашему Высочеству конечно будет принадлежать в совещаниях, предстоящих в Вашей Главной Квартире с представителем Италии, определение согласования действий русской, сербской и эвентуально румынской армий на общем их театре военных действий против Австро-Венгрии. Представители итальянского Генерального Штаба не искали непосредственного согласования действий с французской или английской армиями для предстоящей их операции на австрийской границе, где будут сосредоточены английские войска.

Я в будущем предвижу возможность непосредственного

[1]) Телеграмма ген. Жилинского 9 декабря (26 ноября) 1915 г. № 8.

сотрудничества французских армий с итальянскими лишь в случае если успехи последних с одной стороны и положение на нашем собственном театре с другой поведут нас к рассмотрению возможности диверсии, например, в южной Германии. Эта эвентуальность мне кажется еще далекой. Было бы конечно весьма желательным, чтобы военное вмешательство Италии дало себя знать возможно скорее. Я нахожу однако, что так, как оно происходит, и не высказываясь об его действительном значении, оно не может не иметь значительных последствий, заставляя наших противников ослабить их силы, уже сильно растянутые на их различных фронтах"[1]).

В ответе Верховного Главнокомандующего на это письмо, написанном почти на месяц позже письма Жоффра, мы находим, под влиянием событий, имевших место за это время, несколько больше сдержанности в оценке значения для русского фронта итальянского выступления. Вместе с тем, в письме Николая Николаевича явственно сквозит опасение, что облегчение, которое принесет союзникам это вмешательство, коснется главным образом англо-французского фронта и не отразится существенным образом на нашем положении. Вместе с тем Николай Николаевич определенно высказывал пожелание, чтобы союзное командование не довольствовалось одной помощью нам Италии, но само продолжало энергичное наступление.

„Я с удовольствием узнал", пишет великий князь, „что вы имеете намерение продолжать энергичное наступление на западном фронте. Развитие этого наступления мне кажется сейчас облегченным не только благодаря переброске германских войск на наш фронт, каковая достигла уже по крайней мере количества девяти дивизий пехоты, но также благодаря вмешательству Италии, к счастью ставшему осуществившимся фактом. Это вмешательство осталось как будто пока без большого влияния на число войск, направленных против нас, так как энергия их действия нисколько не уменьшилась. Представляется поэтому возможным, что противники, вынужденные сосредоточить силы против Италии, составят их главным образом из частей, снятых с западного фронта. Общее количество неприятельских войск на итальянском фронте в виду настоящего положения на двух остальных фронтах не может быть впро-

[1]) Письмо ген. Жоффра 5 мая (22 апреля) 1915 года № 1344.

чем весьма значительным, в виду чего позволительно надеяться, что итальянское наступление, поддержанное кроме того действиями сербской армии, начнет с успехов"[2]).

В течение лета союзники неоднократно предпринимали меры, чтобы побудить итальянцев к большей энергии в развитии их операций. 23 июля (10 июля) Жоффр сообщает в Ставку, что военная конференция союзников, имевшая место 20 июля (7 июля), имела главной своей задачей повлиять на Англию, чтобы она пустила в ход все свои свободные силы, а также побудить Италию энергично продолжать свое наступление. Эти меры, имевшие главною целью освободить Россию, встретили всеобщее одобрение. „Телеграммой от сего числа", продолжает Жоффр, „я повторяю свое настояние перед ген. Кадорна. Известие о сербском движении в роде того, о котором я писал в моей последней телеграмме, имело бы большее значение, чтобы повлиять полностью на развитие итальянского наступления"[2]). Кадорна ответил на обращение к нему Жоффра, что он намерен продолжать всеми силами начатое на реке Изонцо наступление. Ген. Жоффр добавляет: „блестящие результаты, достигнутые за последние дни энергичными и общими действиями на этом фронте, служат, очевидно, доказательством этого намерения".

ГЛАВА IV.

Об'единение действий союзников.

Мы видели уже ряд отдельных попыток со стороны союзных штабов об'единить действие их армий. Рядом с сношениями путем телеграфа и обмена письмами создается практика посылки в союзные штабы особых военных представителей с широкими полномочиями. Таковы были приезды в Россию английского генерала Паджета и французского По в Феврале 1914 г. Как мы видели эти посещения Ставки были связаны с рядом переговоров, имевших целью согласовать действие русской и союзных армий. Однако все эти переговоры страдали тем, что оставались разрозненными и отдельными попытками сговора и не создавали настоящего об'единения действий в виде выработки и выполнения еди-

[2]) Письмо великого князя Николая Николаевича 29 Мая (16 Мая) 1915 г. № 2423.

[2]) Телеграмма Жоффра 23 июля (10 июля) 1915 г.

ного плана. С ходом войны и в особенности с выяснившейся в 1915 году для всех неизбежности ее затяжки, все больше укрепляется в союзных штабах мысль о необходимости такого об'единения. В рассматриваемых материялах мы находим этот вопрос впервые поставленным во всю широту в записке английского военного представителя в Ставке генерала Ганбери Вильямс, помеченной 15 мая 1915 года. Соображение высказанные в этой записке настолько важны, что мы даем из нее пространные выписки [1]).

„Известны неудобства, начинает автор записки, которым подлежат союзные войска вследствие необ'единенного управления. В настоящей войне они состоят в том, что языки союзников васьма разны и также в том, что у каждого из союзников есть свои интересы, что может неблагоприятно действовать на взаимные отношения. Эти неудобства и результаты увеличиваются расстоянием друг от друга театров военных действий и тем, что пути сообщения весьма непрямы и представляют много затруднений, в особенности зимой. Этим неудобствам неприятель не подвергается, потомучто Пруссия принела на себя главный контроль операций; Германская территория граничит с австрийской; первенствующий язык в обеих странах один и тот же; прямое сообщение с Турцией возможно через нейтральные государства. Кроме того они пользуются в стратегическом смысле тем преимуществом, что действуют по внутренним операционным линиям при наиболее усовершенствованных сообщениях.

Чтобы уменьшить для неприятеля эти преимущества необходимо, чтобы союзники организовали свои дела с тем, чтобы полное содействие было обеспечено, достигая этого устройством системы подходящего сообщения, которое должно быть непосредственным, секретным и откровенным...

... До сих пор стратегия союзников, как на востоке, так и на западе выражалась в том, что каждый из них ведет войну против общего врага более или менее отдельно. Прибегли к совместному действию только тогда, когда положение одного вызывало необходимость деятельных операций со стороны другого.

Принимая все изложенное в соображение является делом первой необходимости движение полного согласия насчет общего стратегического плана, который преследовали бы

[1]) Текст написан по русски англичанином, состоящим при генерале Вильямс капитаном Мак Ко.

союзники так, чтобы вести операции совместно в том, что касается времени и цели. Кроме того желательно выработать приблизительный подсчет боевых сил и программу, чтобы сроки наибольшей наступательной деятельности совпадали со сроками наибольшего обилия в людях и боевых припасах. Таким образом приходится во первых выяснить настоящее положение и ожидаемые в будущем средства каждого из союзных держав относительно снарядов и других боевых припасов и людей. Во вторых сообразно этому подсчету выработать определенный стратегический план на основании того опыта, который война нам уже доставила на обоих фронтах, но в то же время с признанием, что задача состоит в поражении общего врага и что театр войны—вся Европа".

Далее записка дает краткую оценку положения каждого из союзников, а также неприятельских стран. Стратегическая задача Германии и союзников определяется следующим образом: „Стратегия Германии оборонительная, т. е. она не ищет завоевания территории, а лишь сохранение имеющейся и затем предложит свои условия. Ее стратегия наступательная лишь в том случае, если она старается нанести нравственный удар союзникам, дабы они скорее согласились вступить в переговоры. С другой стороны стратегия союзников на сколько возможно наступательная, чтобы возвратить территорию ныне в руках неприятеля и вести военные действия на территории Германии не только с целью заставить ее согласиться на наши условия, но и наказать ее за ее преступления над частными лицами и перед всем миром, а также окончательно сокрушить ее милитаризм".

Далее следуют общие стратегические соображения: „С тактической стороны ни на одном фронте не существует флангов, которые можно было бы обойти, но с точки зрения стратегической если считать всю местность от северного моря до Кавказа, как неприятельский фронт, в таком случае Турция является слабейшим фронтом, с которого позиция должна быть снята. Такое движение не только возможно, но и преимущество в освобождении России раз на всегда от турецкого давления и открытие черноморских портов и то нравственное влияние, которое получится на Балканах в случае решительного там успеха на столько ясны, что не требуют об'яснений. С другой стороны все более и более делается сомнительным, чтобы операции союзников

на западном фронте могли бы привести к окончательному решающему результату и Россия тоже повидимому решила вести оборонительные действия в районе своей северной армии, до тех пор пока наступительные действия Южной армии не закончатся. Таким образом придем к заключению, что надо начать в Турции и покончить с ней. Теперь английские силы в Дарданеллах бессильны, если не будут поддержаны военными операциями в другой части того театра военных действий. Одна Болгария может оказать действительное во время содействие, ибо можно предполагать, что с болгарскою армиею под Чатальджою, с русским отрядом от Бургаса и возобновленным напором в Дарданеллах—капитуляция Турции скоро последует. Следующее движение будет заключаться в энергичном сосредоточении против Австрии со стороны России, Румынии, Сербии, Черногории и Италии, при чем желательно содействие сил английских, французских и англо-французских с базою в Адриатике или Эгейском море. Такое соединенное наступление может привести к полному разгрому Австрии и во всяком случае заставить Германию сражаться на новом менее укрепленном фронте и укоротить свою линию обороны в других местах и кроме того это перенесло бы военные действия на неприятельскую территорию". Автор записки заключает: „Надо стараться, чтобы к концу осени весь Карпатский хребет был бы твердо в руках России и Румынии и так как зима не помешала бы вспомогательными действиям со стороны Италии и Сербии, то возможно было бы и продолжать наступление в Венгрию. Таким образом общее наступление всех союзников по всем фронтам возможно было бы с весны, а в начале лета неприятель был бы окончательно покорен".

Из материалов не видно как отнеслось русское верховное командование к плану английского военного представителя. В июле мы видим, что генерал Вильямс возвращается к поставленным им в общей форме вопросам, придавая им вполне конкретную форму. 7 августа (25 июля) он задает начальнику штаба письменно пять вопросов, ссылаясь на необходимость согласования действия союзников: 1) Следует ли ожидать, что неприятель будет в состоянии перевести с восточного фронта на другой театр войны значительные силы в срок меньше месяца?—Значение этого вопроса раскрывается если рассматривать настоящее положение, в особенности на Балканском полуострове, включая Дарда-

неллы; 2) Следует ли ожидать, что в течение предстоящей зимы русские армии потребуют для выполнения их планов специальной стратегии со стороны союзных армий? 3) Следует ли ожидать, что к началу весны 1916 года русская армия будет готова участвовать в наступательной стратегии, общей и согласованной для всех союзников и направленной к тому, чтобы привести войну к решающему исходу до конца года? 4) Какие должны были бы быть главные черты этой стратегии, общей для союзников? Я понимаю, что в то время как высшее русское командование согласно, что взаимное согласие в отношении указанных вопросов будет полезно для общего блага союзников, тем не менее считают, что всякое обсуждение подобных предметов должно было бы иметь место лишь в присутствии представителей всех союзных верховных командований; 5) Я поэтому беру смелость просить мнения по вопросу о том, что представлялось бы полезным устроить совещание для обсуждения этих вопросов с участием всех представителей союзных армий, акредитованных при генеральном штабе великого князя. Но что касается 4-го вопроса — он имеет такое значение, что я спрашиваю не представляется ли возможным устроить, в каком нибудь месте, которое будет признано удобным союзный военный совет, в котором мог бы участвовать ответственный представитель высшего русского командования".

Ответы на эти вопросы требовались для сообщения Лорду Китченеру.

Точные ответы, данные в самом деле генералу Вильямсу, нам неизвестны. Но в материалах мы находим краткую записку, написанную карандашем, почерком генерала Янушкевича и приложенную к письму генерала Вильямса. Записка озаглавлена: „Для руководства" и содержит ответ на все пять вопросов. Приводим ее текст полностью:

„№ 1. — Всегда возможно, — т. к. их рассчеты трудно заранее уловить. № 2. — Трудно предположить, чтобы мы обратились со специальною просьбою, т. к. мы уверены, что союзники сделают и в дальнейшем все, чтобы сломить силы врагов. Что касается действий в Дарданеллах—то для нас является крайне необходимым, чтобы действия союзников продолжались и развивались. № 3. Как всегда русская армия будет продолжать делать все возможное на пользу общего дела. № 4.—Об этом теперь говорить рано — только в зависимости от зимней обстановки можно высказаться по этому вопросу. № 5.— К этому препятствий не встретится".

Как видно из этих ответов генерал Янушкевич отклонял всякую определенную постановку вопросов об общей стратегии ссылками на то, что несомненно и мы и союзники делаем все возможное, на пользу общему делу. Единственный конкретный ответ последовал по § 5 относительно создания общего союзного военного совета.

Вопрос о согласовании действий союзников был вскоре поставлен во всей широте на военной общесоюзнической конференции, заседавшей в Шантильи в ноябре 1915 года.

4 октября начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генералу Алексееву была сообщена разработанная французским штабом программа работ этого совещания. Программа эта включала следующие пункты:

1) Рассмотрение положения на главных театрах военных действий.

2) Определение условий, при которых союзные армии могут вновь предпринять наступление на соответствующих своих фронтах: положение армий в смысле личного состава; снабжения снарядами, техническими средствами; намерения высшего командывания. Условия для успешного достижения единства (связанности) действий на главных театрах войны. Должно ли это единство (связность) действий быть достигнуто одновременностью? В последнем случае на какое время намечается наступление, принимая во внимание вышеуказанные данные.

3) Рассмотрение положения на Балканах, в Азии и в Африке. Предпринятые меры и меры долженствующие быть предпринятыми к закрытию для Германии путей сообщения в Средиземном море и мусульманских странах, что явилось бы окончательным завоеванием всех германских колоний.

4) Изучение необходимых к принятию мер для обеспечения между Главнокомандующим союзными армиями постоянных связи и единства взглядов, как в отношении подлежащих принятию военных мер, так и в отношении подлежащих предложения их правительством политических и экономических мероприятий. Рассмотрение не было бы желательным в этом отношении создание например во французской главной квартире постоянного органа для изучения, имеющего в своем составе офицеров различных армий.

5) Меморандум, определяющий положение на западном фронте и сущность подлежащих разрешению задач соста-

влен во французской главной квартире. Он будет представлен членам совещания при их приезде во Францию [1]).

Мы находим некоторые указания на отношение к этой программе Ставки в документах уже приведенных в предшествующей главе—проекте сообщения Жоффра и докладе государю. Относительно общего плана согласование действий союзников в проекте сообщения Жоффру имеются весьма интересные соображения. Основная мысль плана, которому по этому проекту должен быть предложен Россией заключается в сознании общего командования всеми союзниками, причем вследствие особого значения России в войне Главнокомандующим должен быть глава русской армии.

Ссылаясь на изложенный нами в предшествующей главе план, в котором центр тяжести операций переносится на восток, проект переходит к вопросу об организации командования: „Набросанный вчера план действий всех вооруженных сил Четверного Согласия есть единственный план, допускающий одновременность действий. Наполеон в 1813 году, как ныне Вильгельм, был в центре и только решение Александра I в Трахенберге—присоединить главные силы русской армии к главным силам австрийской у Праги—лишило Наполеона всех выгод центрального положения и сделало возможным одновременность действий. И теперь только положенное в основу плана последовательное, настойчивое сосредоточение англо-франко-итало-русских главных сил на линии Варшава—Будапешт способно лишить Вильгельма выгод центрального положения. В 1813 году первенство командования и силы принадлежало русскому императору и России и ныне это не должно измениться. Не ради чести, а уже по причине сущности, природы вещей, Россия наименее уязвима, обладает наибольшим запасом людей (слабость вооружения—вещь устранимая), стоит на наиболее открытых подступах к Берлину и Вене; ее армия самими условиями театра, соотношением сил принуждается к широким маневренным операциям; при применении строго позиционной войны мы, при нашем пространстве и бедности путей всегда рискуем быть прорванными и охваченными противником, всегда могущим скрытно сосредоточиться в одной точке нашего длинного фронта. Таким образом мы должны быть маневренны, а не позиционны по самой природе вещей. Даже теперь возьмем

[1]) Письмо начальника французской военной миссии ген. д'Амад генералу Алексееву 17 октября (4 октября) 1915 года.

для примера Эверта: можно предсказать, что если немцы захотят, то весною он будет прорван, на столько трудно и даже невозможно ему противустоять на всем длинном фронте такому скрытному сосредоточению сил, какое немцы произвели под Горлицею (Юго-Западн. фронт). Его план действий должен всегда предвидеть маневр. Поняв, где неприятель наносит удар, Эверт должен наносить ему удар в другом месте, где неприятель не имеет ни собранных масс, ни могущественной артиллерии, т. е. должен маневрировать.

Все сказанное указывает на то, что действия русской армии должны быть маневренны. Действия же французской, прикрывающей на узком фронте Париж и итальянской (и английской) природою вещей „позиционны". То как же Главнокомандующий Жоффр, ведущий позиционную войну, сможет указать и главное угадать, понять надлежащий момент для одновременности действий с маневренной армией, приложение сил которой так изменчиво и требует напряженного внимания, обсуждения непрерывного, неподдающегося даже заблаговременному соглашению?

Между тем учреждая при себе союзный военный совет, Жоффр как бы берет на себя ту руководящую роль, какая может принадлежать только маневренной армии и ее руководителю. Отсюда видно, что если Франция, Англия и Италия подчинятся руководству России, то „позиционные" армии подчинятся „маневренной" и тем облегчит достижение одновременности и лишения Вильгельма выгод центрального, внутреннего положения. Средство для взятия Россиею на себя руководства—это предложение Жоффру своего плана, и именно теперь, когда они еще не имеют об'единяющего плана." Затем следовало изложение плана, приведенного нам в предыдущей главе. Не входя в оценку стратегической стороны изложенного проекта нельзя не отметить, что автор его в своих соображениях совершенно не считается с политической обстановкой. Несомненно, что в октябре 1915 года не только нельзя было расчитывать на согласие союзников подчиниться русскому командованию, но самое предложение такого рода вряд ли могло быть серьезно сделано союзникам. К сожалению мы не имеем никаких данных о судьбе этого проекта и об отношении к нему русского верховного командования.

Русским представителем в особое совещание, созываемое во Франции, был назначен генерал Жилинский. В

данной ему инструкции сказано, что это совещание может обратиться в постоянный орган по об‘единению оперативной деятельности союзных армий[1]).

Конференция открылась 8 декабря (25 ноября) 1915 года в Ставке генерала Жоффра. К сожалению в наших материалах не имеется протоколов ее заседаний. Мы можем дать очерк ее работ лишь на основании донесений генерала Жилинского, а также отдельных документов, развивающих план ее работ. Из числа таких документов следует отметить выдержку из письма-меморандума, приготовленного французским штабом для участников в конференции, содержащую в себе изложение общего плана по вопросам, касающимся России. Выдержка эта была сообщена в Ставку 7 ноября (25 октября) французским военным агентом генералом Лагиш. Приводим главные положения плана:

1) „На западном фронте театра войны англо-французское наступление, предпринятое согласно программы от 7-го июля с. г. достигло важных тактических результатов, при чем однако не оказалось возможным развить его до стратегического прорыва.

Прежде чем возобновить новое и более могущественное наступление англо-французские армии должны укомплектоваться и увеличить свои средства всякого рода. Они однако в состоянии отбросить наступательные попытки противника и даже возобновить наступление, если бы общий интерес коалиции к тому их обязал.

2) Конференция ознакомится с условиями, при которых возобновление наступления русскими армиями на восточном фронте представлялось бы наиболее выгодным. Предстоит в особенности решить вопрос, следует-ли стремиться к одновременности действий на восточном и западном фронтах.

Конференция ознакомится с материальным положением русских армий с точки зрения: личного состава, боевых припасов, снаряжения, а также относительно намерений высшего командования и влияния которое успех на одном фронте может оказать на другой.

3) Конференция рассмотрит положение на Балканах, каковым оно будет представляться в момент с‘езда. Принятый план, какой бы он ни был, будет надлежать преследовать с энергией и быстротой. Членам конференции полезно будет получить подробные сведения относительно состава

[1]) Инструкция генералу Жилинскому 27 октября (14 октября) 1915 г. № 5197.

русского экспедиционного корпуса и условий, в которых он должен выполнять свои операции.

4) Материальное положение кавказской армии и намерения высшего командования относительно развития операций этой армии будут также рассмотрены.

5) Предстоит обсудить меры, долженствующие быть принятыми сообща в том случае, если центральным державам удастся достигнуть Константинополя, вследствие чего явилась бы необходимость преградить им путь в страны с арабским населением и парализовать их действия в восточной части Средиземного моря.

6) В меморандуме будет предложено создать изучающий орган в целях об'единения направления совместных военных действий; в состав этого органа войдет аккредитивный представитель от каждой из союзных армий. Органу этому надлежало бы изучать вопросы военно тактического характера, разрешение которых может представиться коалиции и предлагать Главнокомандующим изученные им решения этих вопросов для представления таковых на одобрение соответствующими правительствами".

Совещание Главнокомандующих и представителей союзных армий началось 6 декабря (23 ноября) и продолжалось три дня. Генерал Жилинский на первом же заседании, согласно полученным им указаниям добиваться действительного согласования действий союзных армий, поставил два требования: 1) чтобы наступление союзных армий, когда оно будет решено, начато было действительно одновременно, без промежутков между началом операций отдельных армий, так как эти промежутки имеют склонность растягиваться настолько, что всякая согласованность будет утрачена, 2) признавая всю огромную важность подготовки операций, генерал Жилинский настаивал однако на том, что если одна из армий будет атакована немцами, которые очевидно не будут ждать конца бесконечной подготовки французов и итальянцев, неаттакованные союзные армии, даже и при неполной их готовности (т. е. не дожидаясь недосягаемого совершенства подготовки), должны немедленно аттаковать противника, чтобы не дать ему возможности подавить отдельно атакованную часть.

„Должен сказать, доносит генерал Жилинский[1]), что я встретил сильнейшее противодействие. По первому пункту

[1]) Донесение генералу Алексееву 17 декабря (4 декабря) 1915 года № 4.

генерал Порро[1]) сразу же заявил, что к марту итальянская армия готова не будет, ибо тяжелые орудия должны быть поставлены к 1 апреля (19 марта); по климатическим же условиям начать операции в горах ранее 15 апреля (2 апреля) невозможно. Вообще желания начать активные операции генерал Порро не выказал; сквозило наоборот намерение затянуть переход в наступление. Это пожалуй и не важно: расчитывать на Италию, как на деятельный фактор на войне нельзя. Говоря после конференции с генералом Жоффром мы пришли к заключению, что начать наступление нам и французам придется, не дожидаясь Италии, которая вероятно начнет движение вперед только тогда, когда выяснится успех нашего наступления. Но главное дело в том, что в самом Жоффре я подметил желание, чтобы будущею весною Россия первая начала наступление и я, боясь, чтобы и он не стал затем выжидать, чтобы при доказанной его медлительности он не растянул промежутка между началом наступления нашей и французской армией. Предлогов для оттяжки всегда можно найти много. Поэтому, когда будет определяться срок начала общего наступления надо очень точно установить его срок с допуском не более двух, трех дней разницы между началом наступления обеих армий. Если Жоффр действительно начнет оттягивать договоренный срок, я вероятно успею Вас известить и может быть можно будет изменить и оттянуть начало и нашего наступления: тогда здесь поймут, что оттягивание ни к чему не ведет. Должен однако признать, что хотя приготовление французов и медленны, но они очень серьезны. Жоффр, например, образует для предстоящего наступления в непосредственном своем распоряжении резерв в несколько сот тяжелых орудий, в числе коих будет 12 орудий $15^1/_2$ дюймового калибра, т. е. таких же, как и знаменитые немецкие 42 сантиметр. (16 дюйм.)—Второе требование генерала Жилинского вызвало также большие дебаты и возражения со стороны союзников. В конце концов было постановлено, что если одна из армий будет атакована, то другие союзные армии окажут ей помощь „со всею возможною интенсивностью."

Генерал Жилинский раз'ясняет следующим образом эту формулу: точный перевод не совсем бы передал вложенную в это выражение мысль; надо понимать так: в кратчайших пределах возможного. При этом генерал Жилинский на-

[1]) Итальянский представитель.

стоял на включении в эту фразу слова „всею“, показывающего степень усилия, которое союзные державы должны сделать, чтобы облегчить положение той из них, которая будет атакована [1]).

Генерал Жилинский придавал большое значение этой поправке, считая, что это во всяком случае письменное признание союзниками обязательства взаимной поддержки дает нам право настаивать на содействии более быстром, чем то, которое мы видим раньше.

Вопрос об общем согласовании действий союзников рассматривался также на втором заседании совещания, при чем был сделан подсчет союзных сил. Генерал Жилинский доносит, что подсчет этих сил приблизительный, при чем англичане о себе сведений не дали. Здесь разыгрался очень интересный инцидент, раскрывающий картину не вполне искренних отношений между союзными штабами.

В Оффициальных донесениях генералу Алексееву от 17 (4) декабря 1915 г. № 4 Жилинский сообщает следующее о подсчете на конференции русских сил: „Французский штаб исчислил наши силы всего в полтора миллиона человек. Я указал на крупную неточность в этом исчислении (на 1-е апреля), сказал, что на западном нашем фронте имеется 56 корпусов (считая два гвардейских)“, Осовецкий отряд и несколько дивизий второй и третьей очереди, не вошедшие в корпуса, тут же приблизительно подсчитал число батальонов и определил приблизительную силу нашу на 1 апреля в 2.750.000 чел. Рядом с этим однако генерал Жилинский писал генералу Алексееву следующее: „В дополнение к письму моему за № 4 я желал бы еще частным образом сообщить Вам о том затруднительном положении, в котором я оказался на втором заседании совещания, благодаря нескромности находящихся в Ставке военных агентов. Из сведений, которые Вы мне дали в бытность мою в Царской Ставке я знал истинный, весьма слабый состав наших сил, но конечно хранил это в безусловной тайне. Между тем передают как достоверное, что военные агенты французский, бельгийский и английский сообщили своим представителям подробно все эти сведения. Несомненно, что собравшиеся на совещание их знали и это произвело на них крайне удручающее впечатление и вселило некоторое сомнение в нашу способность перейти в наступление. Мало

[1]) Текст протокола заседания совещания 8 декабря (25 ноября).

того телеграмма о слабом составе наших сил была получена и от Палеолога и была мне пред'явлена на самом заседании. Я не дал ее прочитать на совещании и без церемонии спрятал ее в свой портфель. Я заявил, что сведения эти устарелые и относятся к периоду конца отступления, что теперь армия пополняется и тяжелое положение ее миновало. Затем я тут же подсчитал приблизительно число наших батальонов на фронте и состав сил к 1 апреля. Мой бодрый тон и спокойный подсчет сил, сделанный тут же при всех повидимому успокоил членов совещания". К сожалению мы не имеем данных для определения тех причин, которые побудили в данном случае наше командование скрывать от союзников истинное число наших войск. Можно предположить, что здесь играло роль желание получить по возможности большую помощь в снабжении нашей армии. Практика показала нашему штабу, что союзники весьма туго удовлетворяют просьбы в этой области и для того, чтобы получить нужное для известного количества войск, надобы просить о снабжении почти двойного их числа.

В этом же письме генерал Жилинский упоминает об одном еще инциденте, который также рисует трудную обстановку, в которой приходилось вносить согласованность в действия союзников. Генерал Жилинский обращает внимание ген. Алексеева на легкость разглашения заграницей всяких тайн. План нашего наступления в Венгрию был сообщен чрезвычайно секретно телеграммою министра иностранных дел нашему послу в Париже. Посол сам расшифровал эту депешу и сообщил ее содержание только председателю французского совета министров Бриану и генералу Жилинскому. Бриан же передал это на обсуждение совета министров, состоящего, благодаря обилию министров без портфеля, из 30 человек. Каждый из них стал говорить об этом с депутатами своей партии и раньше чем генерал Жилинский успел доехать до Жоффра о плане генерала Алексеева говорила уже вся палата, сенат, министерства, словом весь оффициальный мир. „Здесь секретов нет, заключает генерал Жилинский, и уже если вопрос не попадает на столбцы газет, то надо Бога благодарить. Вопрос о том, нужно или не нужно оставлять Салоники, сделался предметом сильнейшей газетной полемики, при чем выкладывались и сила и число дивизий и позиции и командование и отношение к Греции и при том в тоне, крайне задирающем и задевающем самолюбие Греции".

Общее заключение генерала Жилинскаго по вопросу о видах на согласование в будущем действий союзников видно из характеристики, которую он дает французскому командованию и стратегии. Жоффр „весь погруз в подготовке и настолько медлителен, что подвинуть его на наступление раньше определенного на совещании срока, т. е. раньше весны, нет решительно никакой надежды и возможности. На это расчитывать совсем нельзя. Из созерцательной неподвижности французов могут вывести только немцы. Если они поведут сильную атаку на нас, то я буду настойчиво, на основании совещания, требовать быстрого и энергичного содействия. Но лучше всего, если бы немцы атаковали бы французов, которые этого ждут и желают в уверенности, что в такой атаке немцы разобьются о их позиции и сопротивление. И если это обстоятельство случится, то можно ждать, что за отбитым и расстроенным противником французы действительно перейдут в наступление даже и зимою, даже и не ожидая конца подготовки, т. е. организации главным образом своей тяжелой артиллерии, т. к. она предназначена не для отбития и преследования противника, а только для пробивания бреши в его укрепленных линиях при переходе в наступление не по воле немцев, т. е. не за ними, а по решению самих французов. И если бы немцы поторопили их своею атакою, можно бы благодарить Бога“.

На основании этих данных трудно сделать общую оценку значения ноябрьской конференции союзников. Попытка об'единить действия союзников во всяком случае не привела ни к чему конкретному, и конференция ограничилась принятием общих принципиальных решений по этому вопросу. На деле же в значительной мере осталась прежняя неопределенность отношений и разрозненность действий.

Следует отметить, что с этого времени все большее значение приобретают действия союзников на Востоке, и вопрос об организации салоникского фронта становится центральным в обсуждении общесоюзного плана. Поэтому в дальнейшем нашем изложении мы не будем отделять переговоры, касающиеся главных театров, от переговоров, относящихся к восточному фронту. Такое слитие в одно вопросов, ранее разделенных, вызывается существом дела, так как развитие военных операций все больше и больше связывало между собой действия на различных театрах. Вместе с тем возраставшее об'единение действий союзников

также все более подчиняет единому работу отдельных фронтов.

Однако процесс этот протекал довольно медленно. Необходимость об'единения к концу 1915 года вполне уже сознавалась всеми, но провести ее на практике было чрезвычайно трудно.

Неудовлетворительность результатов ноябрьской конференции союзников в этом отношении обнаруживается уже через несколько дней после ее закрытия. Генерал Алексеев в начале декабря ст. ст. делает попытку конкретно осуществить согласование действий русской и союзных армий, но сталкивается с указанными препятствиями. Шаг генерала Алексеева имел задачей выяснить, предполагают ли союзные армии в ближайшее время начать какие либо активные действия на том или другом театре, дабы согласовать с ними нанесение нашего удара противнику. „Предстоящие в скором времени наши действия“, телеграфировал ген. Алексеев Жилинскому, „неминуемо отвлекут часть неприятельских войск на нас. Этим необходимо воспользоваться. Прошу обратить внимание на необходимость и важность для общего дела приложить все усилия для реорганизации сербской армии, снабжения ее, выработку совместного плана действий. Если взяться энергично за это дело, союзники получат силу в 250 тысяч человек, но лишь при условии, что за восстановление этих сил приступят немедленно. Не можете ли ознакомиться, имеется ли надежда на единство власти в Салониках“ [1])?

Ответ Жилинского очень характерен для создавшегося во Франции положения и для настроения союзного командования: Главнокомандующий Жоффр считает французскую армию еще не готовой к общему наступлению ввиду большой силы препятствий на германских линиях, которые придется брать только с фронта силою артиллерийского огня. Поэтому общее наступление не менее как 15-ю—20-ю корпусами на атакуемом участке фронта возможно только в марте. Теперь имеются сведения о прибытии на французский фронт сегодня двух германских дивизий, о движении к французской границе еще других войск и тяжелой артиллерии. Главнокомандующий генерал Жоффр с нетерпением ожидает германской атаки, которая поведет к большим потерям неприятеля и при удачном ее отраже-

---

[1]) Телеграмма ген. Алексеева 1 декабря (14 декабря), № 6283 (2).

нии перейдет в наступление. Если же последует только отлив германских войсковых сил с французского фронта, то расчитывать на общий переход в наступление нельзя, но одновременно с предположенным нашим наступлением на днях будут произведены две частных атаки. Одна в Верхнем Эльзасе, другая в Шампани у Массижа, силой в одну дивизию каждая с применением удушливых газов с целью занять часть германских укреплений. Время начала атак зависит от направления ветра для удушливых газов: кроме того будет очень заметно усилен огонь артиллерии на всем фронте. Это безусловно обещано, но большого пока добиться не мог".

Относительно салоникского фронта сведения Жилинского также не были слишком благоприятны. Подвоз сербам продовольствия из Италии в Валлону начинал только налаживаться. Несколько транспортов было потоплено, но были приняты меры для сопровождения последующих французскими миноносцами. Были также сделаны распоряжения, чтобы сербы, отступая к более северным портам, перешли к Валлоне, куда для восполнения нужды в вооружении и для организации были посланы комиссии. Отступившие в Албанию сербские войска по донесению французского военного агента не превышали ста тысяч или трех корпусов. Считали, что они могут быть вполне устроены к началу общего наступления союзников в марте. К этому времени рассчитывали привлечь в Салоники два итальянских корпуса, на что были надежды склонить Кадорну, но чему противилось итальянское правительство. Жилинский добавлял, что общее направление наступления—на Софию. Что касается вопроса об управлении в Салониках, он оставался в некоторой неопределенности. Предполагалось устроить отношения с англичанами по примеру западного фронта, где генерал Френч не был подчинен Жоффру, но обязан был согласовать с ним свои действия [1]).

Сообщения эти произвели на генерала Алексеева весьма неблагоприятное впечатление: „Телеграмма Ваша от 3 декабря", телеграфировал он Жилинскому, „лишний раз убеждает в невозможности согласовать действия наши с действиями на французском фронте. Результат: один из союзников раньше истощает свои средства и усилия, чем

[1]) Телеграмма Жилинского 3 декабря (17 декабря) 1915 г.

другой начинает, противник же получает возможность одне и те же силы применять на западе, востоке, ныне даже на юге. Конечно отдаленность англо-французской армии от русской, изолированность итальянцев не позволяют поставить всем армиям общую ближайшую цель действий, а главное—внушить сознание необходимости одновременности действий по общему плану. В виду этого операционное направление Салоники — Белград — Будапешт наилучшим образом обеспечивало бы взаимодействие русской, англо-франко-сербской и итальянской армий. Направление стратегически важное, ибо ведет к сердцу одного из противников, а уничтожение его окончательно стесняет свободу действий и ограничивает средства другого. Смело поставленный план сосредоточения значительных сил на Балканах может еще изменить положение Греции, повлиять на Румынию. Опасность и трудность кампании на Балканах не столь велики, как обрисовывается англичанами, результаты могут быть существенны, потому проведение в жизнь этой идеи имеет существенное значение. Тогда можно расчитывать на установление общего плана и согласованность действий, отсутствием чего мы главным образом и страдаем“ [1]).

Соображения генерала Алексеева оказались мало влиятельными на союзников. Генерал Жилинский говорит снова по получении приведенной телеграммы с Жоффром о содействии нашему предполагаемому наступлению. Ему было сообщено, что частные атаки французов у Гартмансвейлера и к югу от него будут продолжаться; будет произведена несколько отложенная атака у Массижа. Наконец недели через две будет произведена атака еще на севере „близ расположения английских войск. Большого содействия“, добавлял Жилинский в телеграмме генералу Алексееву, „французская армия в ожидании германской атаки нам оказать не может, о чем с излишнею горячностью заявил мне сегодня генерал Жоффр. Со своей стороны он считает, что часть нашей армии на юго-западном фронте своим наступлением должна облегчить положение французов в Салониках и оттянуть туда германские войска, коих французы считают три дивизии как близкое подкрепление болгарских войск для атаки Салоник. Вопроса о наступлении от Салоник в Венгрию пока возбуждать со-

[1]) Телеграмма ген. Алексеева от 9 декабря (22 декабря) 1915 г. № 6463 (2).

вершенно невозможно. Французы озабочены только обороной у Салоник. Участие англичан в наступлении пока не обеспечено, а реорганизация сербской армии, если она будет спасена, возможна только к весне"[1]).

Телеграмма эта дополняется письмом от 18/31 декабря, в котором генерал Жилинский совершенно откровенно изложил свой разговор с ген. Жоффром:

„Из телеграммы моей от 13/26 декабря за № 24 Вы знаете результат разговора моего (вторичного) с генералом Жоффром о содействии, которое французская армия могла бы оказать нам при нашем наступлении, ныне уже благополучно начатом. Я упомянул в телеграмме, что ген. Жоффр отклонил такое содействие с *излишней горячностью*. Вам, как начальнику штаба, конечно надлежит знать все, поэтому я и хочу совершенно частным образом сообщить этот разговор, которому ген. Жоффр придал очень неприязненный характер. В присутствии своего начальника штаба, ген. Пеле, он с некоторою раздражительностью заявил, что войну ведет одна только Франция и что все остальные только просят у нас содействия; что ни о каком наступлении не может быть и речи, так как немцы обнажают русский фронт для атаки французов. Когда я, не отвечая на эти выпады, очень сдержанно заявил, что, как ему известно, у нас скоро предполагается произвести наступление, которое может совершенно изменить положение, почему я и приехал переговорить, какое содействие может оказать ему французская армия, ген. Жоффр раздраженно ответил: „никакого". Только путем выдержки и спокойствия мне удалось смягчить этот разговор и в конце концов договориться о тех трех частных атаках, о коих я Вам сообщил в своей телеграмме. Разговор окончился вполне спокойно, но Вы видите как здесь иногда приходится трудно. Генерал Жоффр человек очень невоспитанный, и, несмотря на кажущееся хладнокровие, раздражительный и несдержанный. Теперь он ждет решительной немецкой атаки и особенно нервничает. Наступление он считает для французской армии возможным только весною; теперь он его не начнет и настояния с нашей стороны могут привести только к обострениям. А они не желательны, ибо надо иметь в виду главную работу, которая наступит в марте, когда решаться будет совместное наступление всех союзников"[2]).

[1]) Телеграмма ген. Жилинского 14 декабря (27 декабря) 1915 г. № 24 (2).
[2]) Письмо ген. Жилинского 18 декабря (31 декабря) (2).

Содержание этого письма чрезвычайно интересно, как характеристика отношений русского и союзного командований. Можно только спросить—если ген. Жофрр, отказывая в содействии России, проявил „излишнюю горячность“, не проявил ли генерал Жилинский, возражая на этот отказ, излишнее спокойствие?

Из этой переписки ясно, что расхождение взглядов русского и союзного командования по самым основным вопросам стратегического согласования действий на различных театрах было довольно существенным.

Французы придерживались гораздо более узкого взгляда на предстоящие в войне задачи, чем генерал Алексеев, пытавшийся об‘единить все фронты для выполнения единого плана. Самый же план генерала Алексеева раскрывается из ряда последующих его обращений к союзному командованию.

Ген. Алексеев связывает принятие единого плана с необходимостью более тесного об‘единения союзного командования. В связи с этим он снова ставит вопрос о создании общего временного или постоянного совета.

„Можно ли рассчитывать“, пишет он 19 января (6 января) 1916 года Жилинскому, „что Ваше пребывание во Франции поведет к созданию постоянного или временного совета для взаимной обстоятельной ориентировки и согласования планов различных держав союза. Не подразумеваю, конечно чтобы указывались цели, направление действий, определялись силы, но достижимо установить общую идею борьбы постепенного сжимания и окружения Германии, выработать соответственно этому значение отдельных театров и что на них желательно достигать, согласовать по времени операции на различных фронтах. Без всего этого действия противника носят характер глубоко продуманных общего значения предприятий, наши—каких то частных ударов, не связанных ни общностью замысла, ни временем: когда одни атакуют, другие по различным причинам бездействуют. Моя недавняя попытка предложить некоторую идею встретила лишь указание на трудность выполнения, но никто не предложил чего либо своего для обсуждения, разработки. Нельзя основывать план на постепенном истощении запаса людей и матерьяльных средств Германии, нужно ставить целью настойчивое, постепенное сжимание врагов, лишение возможности безнаказанно развивать дальние предприятия, ибо это дает им продовольствие

и людской матерьял. Поэтому уход англичан с Галлипольского полуострова в Египет полезен противнику. Не считаю осуществимым широкое предприятие против Египта, но даже при попытке произвести его прикрыть Египет можно иначе, не предоставляя немцам хозяйничать на обширном пространстве. Желательно установить определенное решение относительно Балканского полуострова и как смотрят союзники на свое пребывание там, ибо одно спокойное занятие Салоник влияния на ход событий не окажет и противника в его смелых предприятиях не задержит. Нужны энергичные меры по спасению и восстановлению сербской армии. Исчезновение ее, в связи с капитуляцией Черногории всею тяжестью отразится непосредственно на нас: противник получит возможность весь излишек сил сосредоточить в Буковине, чтобы прорывом на Могилев поставить в угрожаемое положение наши сообщения с Румынией, которая окажется изолированною и в силу необходимости должна будет примкнуть к числу наших врагов. Так бессвязные наши военные предприятия в связи с малодеятельною, непредприимчивой дипломатией, создадут для нашей армии исключительно тяжелые условия борьбы и необходимость перейти к позиционной войне. Предоставьте союзным начальникам взвесить насколько невыгоден для общего дела такой исход, ибо русская армия только своими наступательными действиями может оказать существенное влияние на события. Важно выяснить какие силы, когда, из числа своих новых широких формирований предполагают собрать в Салониках французы, англичане; присоединив там же восстановленную сербскую армию, можно сильно умалить результаты широко и успешно проведенной немцами балканской кампании. Далее вопрос о совместных операциях наших и англичан в Персии и Турции. Получил тоже ответ, что нельзя разбрасываться. Между тем более сильный численно отряд на багдадском направлении, движение сильной пехотной дивизии через Мохамеру на Керманшах и затем совместно с частями нашей кавказской армии на Моссул явилось бы более надежным обеспечением Суэца и Индии. Вообще вместо пассивной обороны Суэца при маловероятном египетском походе германцев лучше создать сильную союзную группу у Моссула, которая установила бы общность действий левым крылом нашей кавказской армии; слишком опасное создалось бы положение для турок, у союзников же не было бы войск бездействую-

щих, какими могли бы оказаться войска собираемые ныне в Египте. Наши действия на Кавказе развиваются благополучно; 9 и 11 турецкие корпуса сильно расстроены, отходят на Деве—Бойну. Операция генерала Иванова задержалась слабостью, недостатком тяжелой артиллерии, недочетами управления, но, конечно, не может служить указанием трудности опрокинуть австро-германскую армию".

Настояния генерала Алексеева поддерживались и нашим министерством иностранных дел.

Но из сообщений нашего посла в Париже Извольского, которому было поручено настаивать перед французским правительством о значении салоникского фронта, видно, что приданию активного характера препятствовали общие условия. Бриан заявил Извольскому, что хотя в настоящую минуту не может быть речи о переходе салоникских отрядов в наступление, Франция со своей стороны делает все, что от нее зависит, чтобы усилить эти отряды и приготовить их к активным действиям. Сейчас происходит безостановочная отправка в Салоники требуемых генералом Сарайль подкреплений в размере 2 дивизий. Французский контингент в Салониках, состоявший первоначально из 60.000 человек, доведен ныне почти до 100.000 при 30 батареях крупных орудий. По мере восстановления сербской армии, она также будет направляться в Салоники. Бриан обещал обсудить с генералом Жоффром дальнейшие меры, которые могли бы произвести на неприятеля впечатление, что союзники не намерены ограничиться обороною. Но вопрос о переходе салоникских войск в наступление может разрешиться не иначе, как в связи с общим планом действий союзников. План этот подробно разрабатывается французским генеральным штабом. Он будет в свое время представлен на рассмотрение союзников и послужит предметом предположенной дипломатической и военной конференции в Париже. Извольский добавлял, что Бриан является лично убежденным сторонником широкого развития операций на балканском фронте и, что мы можем вполне расчитывать на его воздействие в этом смысле, как в Лондоне, так и в Риме, куда он приедет в первой половине февраля нового стиля[1]).

С этого времени большая часть сношений между штабами посвящена разработке общего плана действий союз-

[1]) Телеграмма Извольского из Парижа 28 января (15 января) 1916 г. № 45.

ников, который был утвержден на мартовской конференции 1916 года и лег в основу весенних и летних операций, из которых одной из значительных явилось наше наступление в Галиции.

Мы рассмотрим эти переговоры в следующих главах. Здесь же приведем некоторые соображения по главным стратегическим вопросам, высказанные ген. Алексеевым в середине января 1916 г. в его инструкции генералу Жилинскому. Генерал Алексеев развивает все те же основные мысли, стремясь воздействовать на общесоюзническую стратегию в смысле своего плана. Вместе с тем чрезвычайно интересно мнение ген. Алексеева об отношении к нам союзников.

Одним из главных вопросов, продолжавших возбуждать разногласие русского и союзного командования оставался вопрос о Салониках. Ген. Алексеев со всей энергией возражает против английской точки зрения, формулированной ген. Муррей, что желательно удержать союзные войска в Салониках, дабы втянуть Румынию в сферу действий держав Согласия, но выгода этого не столь существенна, чтобы оправдать оставление в Салониках 150 тысяч войск. Ген. Алексеев полагал, что этот взгляд доказывает полное непонимание значения Румынии для общих интересов Согласия: „Приобретя 150 тысяч человек для главного театра более чем уже насыщенного войсками, за счет оставления Салоник, Согласие рискует усилить противника на 250 тысяч румын, заставить Россию ослабить себя выделением войск для прикрытия 400 верстного участка от Черновиц до Одессы, дает возможность проникнуть в Бессарабию значительным силам румын, болгар, даже турок. Это вынудит русскую армию перейти к пассивной обороне при длинной и тонкой кордонной линии без резервов, дабы задаться скромною целью обеспечить собственную землю от дальнейшего вторжения врага. Едва ли такой результат отвечает общим интересам Согласия. Салоники—единственный пункт, через который возможно стратегическое воздействие западных держав с Россиею и только здесь сербская армия станет на важнейшее для нея операционное направление. Было бы желательно не оставлять без решительного возражения таких эгоистических, пагубных для дела взглядов“ [1]).

[1]) Телегр. генерала Алексеева Жилинскому 1 февраля (19 января) 1916 г. № 359.

Соображения, высказанные в связи с вопросом о Салоникском фронте относительно Румынии будут рассмотрены дальше в главе о выступлении Румынии. Генерал Алексеев не согласен также с стратегическими планами англичан в отношении Египта, Турции, Месопотамии. Приехавший в это время в ставку английский ген. Кальвелль отнесся очень уклончиво к вопросу усиления войск в Месопотамии и Персии. „Таким образом" пишет ген. Алексеев, „мои расчеты на совместные, согласованные действия с англичанами против турок со стороны Багдада, Керманшаха и Муша рушились. Между тем эти действия разрушили бы всякие серьезные предположения о походе против Египта" [1].

Нежелание английского командования усилить войска в Салониках и в Турции об'яснялось стремлением сосредоточить возможно большие силы на главном, французском театре. Ген. Кальвелль сообщил, что вся подготовка союзников во Франции ведется с расчетом начать наступление в половине нашего марта.

Он заявил ген. Алексееву, что союзники будут очень довольны, если мы начнем нашу атаку примерно через три недели после них. Ген. Алексеев по этому поводу пишет Жилинскому, что вопрос этот своевременно нужно будет подвергнуть обсуждению. „Нужно помнить, что у нас существует период весенней распутицы, во время которой движение небольших частей, не только крупных масс, невозможно.

Если от нас потребуют движения в такой период, то можно предсказать неуспех операции, ибо ни работа пехоты, ни содействие артиллерии неосуществимы".

Общее заключение ген. Алексеева рисует картину несогласованности действий союзников и выполнение ими плана, невыгодного для России. Ген. Алексеев считает, что „нужно всемерно противиться уводу из Салоник 5 английских дивизий на французский театр весною, ибо это повредит не только нам, но и всем в совокупности. Заключение, что Франция, имеющая 2.200.000 бойцов, должна быть пассивна, а Англия, Италия и Россия должны „истощать" Германию—тенденциозно и не вяжется с грубым мнением Жоффра, что одна Франция ведет войну. Думаю, что спокойная, но внушительная отповедь, решительная по

[1]) Письмо Жилинскому 31 января (18 января) 1916 г.

тону, на все подобные выходки и нелепости стратегические, *безусловно необходима.* Хуже того, что есть, не будет в отношениях. Но мы им очень нужны, на словах они могут храбриться, но на деле на такое поведение не решатся. За все нами получаемое они снимут с нас последнюю рубашку. Это ведь не услуга, а очень выгодная сделка. Но выгоды должны быть хотя немного обоюдные, а не односторонние. Они не дают нам *теперь* необходимого, говоря что, еще не заготовили всего для будущих формирований (которые когда то еще будут). И так мы деремся без тяжелой артиллерии; у англичан лежит без дела тяжелая артиллерия, ибо еще нет тех войск, которые нужно вооружать этой артиллерией. Кальвелль говорил, что в апреле их армия будет „насыщена“ тяжелой артиллерией и англичане могут начать помогать нам. Значит, получим мы помощь в июне (в лучшем случае), а в марте — апреле нужно атаковать противника. Думаю, что все эти вопросы нужно ставить определенно и без оговорок. Быть может пользы особой и не будет, но и вреда тоже, а своекорыстные идеи союзников выяснить нужно. Повторяю, что мы им очень и очень нужны“.

ГЛАВА V.

Военная конференция союзников в Шантильи 12 марта (28 февраля) 1916 г.

(Выработка общего плана).

К началу 1916 года усилия союзников, направленные к созданию общего стратегического плана и согласованию операций на всех фронтах, сосредоточились в работах по подготовке военной конференции, заседавшей в Шантильи в марте 1916 года.

Мы видели в последней главе, что общий план действий союзников разрабатывался французским генеральным штабом для предстоящей конференции. Генерал Алексеев в своих инструкциях ген. Жилинскому от 31 января (18 января) также ставит вопрос о нашем наступлении в зависимость от решений конференции. Повидимому периодические совещания союзников должны были отчасти заменить тот постоянный совет, о котором шла раньше речь в переговорах между русским и союзными штабами. На неоднократные запросы генерала Алексеева об образовании постоянного совета Жилинский сообщал, что по мнению

генерала Жоффра создание постоянного совета не представляется возможным. Ни английское, ни итальянское правительства не желают назначить постоянных представителей. Участие же в совете их военных агентов не будет иметь значения. Жилинский доносил далее: „Лично генерал Жоффр также видимо не сочувствует учреждению постоянного совета, но на первой конференции решено было собирать таковые периодически для решения назревающих вопросов и следующую конференцию генерал Жоффр решил собрать в первой половине марта нового стиля". Генерал Жилинский сообщал, что на этой конференции он вновь поднимет и настойчиво будет проводить вопрос об учреждении постоянного совета [1]).

В начале февраля Жилинский доносит, что совещание назначено на 1 марта (17 февраля). К этому дню необходимо иметь для сообщения совещанию сведения о положении русской армии к 1-му марта, к 1-му маю и 1-му июля нов. ст. в отношении ее численного состава и вооружения. По вопросу о программе совещания генерал Жилинский доносил, что таковая еще не доставлена и вероятно опоздает. „Из разговоров с генералом Жоффром", телеграфировал Жилинский, „я знаю, что предложена будет отсрочка общего наступления всех союзных армий под тем предлогом, что некоторые армии не готовы в смысле укомплектования и снабжения военным материалом. В это число включат и нашу армию. Я полагал бы настаивать на общем и безотлагательном наступлении. Наша армия уже начала наступление еще в декабре и постепенно его продолжает и речь можно итти только о большом нажиме на юге и начале наступления западного и северного фронтов и наступлении на Румынию. Прошу дать мне указания по телеграфу и сообщить к какому сроку наша армия будет вполне готова, укомплектована и снабжена и признается возможным начать наступление. Из таких разговоров предвижу еще другую постановку генералом Жоффром вопроса о наступлении . . . (пропуск в шифре) . . . . . французская армия в виду недостатка людей должна избегать потерь и только притягивать возможно большее число немцев, а наступать должны на западно-европейском фронте только англичане и итальянцы. Генерал Хейг обещал Жоффру начать энергичное насту-

[1]) Тел. генерала Жилинского 29 января (16 января) 1916 г. № 38 (2).

пление на английском фронте в половине апреля нового стиля, но насколько на это можно полагаться, не знаю, ибо в настоящее время, не смотря на грозящую атаку немцев в Шампани и Вевре, Хейг отказался содействовать обороне французов своим наступлением, ссылаясь на неготовность английских войск для наступления. Согласятся ли наступать итальянцы, если французы останутся в траншеях, я не знаю, и это выяснится на конференции. С другой стороны, если ожидаемая атака немцев в районе Вердена и Шампани и состоится и французы понесут большие потери или отступят, то это послужит новым предлогом для отсрочки нового наступления. В случае нападения немцев на Румынию генерал Жоффр считает обязательным нашу активную помощь Румынии, но это не выведет его из бездействия на французском фронте, а наступление из Салоник он признает возможным только в тех условиях, о которых я Вам сообщил раньше. Но в поездку Бриана в Рим уже выяснилось, что итальянцы наступать из Валлоны внутрь Балканского полуострова решительно отказались". Сведения эти дополнялись дальнейшим сообщением. „Поездка Бриана в Рим дала благоприятные результаты только в вопросе о созыве в Париже дипломатической конференции, которую я лично считаю крайне важной и в решении вопросов военных. От участия в каких либо наступательных действиях на Балканском полуострове со стороны Валлоны или Салоник итальянцы решительно отказались, дабы сохранить свои силы на случай войны с Германией, для которой, в случае отвлечения итальянских войск на Балканы, открылся бы короткий и заманчивый путь на Милан, ныне совершенно не защищенный. В виду этих соображений французам пришлось отказаться от своих настояний. С другой стороны итальянцы решили во что бы то ни стало сохранить за собой Валлону, назначив для этого три дивизии и решив усилить их в случае надобности, насколько это потребуется. Отказ итальянцев от наступления на Балканском полуострове несомненно оттянет наступление от Салоник до полного сосредоточения там сербской армии"[1].

Отношение союзников к основным вопросам общей стратегии возбудило повидимому в Ставке большое недовольство. Генерал Алексеев не скрывает своего мнения,

[1]) Телеграмма Жилинского 18 февраля (5 февраля) 1916 г. № 61 (2).

что „тенденция генерала Жоффра играет в руку врага“. Взгляд этот изложен в телеграмме на имя Жилинского от 22 февраля (9 февраля). „Противник, пишет генерал Алексеев, не будет справляться у Жоффра окончил он подготовку или нет, атакует сам как только климатические условия и состояние дорог позволят сделать это. Склонен думать, что, шумливо демонстрируя против французов, немцы разовьют удар против нас на северном и южном флангах; наши союзники будут взирать из своих траншей и авторитетно высказывать наше обязательство активно помогать Румынии, совершенно не желая изучать нашу обстановку. Мы перейдем в наступление, как только позволит состояние дорог, ибо только этим путем можно внести расстройство в соображения немцев. При протяжении фронта в 1.200 верст, бедности тяжелой артиллерии у нас легко найти уязвимые места, для нас пассивное сидение всегда должно окончиться невыгодно. Определить точно срок наступления трудно, Вы знаете, что весенняя распутица исключает возможность боевой работы и движение войск, особенно артиллерии и обозов; нужно дать несколько подсохнуть дорогам. Идут настойчивые сведения, что немцы сделают отчаянные усилия весною, для чего будто бы готовят новые войска и громадными массами будут стремиться к нанесению решительного удара скорее всего на нашем фронте. Тенденции генерала Жоффра будут играть в руку врага. Последний получит возможность бить нас по частям. Те же тенденции влияют на англичан: все стягивается на французский театр, отсутствует гибкость, желание использовать обстановку. Предложение развить наш успех в Малой Азии, захватить Александретту и грозить Багдаду отклонено, ради сбора сил на главном театре. Спокойное сидение на последнем окончательно развяжет руки противнику, даст ему много шансов для успешной борьбы. Укомплектования для нашей армии имеются полностью, но ружья в среднем по 11 тысяч на дивизию, доставка прибывших в Александровск и Архангельск идет слабо, так что определить точно время пополнения до штата нельзя. В данное время выяснилось, что остатки двух турецких корпусов от Ашкалы повернули на Еникей-Диарбекир, бежавшие из Муша тоже взяли направление на Диарбекир, куда идут, повидимому, подкрепления от Моссула. Вырисовывается, кажется, план, базируясь на железной дороге Адана—Александретта, обра-

зовать фланговую группу на нашем операционном направлении Эрзерум — Эрзингян — Сивас. Этот план рушится при одной попытке англичан овладеть Александреттой или Аданой. При некоторой смелости, предприимчивости, союзники могли бы в будущем использовать наш успех, дать нам возможность продвинуться до Уние—Сивас, что совершенно парализовало бы значение турок на Балканах, обеспечило бы надежно Египет, Персию, Индию. Но все мои предложения отвергаются. Генерал Жоффр, видимо, все желает стянуть на французский театр" [1]).

Мысли генерала Алексеева находились таким образом в разногласии с планами, выработанными союзными штабами. Для предстоящей весной 1916 года общесоюзной конференции был составлен особый меморандум, излагающий эти планы.

Меморандум этот, помеченный от 15 февраля 1916 нов. ст., подробно рассматривал стратегическое положение союзников и противников и делал соответствующие заключения. Общее положение союзных сил было очерчено в следующем виде:

1. Продолжая готовиться к наступлению, совершенствуя свое снабжение и обучение, франко-английские армии значительно увеличили свои резервы, которые достигают численности 37 французских дивизий и 13 английских дивизий.

2. Русская армия запоздала в своей реорганизации, вследствие преждевременного закрытия северных портов. Она произвела, в конце декабря, местное наступление в Галиции, затрудненное неблагоприятными климатическими условиями.

3. Итальянская армия, остановленная на своем фронте дурной погодой, заняла в Албании Валлону, где укрепляется, и Дураццо.

4. Франко-английский экспедиционный отряд упрочился на высотах впереди Салоник. Оборонительные сооружения почти закончены.

5. Дарданеллы очищены без помехи, что позволило, благодаря значительному количеству освободившихся войск, усилить защиту Египта (английскими дивизиями) и Салоникский экспедиционный отряд (французской дивизией Брюлара).

---

[1]) Тел. генерала Алексеева 22 февраля (9 февраля) 1916 г. № 579 (2).

6. Сербскую армию (120—150 тысяч человек) удалось перевезти на Корфу, где будет приступлено к ее реорганизации.

Военное положение упрочилось на всех фронтах увеличением войск и средств.

Политическое положение ясно улучшилось на Востоке, так как союзники своевременно очистили Дарданеллы, упрочили свое положение в Салониках, спасли Сербскую армию, увеличили несколько наше влияние на Румынию, укрепили давление на Грецию, в то время, как колоссальные замыслы врагов на Египет и Салоники, громко возвещенные, не получили даже намека на исполнение.

Далее следуют соображения о желательном плане:

В целях лучшего использования, в предстоящих военных действиях, сил и средств Коалиции, необходимо установить принцип единства фронтов.

Армии Коалиции не ищут разных политических целей. Согласно плану, выработанному союзными правительствами, все их силы и средства должны быть направлены к достижению общей главной силы—уничтожению организованных сил противника.

Конференции предстоит рассмотреть, соответствует ли распределение сил Коалиции на различных фронтах обстановке и плану действий. Она также должна выяснить соответствуют ли средства снабжения в оружии и припасах каждой армии той роли, которая ей предназначена в общем плане действий. Если нужно, она предложит передачу в армии, недостаточно снабженные, избыток материальных средств, имеющихся в других армиях.

Относительно противника меморандум приходит к выводу:

Возможности центральных государств произвести серьезное наступление крайне ограничены.

Если же они, тем не менее, считают необходимым попытаться выполнить какое либо из них—то они могут:

1. Произвести наступление на французском фронте.

2. Перейти в наступление в России при помощи нового союзника (Швеция—Румыния). Если содействие Румынии при этом будет обеспечено, то наступление может быть опасным для России.

3. Атаковать Италию, но если общая политическая кон'юнктура не будет изменена, это наступление как будто и не может иметь опасных последствий.

4. Атаковать на Балканах. Эта операция представляет большие трудности. Она может тем не менее соблазнить немцев, так как они этим сберегут свои собственные войска и могут достичь успеха, во всяком случае отнюдь не решающего.

Самым опасным маневром со стороны немцев для Коалиции было бы наступления на Россию с помощью Румын. Все другие возможные операции противника кажутся обреченными почти на верную неудачу.

В общем намечается следующий план:

Ввиду того, что общая стратегическая обстановка остается без существенных перемен, принципы, выработанные на конференции 6-го декабря, сохраняют свое значение.

Если Коалиция имеет за собой почин в операциях, она не имеет иного средства помешать центральным государствам действовать по внутренним операционным линиям, как переход в общее концентрическое наступление со всех фронтов. Ничто не дает основания утверждать, что стратегические результаты такого маневра невозможны, так как причины малых предыдущих успехов выяснены и необходимые улучшения в способах наступления и его организации выполнены.

Тем не менее, ввиду запоздания возникшего в реорганизации русской армии, время общего наступления повидимому необходимо отложить, во всяком случае до того времени, когда Россия сможет довести свои боевые единицы пехоты до численности, подходящей к штатам военного времени. (Коалиция не может отложить свои действия до полной реорганизации русской армии, которая может быть закончена во всяком случае, в том, что касается тяжелой артиллерии, лишь в неопределенно долгий срок).

Наконец, наступательные действия не должны начаться слишком поздно весной, так как хорошая погода и продолжительные дни необходимы для уменьшения количества дней, требуемых для артиллерийской подготовки, облегчения работы аэропланов и дальнейшего развития наступления в случае успеха.

Все эти соображения приводят к решению, что время общих наступлений может быть отсрочено до 1-го июля приблизительно, но отнюдь не далее.

Франко-английские войска располагают теперь самыми сильными средствами для разрушения укрепленных линий

противника, и последствия подобного тактического успеха будут тем больше, чем слабее окажутся силы, коими неприятель будет располагать на нашем фронте.

Поэтому было бы полезным, чтобы наступление России и Италии начались бы немного ранее нежели наступление Англии и Франции, чтобы вызвать переброску всех свободных немецких резервов на восточный фронт.

Если переход в общее наступление произойдет лишь в начале июля, то противники будут располагать для почина в действиях двумя месяцами благоприятной погоды.

Вероятнее всего, что они им воспользуются:

1. Либо из-за выгоды—дабы нанести удар одному из противников до общей изготовки союзных армий и этим предупредить концентрическое наступление, угрозу которого они чувствуют.

2. Либо во имя доктрины,—ибо инициатива в стратегических операциях представляет всегда некоторые выгоды, в особенности с моральной точки зрения.

3. Либо по нужде;

если они вынуждены искать скорого окончания войны вследствие экономического и финансового истощения.

Если они почувствуют необходимым приподнять настроение народа, союзников усталых (Венгрия), обедневших, неуверенных (Болгар) или плохо вознагражденных (Турок), и, наконец, если они будут принуждены воздействовать на нейтральные страны, чтобы привлечь их на свою сторону или же помешать их присоединению к Четверному Согласию.

Единственная операция, могущая оказаться опасной для Коалиции, будет наступление на Россию, с помощью Румынии.

Остальные предприятия кажутся обреченными на неуспех, в особенности, если не атакованные армии, перед которыми силы противника окажутся ослабленными, перейдут в наступление, с целью оказать помощь той армии, которая будет выдерживать на себе немецкий натиск.

Ибо необходимо, как то было решено на конференции 6-го декабря, чтобы неприятельские сильные натиски на одного из союзников вызвали начало общего наступления союзников, какова бы ни была степень готовности не атакованных армий, при условии, конечно, что климатические условия то позволили. Тут возникает вопрос чести и взаимного интереса, которому союзники должны будут подчиниться беспрекословно во имя общего блага.

Конференция 6-го декабря постановила, что до времени общих наступлений истощение неприятельских сил должно было преследоваться путем частичных атак на фронте союзников, располагающих еще избытком в людях, с применением матерьяльных средств, как то артиллерии, удушливых газов и т. д.

Необходимость добиваться истощения противника выше указанными средствами, удержания неподвижными его резервов и лишения его свободы действий остается в полной силе, но частные наступления отныне должны носить такой характер, чтобы не ослаблять значение общего наступления.

Что же касается русской армии, то ей необходимо согласовать программу частичных ее выступлений с главнейшими потребностями, связанными с реорганизацией ее сил. Она должна избегать расходования своего строевого командного состава и своих боевых средств в частичных действиях, не могущих дать особо полезных последствий.

Французская армия не располагает более достаточными средствами, чтобы предпринимать значительные наступления, расчитанные на истощение противника. Она должна сохранить свои силы для совместных наступлений. Тем не менее она будет в состоянии предпринять, как только артиллерийские запасы ее будут окончательно организованы, действия в целях истощения противника по программе, основанной исключительно на применении матерьяльных средств и преследующей, главным образом, цель разрушения немецких артиллерийских средств.

Английская армия, которая располагает еще большими источниками сил, должна безостановочно преследовать цель истощения неприятеля. За некоторое время до срока, назначенного для общей атаки, она должна предпринять ряд частных атак в целях обмана противника и перемещения его резервов.

Что касается итальянской армии, которая будет располагать к весне значительными силами (1.700.000 чел.) и которая действует в стране, мало подходящей к операциям большого масштаба, мы считаем, что она должна участвовать в истощении сил неприятеля, перейдя в наступление лишь только состояние погоды то позволит, развив эти действия до пределов, допускаемых имеющимися у нее запасами снарядов, дабы этим приковать к себе максимум сил противника.

Относительно плана действий на Востоке меморандум заключал:

„Мы фактически располагаем в данное время в Салониках силою франко-английских войск в 200.000 человек, к которым с начала апреля месяца начнут присоединяться главные силы сербской армии, насчитывающей ныне около 100.000 человек. На эти именно силы должны опираться на средиземном востоке наши политические и военные действия, согласованные с занятием Итальянцами района Валлоны.

Наша политика должна быть направлена к развитию нашего влияния на Балканах, присоединению к нам колеблющихся нейтральных государств (Греция, Румыния) и, если то возможно, отделению от неприятельского блока Турции и Болгарии.

Наши военные действия должны выразиться в том, чтобы задержать перед нами насколько возможно большее число противника, производя на него нашей активностью впечатление, что он находится под угрозой атаки, а если обстоятельства того позволят или потребуют, то надлежит перейти в общее наступление.

За последние дни давление, оказываемое центральными государствами на Румынию, выдвинуло новую задачу.

Выдвигается вопрос, не представлялось ли бы для Коалиции выгодным увеличить свои силы на Балканах, дабы этим подтолкнуть Румынию выступить с нами и во всяком случае воспрепятствовать ей подчиниться давлению центральных империй, и пропустить их армии через свои пределы, а равно помешать ей об'явить нейтралитет в окончательной форме.

Было высказано также мнение, что увеличение наших армий на Востоке могло бы вызвать присоединение к нам Греции.

Следует ли увеличить наше военное усилие на Балканах?

Конференция имеет рассмотреть этот вопрос чрезвычайной важности.

Однако прения, имевшие место на последней конференции в Шантильи и обмен взглядов между Главнокомандующими союзными армиями, как будто выяснили невозможность организации, опираясь на одни Салоники, крупного наступления с целью нанести противнику решительное поражение.

Это предприятие потребовало бы немедленного сосредоточения по меньшей мере 50-ти дивизий против 38-ми, которыми располагает неприятель в данное время на полуострове.

Средства союзных флотов, а также состояние путей на Балканах не позволяют ни перевозки, ни снабжения подобных сил, присутствие которых на главном театре военных действий к тому же чрезвычайно важно.

Местность представила бы почти непреодолимые препятствия к достижению решительного результата.

Наконец, вследствие их центрального положения и легкости сообщений противникам будет всегда легко во время перекинуть на Балканы силы, превосходящие наши.

Единственные результаты, которые мы бы могли достигнуть на Балканском полуострове, следующие:

а) Вселить доверие колеблющимся еще нейтральным государствам (помощь которых могла бы нарушить равновесие в нашу пользу) и произвести впечатление на государства, уже принимавших участие в войне, заставить первых перейти на нашу сторону, а вторых оторваться от центральных империй.

б) Заставить неприятеля удерживать на Балканах все или часть немецких и австрийских дивизий, находящихся там ныне с целью поддержки Болгарии, либо удержания ее силой в союзе с центральными государствами, в случае если бы она попыталась нарушить свои обязательства. Немецкие и австрийские дивизии, задержанные на Балканах, не появятся тогда на главных театрах военных действий, что выгодно отразилось бы на наших наступательных операциях.

Результаты, намеченные в пунктах а и б, могут быть достигнуты только в том случае, если мы действительно будем серьезно угрожать новым завоеваниям Болгарии в сербской Македонии или же самой Болгарии.

Можно думать, что этот результат был бы достигнут увеличением численности нашей армии в Салониках до 400.000 человек.

Экспедиционный франко-английский корпус имеет в данное время численность в 200.000 человек, к которым, начиная с апреля месяца, будут присоединены 100.000 сербов; следовательно для достижения желаемого количества нужно было бы добавить 100.000 солдат.

Заседающие на конференции приглашаются выска-

заться, должна ли быть сила напора действий Коалиции на Балканах организована согласно вышенамеченному и, в случае утвердительном, какие государства должны оказать в нужное время требуемую поддержку и в каких размерах" [1]).

13 Февраля Жилинский, ознакомившись с этим меморандумом, телеграфировал вкратце его содержание Алексееву. Он сообщал, что в меморандуме выражена желательность начать общее наступление в начале мая, но признается, что в виду неготовности России наступление должно быть отсрочено до 1-го июля. Дальнейшая отсрочка признавалась нежелательной. Было выражено также пожелание, чтобы наступление России и Италии началось несколько раньше, чем наступление Франции, чтобы оттянуть на себя резервы немцев [2]).

Сообщая об этом, Жилинский добавлял, что теперь уже настаивают на том его предложении, против которого более всего восставал Жоффр на первой конференции, именно, чтобы, в случае атаки немцев на одного из союзников, другие немедленно переходили в наступление. Перед началом общего наступления англичане должны произвести частную атаку, Россия же в частных атаках должна беречь свои силы и военный материал. В Салониках предполагалось удерживать на себе внимание противника и перейти в наступление только при благоприятной обстановке, при усилении отряда сербской армии несколькими английскими дивизиями, кроме тех, которые должны были быть посланы на французский фронт и при действии итальянцев от Валлоны [3]).

Соображения эти оказались мало приемлемыми для генерала Алексеева. В телеграмме Жилинскому 5 марта (20 февраля) генерал Алексеев сообщил подробные цифровые данные о состоянии русской армии и имеющихся запасах снаряжения, при чем делал следующие выводы: „Из приведенных сведений о приливе оружия и припасов видно, что таковые поступают медленно, продолжительно, а потому ожидать нашей идеальной готовности для начала наступления нельзя. Безусловно необходимо пополнить до полных штатов винтовки и образовать некоторый запас их для пополнения естественной убыли в боях. Задачу эту выполним в течение марта".

По поводу плана, изложенного в меморандуме, известного

[1]) Меморандум 15 февраля (2 февраля) 1916 г. (2).
[2]) Телеграмма Жилинского 26 февраля (13 февраля) 1916 г. № 71 (2).
[3]) Тоже.

ему пока лишь из краткой телеграммы Жилинского, генерал Алексеев писал, что соображения эти не будут иметь под собою почвы. „Вырабатывать план наступления в июле значит не принимать вовсе во внимание противника, его волю, его деятельный характер, безусловную необходимость для него поспешить наносить удары союзникам и стремиться к скорейшему окончанию войны. Поэтому, как только состояние дорог позволит широкие предприятия, противник упредит нас атакою. На 1200 верстном нашем фронте найдутся всегда слабые места, которые легко прорвать. Бедность находящейся ныне в нашем распоряжении железнодорожной сети, слабая провозоспособность лишает нас возможности быстро сосредоточивать к угрожаемым участкам сильные резервы, подобно французам, и вообще в широких размерах изменять группировку наших сил. Полагаю, план наступления в июле останется навсегда неосуществимым, ибо противник разрушит его, упредив атакою. Для нас более или менее критический период на Двине наступит в марте: Рижский залив очистится от льда недели на три раньше Моонзунда, германский флот будет в это время хозяйничать без всякого противодействия нашего флота. Совокупная операция германского флота и сухопутной армии против Риги и Рижского побережья вероятна, что заставляет нас теперь усиливать войска северного фронта и этим связывать и наши дальнейшие планы действий. Наиболее выгодным было бы атаковать противника теперь же: морозы поддерживают дороги, на нашей стороне пока существенное превосходство сил, противник прикован к французскому фронту. Можно разсчитывать, что погода поддержит дороги весь февраль и первые числа марта. Если мы успеем выполнить за это время переброску войск, ныне выполняемую, то, согласно решения совещания 11 февраля, наши армии атакуют противника. Если до этого времени потеплеет, настанет распутица, исключающая возможность на нашем фронте широких операций до просыхания почвы и дорог, что будет в конце нашего апреля, в начале мая, то переход наш в наступление невольно придется отложить до указанного срока. Соответственно выполняется сосредоточение: для усиления Рижского района в указанных выше целях и вспомогательного удара; для главного же в Двинском районе и районе Поставы—Вилейка. Комбинированный удар на Свенцяны—Вилькомир. Конечно весною придется несколько изменить район сосредоточения, сохраняя

идею удара. Юго-Западный фронт имеет перед собою значительные силы, может сам ожидать удара, особенно из Буковины, должен иметь в виду оказание помощи румынам, поэтому оказалось возможным взять оттуда только гвардию, перевозка коей сильно задерживает наше сосредоточение. Задача этого фронта активно удерживать находящегося перед ним противника. Если наступление, в силу погоды, состояния путей, придется назначить весною, то и тогда необходимо упредить противника атакою и разрушить план его действий.

Потребности наши крайне велики; успехи на Кавказе, расширение театра действий вызывают необходимость увеличения войск. Великий князь требует по крайней мере одну дивизию. Румыны ставят условием присоединения к нам сосредоточение 250 тысяч наших войск в Добрудже для ведения наступательной операции на Балканах. Здешняя французская военная миссия, основываясь на указаниях генерала Жоффра, усиленно добивается выполнения этого желания. Но твердо полагаю, что достижение успеха над немцами решит и румынский вопрос, разброска же сил сделает нас всюду слабыми. В данную минуту нам выгоднее нейтралитет Румынии. Закончу просьбою хлопотать за возможно обильное снабжение сербов ружьями, пулеметами, орудиями и за важное значение наступления из салоникского района. Положение Швеции требует особого внимания; осложнения с ней возможны“ [2]).

Таково было мнение ген. Алексеева о плане французского штаба, предложенного в меморандуме 15 февраля.

Конференция состоялось в Шантильи 12 марта (28 февраля).

В основу работ ее взамен устаревшего уже меморандума 15 февраля было положено „Введение к совещанию 12 марта 1916 года“, составленной также французским генеральным штабом.

Введение начинается, как, меморандум, с обзора общего положения:

На западном фронте.

Германия, предпринимая наступление против Франции, начала бой на верденском фронте и развивает в этом районе, начиная с 21 февраля, чрезвычайно напряженную атаку, в которой принимают участие около 20-ти дивизий.

[1]) Тел. ген. Алексеева 5 марта (20 февраля) 1916 г.

Каковы бы ни были мотивы, побуждающие действовать нашего противника, можно признать, что он поставил себе определенную цель: атаковать французские армии, если и не в надежде совершенно разбить их, то во всяком случае с целью помешать им принять участие в общем наступлении и угнетающе подействовать на дух населения занятием пунктов, имеющих в его глазах большое значение. Повидимому неприятель предпринял на нашем фронте решительные действия, что видно из количества вводимых им сил, настойчивости борьбы и присутствием в рядах людей призыва 1916 года.

Чтобы достигнуть своей цели, неприятель старается, как во Франции, так и в России, собрать значительные свободные силы, которые через пять—шесть недель могут дойти до 22 дивизий, взятых с западного, русского и балканского фронтов.

С нашей стороны верденский бой также поглотил часть наших свободных сил (резервов), но так как британская армия заменила одну из наших армий, то французские резервы достигают еще 27—28 дивизий, из коих 21—22 свежих и 6 выведенных из боевых линий для пополнения потерь.

На восточном фронте.

Россия сообщила, что она будет готова атаковать неприятеля, начиная с начала мая. В виду слабого развития ее железнодорожной сети ей необходимо иметь инициативу действий; в виду этого срок начала ее выступления не должен быть отдаляем.

130 дивизий русской армии, расположенные на фронте, еще не вполне укомплектованы, но согласно последним сведениям в них состоит теперь 1.500.000 штыков.

Против русских армий австро-германцы имеют 95 дивизий пехоты и 21 див. кавалерии, растянутых на 1200 километров.

Позади этого длинного фронта они располагают только несколькими дивизиями, из коих часть повидимому перевозится во Францию.

Но положение русских не вполне благоприятно в смысле снабжения. Закрытие северных портов помешало прибытию военного матерьяла, доставленного союзниками или купленного за границею, и в вооружении имеются еще значительные недостатки, особенно в тяжелой артиллерии и снарядах.

На Кавказском фронте.

Русская армия ($7^1/_2$ див. пехоты и 5 дивиз. кавал.) одержала крупные успехи над турецкою армиею. Она взяла Эрзерум, заняла Батлись, пересекла дорогу из Трапезунда и продолжает свои успехи, гоня перед собой турецкие силы, которые повидимому совершенно расстроены.

На Балканском полуострове.

1-е. *В районе Салоник 4 французских и 5 английских дивизий* (приблизительно 220.000 человек) расположены вполне прочно на позициях, почти вполне уже устроенных и простирающихся от ниж. Вардара до залива Орфано.

Расположенный против них неприятель (9 болгарских и 3 германск. дивизии) не перешел греческой границы и окопался при выходах (из гор) дорог, ведущих в южную Сербию и Болгарию, (Монастырь, Вардар, Сурума).

2-е. *В Албании* итальянские силы (36 батальонов) расположены вокруг Валлоны, которую подготовляют к обороне. Под угрозой противника они эвакуировали Дураццо.

3-е. *На Корфу* сербская армия начинает устраиваться. Она будет состоять из 6 дивизий пехоты и одной кавалерийской (100.000 бойцов), которые будут перевезены в Салоники.

Реорганизованная сербская армия в полном составе может быть готова только в течение июня.

4-е. *В Эгейском море* Англия имеет еще одну дивизию (морскую), расположенную на островах Имбросе, Тенедосе и Лемносе.

Египет.

В настоящее время англичане имеют в Египте более 250.000 человек.

В Мессопатамии.

Две неполные индийские дивизии генерала Тоунсенд еще окружены в Кут-Эль-Амара; 4 англо-индийские дивизии идут им в помощь. Поражение турецкой армии в Армении и наступление русской кавказской армии позволяют надеяться, что идущие на помощь британские силы успеют освободить окруженные в Кут-Эль-Амаре войска и что современем осуществится даже соединение русских и британских сил в Багдаде.

План неприятеля.

Борьба, начавшаяся у Вердена, имеет характер решительного усилия, которое немцы предприняли против французской армии с целью, как было сказано выше, поколебать наступательную способность этой армии и тем уменьшить опасность совместной и концентрической атаки всех армий коалиции, которая грозит неприятелю.

Это логическое предположение подтверждается повидимому как событиями, так и сведениями, полученными из самых разнообразных источников.

Атака Вердена представляет повидимому первый акт общего наступления на наш фронт, которое неприятель будет развивать, пользуясь всеми своими свободными средствами, или на фронте ныне атакованном или же на другом участке нашей линии, если атака Вердена окажется слишком трудною и если он вообще захочет расширить поле своих действий.

Можно однако утверждать, что какие бы действия не предпринял бы неприятель, но пока усилия его направлены против Франции он не бутет в состоянии предпринять значительного наступления на другом фронте: сопротивление Франции совершенно обеспечивает другие армии Коалиции, которые поэтому сохраняют полную свободу действий.

Предполагаемый состав союзных армий к 1 мая и 1 июля указан в таблице составленной по данным, сообщенным представителями союзных армий при главной квартире французской армии.

Какой же способ действий должен быть принят коалицией в виду настоящего положения?

Могут представиться два случая:

I-й. Если немцы, истощенные нашим сопротивлением и понесенными потерями, откажутся продолжать в ближайшем будущем свое наступление, то союзникам выгодно привести в исполнение план, принятый на совещании 6-го декабря, и подготовиться к совместной атаке противника, когда это признано будет своевременным по климатическим условиям и степени подготовки.

Но ни в каком случае начало наступления не должно откладываться до июля месяца, как это предлагалось в меморандуме 15 февраля.

И действительно:

а) Как указано выше Россия заявила о своей готов-

ности атаковать в начале мая и желает с этого времени начать свои действия, дабы взять в свои руки инициативу.

б) Если, как это вполне вероятно, усилия Германцев против Франции будут в течение некоторого времени развиваться с тою же интенсивностью, как теперь, то это ускорит истощение французских сил и время, когда наличность этих сил начнет уменьшаться.

Так как срок июль был назначен только для того, чтобы дождаться готовности России, то теперь выгодно ускорить этот срок начала общего наступления и назначить его в начале мая нов. ст. для русской армии и приблизительно 2-й половин. мая н. ст. для остальных союзных армий[1]).

К этим срокам силы союзников достигнут максимума, так как:

—русские армии будут достаточно пополнены;

—английские армии успеют получить все свободные дивизии из Англии и Египта;

—французские армии будут еще располагать достаточным запасом людей для своего пополнения;

—итальянские армии не будут более стеснены неблагоприятными климатическими условиями и будут в состоянии начать общее наступление на своем фронте.

2. В виду настоящего наступления немцев на западном фронте Коалиции было бы опасно оставаться бездеятельной зрительницей истощения французской армии, так как успех общего наступления был бы скомпрометирован, если бы Франция оказалась не в состоянии принять в нем то участие, на которое ей дают право численность ее вооруженных сил, их организация и снабжение.

Кроме того согласно решения единогласно (?) принятого на конференции 6-го декабря, в случае атаки на одну из армий, неатакованные армии должы начать наступление, чтобы подать помощь той, на кототую нападает неприятель.

Здесь идет речь о вопросе чести и взаимного интереса, который необходимо соблюдать неукоснительно.

Поэтому мы просим члена совещания решить, что наступление (атаки) союзных армий должно начаться возможно скорее при условии конечно, что они будут достаточно подготовлены и получат развитие, достаточное для такой решительной операции.

Пока же необходимо, чтобы союзные армии готовились

---

[1]). Причины, об'ясняющие необходимость неполной одновременности начала наступления изложены в меморандуме 15 февраля.

к этой атаке (подготовка театра действий, сбор матерьялов...) и принимали бы все возможные меры к тому, чтобы удержать перед собой все неприятельские силы перед ними расположенные. В этом смысле Главнокомандующий французскими армиями телеграфировал Главнокомандующим союзных армий.

Ниже мы указываем способы действий, которые, как нам кажется, полезно было бы принять каждой из армии коалиции:

1-е: *Французская армия.* Французская армия должна во что бы то ни стало защищать свою территорию, чтобы немецкое нападение разбилось об ее организованную оборону. Этим она нанесет непоправимый ущерб престижу центральных империй, давая вместе с тем остальным армиям Коалиции необходимое время, чтобы устроиться, собрать свои средства и подготовить наступление.

2-е: *Английская армия* должна сосредоточить наибольшую часть своих сил на французском фронте и потому возможно скорее перевезти туда все те дивизии, которые не представляется крайне необходимым оставить в Англии и на других театрах действий.

3-е: *Русская армия.*

Мы просили русскую армию:

а) оказать возможно действительное давление на неприятеля, дабы не дать ему возможности вывести с русского фронта свои войска и связать ему свободу действий;

б) немедленно начать все приготовления к переходу в наступление.

Нет, конечно, речи о том, чтобы заставить наших русских союзников начать их наступление ранее, чем оно будет в достаточной степени подготовлено и пока не будут собраны все средства для того, чтобы довести его до конца.

Но именно, в виду возможности необходимых приготовлений, нам кажется, что русская армия должна приступить к ним беззамедлительно, дабы быть готовой начать атаку со всеми средствами, которыми она располагает.

4-е: *Итальянская армия.*

Мы просили итальянскую армию занятием угрожающего положения воспрепятствовать выводу неприятелем войск с ее фронта; подготовить немедленно наступательную операцию, которая могла бы начаться, как только позволят климатические условия, и проявить деятельность на востоке в Албании или Салониках, дабы удержать там австрийские войска.

Задача Италии одинакова с задачей русской армии; но она затруднена тем, что климатические условия на некоторых участках ее фронта ограничивают и стесняют ее действия.

Действия ее однако необходимы, чтобы помешать уходу с ее фронта австрийских резервов (3 дивизии), которыми немцы могли бы увеличить свои силы на русском фронте, а также и для того, чтобы привлечь на себя даже и новые австрийские силы.

План действий на Востоке.

Меморандум 15-го февраля, констатируя улучшение нашего положения на Востоке вследствие присутствия в Салониках экспедиционного корпуса, который неприятель не осмелился атаковать, ставит вопрос о возможном усилении там наших сил до 400.000 человек.

Развивающиеся во Франции события не только лишают нас возможности допустить теперь таковое усиление за счет английских войск, но ставят наоборот, вопрос о том, не следует ли франко-английской армии, для которой важно сосредоточить наибольшие силы на своем собственном фронте, перевезти во Францию часть своих сил из Салоник или даже все эти силы.

Этот вопрос по нашему мнению должен быть решен в настоящее время отрицательно; *теперь* нельзя вывезти из Салоник ни одной дивизии, ни английской, ни французской, потому что:

а) угроза со стороны германо-болгарских сил на греческой границе еще не исчезла.

б) Только усиление армии на востоке создало нам на Балканах благоприятное положение на которое нельзя было и расчитывать тотчас же после поражения сербской армии. Сокращение ее отняло бы у нас все выгоды, приобретенные в последние два месяца, а у нашей политики — наиболее сильное средство воздействия.

в) Если бы даже правительство и отказалось от выгод политики, опирающейся на восточную армию, то все же в настоящее врема нельзя и думать о возвращении во Францию дивизий, взятых из Салоник, ибо:

— Морские средства Англии и Франции должны быть употреблены для перевозки английских дивизий из Египта; для перевозки же войск одновременно и из Египта и из Салоник средства эти недостаточны.

— Перевозка в Салоники Сербской армии, которая при рассматриваемом предположении должна была бы заменить часть англо-французских дивизий, неминуемо задержится (медленность в реорганизации этой армии, недостаток свободных судов до тех пор, пока они будут заняты перевозкой войск из Египта, слабая провозоспособность греческих железных дорог, если этим средством передвижения можно будет воспользоваться).

В то время, когда сербские дивизии прибудут в Салоники, задача представится в таком виде:

— или заменить французские и английские части равным числом сербских частей;

— или усилить нынешний экспедиционный корпус прибавкою к нему сербов, дабы дать ему возможность занять угрожающее положение или перейти в наступление, как только позволят обстоятельства (напр. присоединение к нам Румынии).

Решение, которое нужно будет принять, будет указано положением дел на главных театрах действий и политическим положением на Балканах.

Во всяком случае перевозка войск из Салоник должна начаться не ранее окончания перевозок из Египта в виду ограниченности перевозочных средств в союзных флотах.

2-е. Какова должна быть задача, возложенная на экспедиционный корпус:

а) Если состав экспедиционного корпуса не будет усилен, а удовольствуются лишь заменою англо-французов сербами, то никакая наступательная операция на Балканах не будет возможна, в виду невозможности с 220.000 человек образовать достаточную массу для наступления, и вместе с тем обеспечить ее сообщения и оставить гарнизон в Салониках.

В этих условиях активные операции экспедиционного корпуса должны были бы ограничиться демонстрациями или частными атаками на греческой границе (сосредоточения сил вблизи границы, бомбардировки, наступательные рекогносцировки), которые однако будет, быть может, полезно предпринимать, чтобы беспокоить неприятеля, обманывая его и приковать к месту его резервы.

б) Если, наоборот, нынешний экспедиционный корпус будет усилен шестью сербскими дивизиями, то станет возможно: или принять, при соответственном распределении сил, угрожающее положение, способное привлечь на себя

значительные неприятельские силы, или перейти в наступление, если благоприятные обстоятельства приведут к уменьшению числа германо-болгарских сил на греческой границе.

В результате:

Первое решение (оставление нынешнего количества войск) приводит к оставлению силы более 200.000 человек в выжидательном положении или же к демонстративным (обманным) действиям.

Второе решение (усиление сербскими дивизиями) даст возможность употребить восточную армию с пользой для серьезной угрозы и даже для атаки.

Но это последнее решение, несмотря на представляемые им выгоды, не может быть принято теперь и решение должно быть отложено до того времени, когда сербская армия прибудет в Салоники.

Пока же восточная армия представляет собою рычаг политики Коалиции на востоке, который имеет целью, как указано в меморандуме 15-го февраля, присоединить к нам колеблющихся нейтральных (Греция, Румыния) и оттоpгнуть, если возможно, от союза с нашим неприятелем Турцию и Болгарию.

Заключение.

Рассмотрение нового положения Коалиции, созданного немецкою атакою на Францию, следующим образом изменяет вопросы, которые должны быть разрешены представителями союзных армий или представлены ими на решение их правительств:

1-е. Установить степень готовности каждой из армий с точки зрения имеющегося запаса людей, матерьяла и снарядов.

2-е. Определить время, когда Коалиция должна будет начать совместное наступление.

3-е. Способ действий Коалиции на Балканах.

Следует ли решить, что никакие английские подкрепления не будут более посланы в Салоники?

Следует ли возвратить во Францию английские и французские силы ранее прибытия сербской армии?

Следует ли, наоборот, для решения этого вопроса дождаться прибытия сербской армии в Салоники?

Следует ли теперь же организовать экспедиционный корпус для горной войны?

4-е. Какие действия может предпринять на Балканах Италия, дабы с уверенностью остановить наступление австрийцев и болгар в Албании и действовать против неприятельских сил в Македонии?

5-е. Возможно ли теперь же с'узить экономическую блокаду Германии, ограничить ввоз в Голландию и Скандинавские страны?

6-е. Как смотрят члены Совещания на вмешательство Швеции в конфликт в пользу центральных держав?

На первом утреннем заседании 12 марта (28 февраля) рассматривалась первая часть „Введения". По поводу вопроса о наступлении ген. Жилинский сделал заявление, что русская армия перейдет в наступление не позднее начала мая по ст. ст. Ей необходимо взять в свои руки инициативу, как только позволит погода. Состав ее сил на фронте—128 дивизий и 6 отдельных бригад, всего 2096 бат.

Относительно срока начала общего наступления ген. Жилинский признал, что если русская армия начнет наступление около половины мая (ст. ст.), а прочие армии в конце мая, то такая разница в сроках вполне для нас приемлема.

Эти сроки повидимому не вызвали споров. Последние разгорелись по поводу оговорки, внесенной ген. Жилинским о возможности более раннего наступления русской армии и необходимости поддержания ее союзниками. Ген. Жоффр возражал, что с ген. Алексеевым условлено, что будет два русских наступления: одно в марте, другое совместное с союзниками в мае. Английский представитель ген. Хейг сомневался, будут ли союзники готовы к общему наступлению в мае, если им придется выдержать большие сражения ранее.

Ген. Жилинский дал подробное об'яснение русской точки зрения на вопрос о наступлении. Он раз'яснил, что с одной стороны Россия вынуждена атаковать возможно скорее, иначе она потеряет инициативу и будет атакована в весьма неблагоприятных условиях. В таком случае русскому командованию будет чрезвычайно трудно сосредоточить силы для отпора. С другой стороны есть опасность, что мартовское наступление повлечет за собой переброску германских сил на наш фронт. Ген. Жилинский просил, чтобы в случае, если немцы остановят свое наступление во Франции и возвратят свои дивизии в Россию, русская армия не осталась бы одинокой в борьбе и чтобы остальные армии были бы в состоянии начать свое наступление ранее указанного числа. После довольно оживленного обсуждения

ген. Жоффр согласился, что решение относительно начала наступления может быть еще пересмотрено и зависит также от того, что будет делать неприятель.

Общее отношение союзников к вопросу о наступлении следующим образом охарактеризовано в одном из донесений Жилинского Алексееву от 18 марта (5 марта) 1916 г. № 14:

„Общая тенденция на совещании была гораздо более в пользу наступления, чем это было в декабре. Однако не у всех в одинаковой степени. Англичане, не отказываясь от наступления в мае, всетаки говорили о нем сдержаннее“; по поводу отношения англичан к наступлению Жилинский добавляет:

„Я уже телеграфировал Вам, что англичане обещали Жоффру произвести частное наступление в половине апреля нов. ст. Не знаю, сохраняет ли силу этот договор теперь, когда английская армия удлинила свой фронт, заняв и фронт 10-й французской армии. Я увижусь с Жоффром и тогда Вам телеграфирую. Но теперь несмотря на крайнюю своевременность наступления, в то время как немцы атакуют Верден, они от этого отказались под предлогом неготовности и сами ждали на себя немецкой атаки. Заслуживает внимания замечание Хейга, что если бы англичанам пришлось теперь выдержать большое сражение, то они едва ли были бы в состоянии участвовать потом в общем наступлении“.

Отношение Италии к наступлению было еще „сдержаннее“.

„Относительно общего совместного наступления в мае, ген. Порро очень настоятельно указывал на недостаток тяжелой артиллерии, намекая, что без нее начать наступление, более или менее значительное, будет трудно. В его словах сквозило явное нежелание наступать, что замечено было всеми“. Общее впечатление Жилинского сводилось к тому, что „общий тон был гораздо лучше и дружнее, чем в декабре. Особенно мне это бросилось в глаза со стороны Жоффра и об'ясняется это, вероятно, сильными нападками на него в Палатах, Министерствах и части общества за инертность и бездеятельность“.

Остальные заседания совещания были посвящены рассмотрению статистических таблиц о состоянии вооруженных сил и запасов союзников, а также обсуждению плана операций на востоке.

Вопрос о положении салоникского фронта вызвал оживленные прения. Мы уже видели в предшествовавшем изложении, что в этом вопросе наметилось крупное разно-

гласие между русским командованием с одной стороны, французским и английским с другой. На совещании спор продолжался между генералом Жилинским, проводившим точку зрения ген. Алексеева, и возражавшими ему Жоффром и английскими представителями. Жилинского поддерживал один лишь сербский представитель Пешич. Итальянский представитель был повидимому главным образом озабочен тем, чтобы отклонить для Италии необходимость наступать в Албании.

Французская точка зрения оффициально формулирована была ген. Жоффром следующим образом: В настоящее время нельзя принять никакого решения относительно вывода англо-французских войск из Салоник. Все перевозочные средства заняты частью перевозкой английских дивизий из Египта, частью перевозкой сербской армии в Салоники, частью перевозкой продовольствия. В течение месяца или двух не может быть предпринято никакой крупной перевозки. За это время военная обстановка может измениться. Поэтому решение желательно отложить.

По существу ген. Жоффр считал, что настоящее положение ни в каком случае не позволяет усилить салоникский оккупационный корпус, но нет также оснований уменьшать его. Через два месяца вопрос должен быть рассмотрен снова. Одно из двух: или салоникская армия, усиленная сербской армией, будет действовать наступательно или же, если по обстоятельствам это окажется невозможным, можно будет рассмотреть вопрос о выводе из него части войск. Чего практически можем мы достигнуть в Салониках?—спрашивал ген. Жоффр. Для форсирования укрепленных проходов на границе нужно бы иметь силы большие, чем те, которые мы можем там собрать. Ген. Жоффр допускал однако, что общее наступление союзников может заставить противника обнажить границу Македонии и что для этого случая необходимо подготовить наступление из Салоник и из Валлоны. Последнее возможно будет однако только при изменении всей обстановки, и пока вопрос о дальнейшем плане должен быть отложен [1]).

Английские представители присоединились к мнению французского Главнокомандующего о необходимости отложить решение вопроса о выводе войск из Салоник вследствие недостатка свободных судов. Относительно же дальнейшего

[1]) Протокол 2-го заседания совещания.

плана англичане выдвигали принципиальное соображение, что надо иметь возможно большие силы на главных театрах.

На предложение Жилинского принять принципиальное решение не оставлять Салоники и оставить там войска в числе от 200 до 220 тысяч человек, ген. Робертсон заметил, что не надо заранее себя связывать и что единственный принцип—это употреблять войска там, где они наиболее полезны в зависимости об обстановки.

Ген. Жилинский, поддержанный сербским представителем, возражал против приведенных мнений. Ген. Жилинский доказывал, что в случае если немцы будут вынуждены вследствие общего наступления союзников увести свои войска с салоникского фронта, может наступить благоприятная обстановка для крупного наступления. Если оно дойдет до Софии, то будет прервано сообщение между Германией и Турцией. Такое наступление во всяком случае удержит на границе крупные болгарские и австрийские силы (взамен германских). Кроме того надо учесть, что присутствие союзных войск в Салониках будет сильно влиять на решения Германии относительно Румынии. Германии трудно будет сосредоточить войска против Румынии, имея сзади союзную армию в Салониках [1]).

В результате прений было принято предложение ген. Жоффра отложить рассмотрение вопроса о салоникском фронте.

Не безинтересно сравнить с изложением взглядов союзных представителей на конференции, так как они представлены в оффициальных протоколах, общее впечатление об этих выступлениях ген. Жилинского. „С Салониками", пишет он Алексееву в донесении от 5/18 марта, „дело кажется разлаженным. Англичане, видимо, желают вывести оттуда свои войска на французский фронт и Жоффр этому повидимому рад. Думаю, что если потери французов под Верденом окажутся очень велики, то он возьмет из Салоник и французов, оставив там только сербов и русских. К этому видимо клонится дело и все настояния мои и Пешича, что перевозка сербской армии должна служить для увеличения салоникской армии, чтобы создать наступательную группу, имели лишь тот слабый результат, что решение этого вопроса отсрочено до нового совещания, так как теперь все равно нет перевозочных средств для вывоза англо-французских войск из Салоник".

[1]) Протокол 2-го заседания совещания.

Кроме изложенных вопросов конференция обсуждала также вопрос о блокаде Германии в связи с мерами к уменьшению ввоза в нее из голландии в Скандинавии. Ген. Жилинский высказывал по этому опасения русского командования, что слишком большое стеснение Швеции может втянуть ее в войну и тем самым отвлечь против нее некоторые наши силы с германского фронта. Вопрос о блокаде был передан предстоявшей военно-политической конференции.

Общие заключение конференции были следующие:

„1. Приложенная к протоколу таблица, составленная по данным, сообщенным членами совещания, указывает средства каждой из союзных армий в людях, военных матерьялах и снарядах.

2. Коалиция предпримет общее наступление в возможно скором времени. Точное число будет установлено соглашением между Главнокомандующими.

3. Сербская армия в возможно скором времени будет перевезена в Салоники.

В составе восточной армии в настоящее время не произойдет никаких изменений; вопрос об этом будет вновь рассмотрен и решение будет принято согласное с обстоятельствами.

Англо-французские войска в мере возможности будут организованы для ведения горной войны.

4. Восточная армия и итальянские силы в Албании будут держать противника под угрозой наступления. Дальнейший способ действий их будет указан в зависимости от обстоятельств.

5. Совещание выражает пожелание, чтобы экономическая блокада Германии была стеснена, насколько это только окажется возможным" [1]).

ГЛАВА VI.

Военно-политическая конференция союзников 14 марта (1 марта) 1916 г.

(По протоколам конференции).

Военная конференция союзников в Шантильи имела место 12 марта (28 февраля) 1916 г. 27 марта (14 марта) состоялась новая военно-политическая конференция, в которой приняли участие, кроме военных представителей,

[1]) Протоколы конференции.

министры союзных государств. Россия в виду трудности сообщений была представлена одним ген. Жилинским. В первом заседении председатель конференций французский премьер министр Бриан выступил с речью, в которой заявил, что настоящее собрание отмечает новую, счастливую эпоху в течение войны. Оно знаменует тесную солидарность союзных стран, веру в конечный успех и твердое намерение вести общие, методические и согласованные действия. „Неприятель бросился на Верден именно потому, что понимает опасность от согласованных действий союзников, бросился с целью сделать невозможным или по крайней мере оттянуть наше наступление. До сих пор неприятель имел дело лишь с каждым из нас в отдельности и еще не знаком с совокупностью наших сил. Он мог действовать против каждого из нас в отдельности, будучи свободен в своих действиях и тем не менее не мог достигнуть решительных результатов. Он имел дело с каждым из нас в отдельности и знает, что не в силах будет противостоять нашим героям-солдатам, когда они будут драться на едином фронте, следуя единому побуждению. Победа зависит от нас, от наших согласованных действий. Каждый из нас несет ответственность не только перед своею страною, но и перед всем светом, т. к. мы служим его высшим идеалам справедливости и свободы. Перед нами одна общая задача, которой служит единая армия на едином фронте по общему побуждению и против общего врага. Если мы сумеем согласовать наши усилия, мы скоро увидим свои знамена увенчанными победой".

Далее Бриан определил цели конференции:

1) рассмотрение общих условий войны и наилучшее использование сил в открывающейся кампании, 2) рассмотрение условий общего перехода в наступление в связи с решением, принятым на совещании генеральных штабов в Шантильи, 3) рассмотрение вопроса о материальных средствах, нужных для некоторых из союзников для обеспечения производства орудий и снарядов. Вслед за этим генерал Жоффр прочел доклад о военном совещании, состоявшемся в Шантильи, с изложением главных его решений. Решения эти были подтверждены политической конференцией.

По вопросу о взаимной помощи произошел обмен взглядов между членами конференции, приведший к инциденту между представителями Италии и России. Генерал Кадорна выступил с просьбой о снабжении Италии недо-

стающей ей тяжелой артиллерией. При этом он заявил, что Италия со своей стороны уступила России 400.000 ружей. Когда дошла очередь до заявления представителя России, генерал Жилинский заметил, что, правда, Италия уступила России 400.000 ружей, но они не новейшего образца и поэтому были отправлены в лагери и служат для обучения новобранцев. Таково было содержание инцидента в протоколе первого заседания, при чем однако в окончательной редакции вычеркнуты оба заявления. Мы находим раз'яснение этого в донесении генерала Жилинского ген. Алексееву от 18 мая (5 мая) 1916 г. Ген. Жилинский жалуется, что наш посол в Риме Гирс раздул инцидент, выставив дело так, как будто Жилинский первый сделал заявление об итальянских ружьях. На самом деле было как раз наоборот. Генерал Кадорна говорил первый. Слова его смягчены в протоколе, но тон их был такой, что оставить их без ответа было невозможно. „Смысл и тон", пишет Жилинский, „был таков: вот, когда Россия нуждалась, мы ведь ей помогли, дали 400.000 ружей. Я не просил слова для возражения, а, как Вы увидите из протокола, выждал конца длинных переговоров и только, когда настала моя очередь, изложил сначала вопрос о пушках, а затем, между прочим, сказал о ружьях. И тут телеграмма Гирса совершенно исказила мои слова: он телеграфировал, будто я заявил, что ружья „скверного качества"; я этого не говорил, а выразился, что ружья „устаревшего образца".

Инцидент был совершенно исчерпан тем, что оба заявления были вычеркнуты из текста протокола. Ген. Жилинский напоминает, что на декабрьском военном совещании он сказал совершенно то же самое и тогда итальянский представитель ген. Порро на это не обиделся и не возражал". Если же ген. Кадорна позволил себе в настоящем заседании свою хвастливую выходку, то конечно в расчете на традиционное смирение русских, с коими привыкли не считаться". Жилинский добавляет, что итальянцы вообще возмущали многих членов конференции. У них произошло еще одно об'яснение с сербами, „к сожалению" также окончившееся в их пользу.

В этом инциденте все очень характерно: и „тон" итальянцев и „традиционное смирение" русских.

Общие прения по вопросу о взаимной помощи материальными средствами привели к выяснению весьма серьезных нужд у некоторых из союзников и возможности попол-

нения этих потребностей из запасов остальных союзников. Вместе с тем выяснилось, что Франция и Англия, наиболее обеспеченные военными припасами, страдают, первая от недостатка рабочих рук, вторая же от недостатка перевозочных средств.

Представители Франции—Бриан, Альбер Тома и генерал Жоффр обещали помочь союзникам снабжением их оружием и боевыми припасами. Но Франция, пояснил Бриан, призвала под знамена почти всех людей, способных носить оружие. У нее чувствуется недостаток в рабочих, а вместе с тем она должна заботиться увеличением производства снарядов. Если бы кто либо из союзников был в состоянии помочь этому недохвату, то Франция была бы счастлива получить эту помощь, а вместе с тем таковая помощь была бы выгодна для всех. К этому Альбер Тома добавил технические данные о производстве боевых припасов во Франции. Франция в деле производства снарядов продолжает громадное свое усилие. Принятая ею программа позволяет работать для французской армии и вместе с тем отвечает на некоторую часть требований союзников. Но Франция могла бы использовать на 100.000 рабочих больше и она прилагает повсюду все свои старания, чтобы добыть таковых. Генерал Жоффр вернул в мастерские все, что не нарушало интересов страны. Призваны колониальные рабочие и даже предполагалось призвать китайцев. Франция делает максимальное усилие, но она желает по возможности оказать еще большую поддержку своим союзникам.

Г. Альбер Тома предлагает России и Италии помочь в этом деле Франции. Трудно получить рабочих, знающих ремесло, но рядом с ними нужны простые рабочие руки, которые до войны находились на всех заводах. В частности, в отношении Италии, Альбер Тома спрашивает, нельзя ли получить некоторые изменения в приложении эмиграционного закона, препятствующего набору там рабочих. На это обращение представители Италии Саландра и Соннино ответили, что Италия сама нуждается в квалифицированных рабочих. Кроме того, уступка рабочих могла бы натолкнуть частное производство на невыполнение контрактов, заключенных с правительством. Что же касается обыкновенных рабочих, то конечно некоторое количество можно было бы найти. Эмиграционная комиссия расширила рамки толкования закона относительно всех необязанных воинской повинности. Италия найдет возможным снабдить Францию

некоторым количеством рабочих, освобожденных от воинской повинности, т. е. старше 40 лет, но при условиях, что им будут даны некоторые гарантии и если благоприятные условия их работы окажутся обеспеченными. Но это помощь в рабочих будет ограничена, т. к. Италия должна предпринять крупные инженерные работы, главным образом, около Швейцарской границы. Представитель России Извольский не мог дать точных сведений по рабочему вопросу, но сообщил, что вопрос этот уже обсуждался представителями России и Франции и что соображения, высказанные на конференции, будут доведены до сведения русского правительства.

В общем прения на первом заседании выяснили весьма интересную картину состояния союзных государств в отношении снабжения.

Франция, как уже видно из приведенных заявлений ее представителей, находилась в весьма благоприятных условиях развития своего производства, но дальнейшее развитие последнего встречало препятствие в недостатке рабочих рук. Следует отметить признание французских представителей, что верденские бои в значительной мере дали себя почувствовать, как в потере выведенных из строя орудий, так и в людях.

Англия, как видно из слов Ллойд Джорджа, была в чрезвычайно тяжелом положении. Великобритания имела в начале войны небольшую армию и могущественный флот. Все усилия были направлены к тому, чтобы развить флот и ответить его потребностям. „В настоящее время", заявил английский премьер министр, „более 2-х миллионов людей работает для нужд флота.—Англия стеснена своим огромным флотом, но нельзя забывать, что этот флот обеспечивает господство на море всех союзников. С другой стороны, армия, весьма малая в начале войны, не переставала увеличиваться, и британское правительство прилагает все усилия, чтобы обеспечить все ее требования. Производство тяжелой артиллерии началось лишь прошлым летом. Первые заказы были даны в июле, т. к. ранее выделки пушек пришлось строить фабрики, купить соответствующие машины и выработать штат рабочих. К концу года у Англии будет все необходимое и она будет в состоянии даже помогать России и Сербии. Но Англия встречает такие же затруднения, как и Франция, по отношению к рабочей силе. Следствием этого является, что, например, пулеметы, которые должны

были быть изготовлены для Италии, еще не сданы вследствие невозможности итальянского правительства прислать обещанные 6.000 рабочих“. Ллойд Джордж выразил при этом желание, чтобы каждый из союзников в отдельности прилагал все усилия к развитию изготовления орудий и снарядов, после того должно быть принимаемо решение, куда эти вооружения и снаряды должны быть направлены.

Положение России было обрисовано в речах ген. Жилинского и Извольского. Россия, заявил Жилинский, очень нуждается в материале и снарядах, но главною необходимостью для нее является тяжелая артиллерия. В России к затруднениям производства и снабжения при помощи Франции и Англии прибавляются еще трудности доставки. Россия нуждается в ружьях. Русское правительство заказало ружья в большом количестве в Америке, но вследствие трудности доставки они еще не прибыли. Чувствуется также недостаток в патронах, несмотря на все усилия, сделанные Россией, чтобы увеличить производство ее заводов. Русская армия выпустила большое число патронов, нежели другие союзные страны. Это происходит оттого, что за неимением тяжелой артиллерии, пехота должна выступать чаще. В России недостает также некоторых металлов. Известные из них обещаны Францией, но другие, как то ртуть и латунь, не находятся во Франции и Россия обращается к своим союзникам за содействием и добыче их. К этому А. И. Извольский добавил, что если союзники будут ждать, как было предложено Ллойд Джорджем, окончания изготовления орудий и снарядов, чтобы распределить их между союзниками, Россия очутится в особенно затруднительном положении вследствие большого срока, нужного для провоза.

Для Италии, как видно было раньше, главный вопрос заключался в недостатке тяжелой артиллерии.

Из малых государств Бельгия, обладая известным числом выходцев, обещала принять все меры для снабжения рабочими французских фабрик.

Сербское правительство, как выяснилось из слов его представителей, было озабочено одинаково политическими и материальными вопросами, о которых считало нужным поставить в известность конференцию. В политическом отношении сербское правительство было обеспокоено внесенным в протокол военной конференции пунктом об отвлечении от коалиции центральных государств некоторых

воюющих балканских стран. Это орудие по мнению сербов обоюдоостро. Если сербская армия, физические и моральные страдания которой известны, могли бы думать, что у некоторых из союзников явилась мысль переговоров с одним из неприятелей, не говоря с каким, этого было бы достаточно, чтобы заставить ее пасть духом. Сербское правительство желало бы, чтобы этот пункт не оставался двусмысленным. В этих опасениях, высказанных сербским дипломатическим представителем г. Весничем, очевидно сказалась боязнь сербов, что союзники захотят ценой уступок на Балканах купить выход из войны Болгарии.

В отношении материальных нужд Сербии, ген. Рашич сообщил, что 150.000 сербская армия нуждается, главным образом, в полевой артиллерии. Сербская армия потеряла и уничтожила во время отступления почти все свои орудия. Чтобы быть в состоянии в нужный момент быть полезной, союзникам Сербии необходимо иметь артиллерию, пропорциональную количеству ее войск. Поэтому она просила 6 полевых батарей, 6 горных и 6 мортирных батарей 120 м.м. на бригаду. Но ген. Жоффр мог обещать только 3 полевых, 6 горных и 2 мортирных. Таким образом получается огромная разница между нуждою сербской армии и тем, что ей обещано. Кроме того, сербская армия убеждена, что полевые батареи не удовлетворяют требованиям театра войны и будет крайне опечалена невозможностью получить необходимые ей горные батареи. В ответ на заявление сербов Бриан, рассеял их опасения по поводу переговоров, могущих нанести ущерб законным интересам Сербии. Это заявление было поддержано и русским послом. Ген. Жоффр заверил, что сербская армия получит все, что ей необходимо.

В этом же заседании конференции рассматривались особые вопросы, соприкасающиеся с делом производства вооружения, а именно вопросы об угле и фрахте. Было отмечено, что вопрос о фрахте принял во Франции крайне тревожный характер, в Италии же достиг крайне острого положения. По заявлению итальянского представителя отсутствие фрахта может остановить в Италии всякую экономическую жизнь, а впоследствии нанести большой удар ее военным усилиям. Италия безусловно нуждается в хлебе, в угле, в железных остатках для производства вооружения и итальянское правительство уже настаивало в Лондоне на важности этих вопросов.

Английские представители изложили положение Англии в этих вопросах. Сэр Эдуард Грей отметил, что недостаток угля чувствуется и в Англии, причем главной причиной этого является недостаток в рабочих руках в копях. Между тем, спрос на уголь все возрастает, как для английского флота, так и для союзников. Но безусловно самое большое затруднение заключается во фрахте. Оно вытекает из недостатка коммерческих пароходов, потребность в каковых значительно увеличилась, вследствие перевозки войск, вооружения, снаряжения и продовольствия, необходимых для армии. Для разработки мероприятий по обеспечению наибольшего количества судов был учрежден в Лондоне Комитет под председательством Лорда Керзона, в котором представлены Франция и Италия и который стремится заполучить возможно большее количество судов и распределить их между союзниками. Из дальнейших прений выяснились меры необходимые для того, чтобы ускорить провозы и уменьшить фрахты. Был оглашен перечень мер, принятых Англией: 1) запрещение английским судам заниматься торговлей с нейтральными странами, 2) развитие постройки коммерческого флота, 3) правильное распределение труда в виде замены мужчин женщинами и т. п., 4) запрещение ввоза предметов роскоши, 5) разгрузка загроможденных портов посредством лучшего привлечения военной рабочей силы [1]). Со своей стороны французские представители сообщили предположения своего правительства по этому вопросу. Французский морской министр выразил пожелание, чтобы во избежание соревнования между союзниками было бы поручено великобританскому правительству заботы о соединении всего тоннажа союзников и распределении его между ними. Бриан напомнил о проекте создания для этой цели междусоюзной комиссии под наблюдением Англии.

Следующее второе заседание было посвящено вопросам, касающимся экономического положения и вопросу о Германской блокаде. В основу этого обсуждения председатель конференции Бриан предложил поставить мысль, что союзники не должны ограничиваться исключительно вопросами борьбы военной, но также должны перенести войну на экономическую почву. Победа на экономической почве также необходима, как и на военной. Необходимо согласовать

[1]) Речь г. Асквита.

усилия всех союзников, чтобы закрыть те щели, чрез которые Германия может еще получить припасы. Эту цель преследуют созданные в Париже и Лондоне комитеты по ограничению неприятельских снабжений (Comité de Restriction des Approvisionnements de l'ennemi). Желательно было бы учреждение подобных комитетов и в других странах. Эту мысль развил другой французский представитель Леон Буржуа. По его мнению необходимо прежде всего установить единство метода и единство в суждениях. В каждой стране существует или комитет уничтожения торговли противника с нейтральными государствами или учреждения соответствующие им по смыслу, но между всеми ними нет связующего элемента. Было бы необходимо применить в этом вопросе в каждой стране одинаковые методы, чтобы получилась общая база для сравнения. Поэтому надо учредить один центральный орган, в котором сосредоточивать бы все сведения. Этим способом можно бы избежать все затруднения с нейтральными странами, т. к. создавалась бы общность мер, применяемых союзниками.

Мысль о создании такого центрального органа в общем встретила сочувствие всех членов конференции. Были высказаны лишь опасения, чтобы слишком резкая политика в отношении некоторых нейтральных стран не толкала бы их в об'ятия Германии. Так итальянские представители высказали боязнь раздражить самолюбие Швейцарии стеснением ее торговли и сделать эту страну враждебной союзникам. Ген. Жилинский указал на особое положение России в отношении Швеции. В Швеции раздражение мерами запрещения торговли основано исключительно на том, что меры наблюдения через чур строги. Всем известно, что одно время положение было столь натянутым, что даже боялись войны со Швецией. Если бы эта страна перешла на сторону Германии, то России пришлось нести всю тяжесть войны и если шведская армия не представляет большой опасности для России, то ее выступление создало бы не малое затруднение для союзников. Необходимо, чтобы меры принятые по отношению к Швеции, не заставили ее идти с Германией.

В ответ на эти возражения было указано, что создание центрального органа даст возможность избежать крайности в политике по отношению к нейтральным и согласовать в этом вопросе деятельность всех государств. В частности относительно Швеции было отмечено, что, например, до

войны она ввозила 11.000 тонн шерсти в год, а в первые шесть месяцев 1915 года ввезла 116.000 тонн. По Рейну из Швеции введено в Германию 1.500.000 тонн минерала. Эта шерсть, этот минерал для производства снарядов, заметил франц. делегат Альберт Тома, опаснее известного недовольства в Швеции. Ген. Жилинский согласился, что следует сжать экономическую блокаду, но при условии избежания присоединения нейтральных к нашим врагам.

Третье заседание конференции 28 марта 1916 года обсуждало доклады двух подкомиссий: 1) по вопросам вооружения и использования рабочих рук и 2) по вопросам фрахта и угля.

Общая цель первой подкомиссии заключалась в том, чтобы, по возможности ускорить срок общего наступления союзников и сделать это наступление по возможности интенсивным. Относительно вооружения было достигнуто в подкомиссии полное соглашение между представителями союзных штабов. Был принят ряд решений о взаимной помощи вооружением. Франция обещала доставить Италии артиллерию среднего калибра, Англия—пулеметы Леваса.

Что касается России, в докладе подкомиссии сказано, что хотя и не возможно дать России полное удовлетворение в том, что касается материалов новейшего производства, тем не менее Франция и Англия готовы сделать все, что от них зависит, чтобы удовлетворить этим требованиям. Франция уступит России длинные пушки 120 м./м. и пушки 90 м./м. с нужным запасом снарядов, тогда как Англия поставит ей возможно ранее мортиры 4-х, 8-ми и 12-ти дюйм. по мере производства их заводом Виккерс. Что касается пушек 280 м./м., то Франция будет в состоянии поставить нужное России количество лишь только она закончит потребное ей число батарей. Наконец, Франции поручено на основании договора с Англией, доставлять все вооружение и снаряжение, требуемые для сербской армии.

Вслед за этим доклад подкомиссии отмечает, что представители государств, участвующие в конференции, разобрали и сравнили цифры наличных запасов снабжения и ежедневного производства, представленные конференцией союзников. Они проверили их правильность, при чем выразили удовлетворение, что в каждой стране союза размеры производства дают надежду, что поступление будет сильным и действительным. Вторая часть доклада комиссии касалась распределения средств производства между союз-

ными странами. Вопрос был формулирован следующим образом: „не достаточно иметь одну только общую армию, один только общий фронт; нужно еще иметь общую мастерскую". В отношении распределения между союзниками продуктов первой необходимости, за исключением угля, было признано, что положение всех союзных стран удовлетворительно и что все продукты почти равномерно распределены между ними. Что касается распределения рабочей силы, главный вопрос заключался в том, как облегчить положение Франции, имеющей наиболее развитое военное производство и вместе с тем страдающей от недостатка рабочих рук. Главная помощь Франции могла бы быть оказана Италией и Россией.

Доклад второй подкомиссии представил заключение по трем вопросам: 1) об экономической солидарности союзников вообще, 2) о сокращении средств продовольствования неприятеля, 3) о фрахтах и транспортах. Что касается первого вопроса подкомиссия подтвердила солидарность союзников на экономической почве и предложила поручить предстоящей экономической конференции выработать меры, могущие реализировать эту солидарность. По второму вопросу Подкомиссия предложила учредить в Париже центральный орган, которому было бы поручено изучение мер, могущих быть принятых, чтобы помешать продовольствованию неприятеля. Наконец, что касается фрахта и транспорта был выставлен принцип, что союзники должны сочетать вместе все свои средства и стараться как можно ровнее распределить между собою тяготу, налагаемую войной. Результат этот, повидимому, может быть легко достигнут дальнейшим развитием комитета, который работает уже в Лондоне. Подкомиссии предлагает конференции постановить: 1) учреждение в Лондоне международного бюро для зафрахтования; 2) начать совместно и немедленно изыскание практического способа для точного распределения между союзными странами расходов, вытекающих из морских транспортов и борьбы с повышениям фрахтов.

Предложения обоих подкомиссий были приняты конференцией с незначительными оговорками.

Четвертое, последнее заседание конференции было посвящено обсуждению текста общей декларации, которая от имени всех союзников должна была быть сделана конференцией. Следующий текст декларации был принят собранием: „Представители Союзных Государств, собиравшиеся

в Париже 27-го и 28-го марта 1916 года, подтверждают полную общность взглядов и солидарность союзников. Они подтверждают все меры, предпринятые для осуществления единства действия на едином фронте. Они под этим подразумевают единство военных действий, обеспеченное соглашением, заключенным между штабами; единство экономических действий, организация которых была решена настоящей конференцией и единство действий дипломатических, которые служат порукою в непоколебимом желании продолжать борьбу для достижения общей цели.

ИСТОЧНИКИ.

Дела Управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем.

1. Дело № 22. Общие вопросы с союзниками (1914—1915 г.).
2. Дело № 56 ч. I. Сношения по оперативным вопросам с союзниками. Франция 1915—1916 г.
3. Дело № 56 ч. I. Сношения по оперативным вопросам с союзниками. Сербия 1915—1916 г.
4. Дело № 56 ч. I. Сношения по оперативным вопросам с союзниками. Италия 1915—1916 г.
5. Дело № 56 ч. I. Сношения по оперативным вопросам с союзниками. Англия 1915—1916 г.
6. Дело № 56. ч. II. Сношения по оперативным вопросам с союзниками. Франция 1916—1917 г.

